АРКАДИЙ и БОРИС СТРУГАЦКИЕ

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

БОРИС ВИШНЕВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного петербургского публициста Бориса Вишневского – результат многолетней работы. Кроме биографических материалов, в ней приведены более двух десятков бесед с Борисом Стругацким, записанных автором в 1992–2002 годах (большинство из них публиковалось в книгах, газетах и журналах). Автор рассматривает в контексте настоящего времени лучшие, на его взгляд, произведения братьев Стругацких, опираясь на воспоминания Бориса Стругацкого об истории создания этих произведений. Книга снабжена уникальными фотографиями, большая часть которых никогда не публиковалось.

- Вишневский Борис Лазаревич
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ОТ АВТОРА
- Глава первая
  -
  - «Наша биография»
  - «Это была потеря половины мира»
  - О времени и о себе…
  - «Главная тема Стругацких – это выбор…»
  - Вопрос – ответ
- Глава вторая
  -
  - «Страна багровых туч» (1957)
  - «Возвращение. Полдень, XXII век» (1960)
  - «Понедельник начинается в субботу» (1964)
  - «Трудно быть богом» (1963)
  - «Далекая радуга» (1962)
  - «Улитка на склоне» (1965)
  - «Обитаемый остров» (1969)
  - «Жук в муравейнике» (1979)
  - «Хромая судьба» (1967–1982)
  - «Град обреченный» (1975)
- Глава третья
  -
  - «Главное – чтобы не пролилась кровь»
  - Империя наносит ответный удар
  - «Политик – это профессия, которой нельзя научиться»
  - «Дорога в десять тысяч ли начинается с первого шага»
  - «Шестидесятники – это большевики»

- «Стругацкие ничего зря не пишут»
- Учитесь делать добро… из зла
- «Президент сыграл не лучшую партию»
- «Демократия кончается там, где начинается угроза демократии»
- «Все, что не имеет отношения к реальности, мне просто неинтересно…»
- «Демократия без границ нежизнеспособна, как человек без кожи»
- «В молодости я был бесконечно далек от политики»
- Жить трудно, но интересно
- «Мы выкарабкаемся обязательно»
- Наступило разочарование в будущем

• ПРИЛОЖЕНИЯ
- Кончилась целая эпоха
- Краткая шуточная биография Аркадия Стругацкого
  -
  - Армия
  - Бескомпромиссность
  - Блокада
  - Благородство
  - Внуки
  - Встречи с читателями
  - Галстук
  - Гауптвахта
  - Деньги
  - Дети
  - Дружба
  - Женщины
  - Известность
  - Кино
  - Книжная лавка писателей
  - Костюм
  - Крепость
  - Легенды
  - На берегу
  - Наивность
  - Национальность
  - Обаяние
  - Оружие
  - Писатели
  - Ребро
  - Рецензент
  - Стихи

        - Талант
        - Устные рассказы
        - Фантастика
        - Фэны
        - Хобби
        - Цензура
        - Шутки
        - Ъ
        - Ь
        - Эмиграция
        -
    - ЗАВЕЩАНИЕ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Вишневский Борис Лазаревич
Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда

Автор выражает свою глубокую признательность

Михаилу Амосову, Юрию Флейшману, Владимиру Борисову, Константину Селиверстову, Вере Камше, Андрею Болтянскому, Ольге Покровской, Юрию Корякину, Николаю Ютанову, Владимиру Медведеву и многим другим, благодаря которым эта книга увидела свет.

Отдельная благодарность –

Борису Натановичу Стругацкому, без многолетнего общения с которым о написании этой книги просто не могло быть и речи…

Использованы фотографии

Яны Ашмариной, Людмилы Волковой, Екатерины Шуваловой, Александра Воронина, Дмитрия Кощеева, Юрия Липсица, Сергея Подгоркова, Вячеслава Рыбакова и автора этой книги, а также фотографии из архивов Б.Н. Стругацкого, группы «Людены» и издательства «Terra Fantastica».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я рано научился читать и всегда читал много. Конечно, как всякий нормальный мальчишка, я любил играть в футбол, гулять с товарищами и ходить в кино. Но тем не менее книги всегда занимали в моей жизни совершенно исключительное место. И конечно же, среди них были какие-то самые любимые, самые дорогие. С течением лет одни «самые любимые» сменяли другие, что вполне понятно. Но были и такие, которые я пронес с собой через всю жизнь, возвращаясь к ним снова и снова. Среди них безусловно и книги Аркадия и Бориса Стругацких.

Мне было 13 лет, когда старшая сестра дала мне прочесть «Понедельник начинается в субботу». И до сих пор эта гениальная книга остается моей самой любимой книгой Стругацких. У нас дома был огромный стол, и когда мы садились обедать, я на протяжении нескольких месяцев «доставал» сестру тем, что командовал, подражая «неудовлетворенному желудочно» кадавру, созданному профессором Выбегалло: «Эй, девка, обрат лей сюда, значить!»…

После «Понедельника» я сразу же понял, что ради любой следующей книги Стругацких буду откладывать дела и недосыпать ночами. Так оно в точности и получилось. А сколько замечательных часов было потом проведено в беседах с друзьями, в пересказах и обсуждениях событий и героев! Думаю, что не ошибусь, если скажу, что книги Стругацких для нашего поколения, родившегося в середине XX века, стали символом, счастливой приметой, одним из самых радостных явлений нашей юности.

Второй моей любимой книгой стала «Трудно быть богом». Когда я читал и перечитывал ее, мне сразу было понятно, что авторы пишут вовсе не о вымышленной стране Арканар, расположенной на вымышленной планете, а о нашей стране, о тех проблемах, о которых не разрешалось говорить иначе как «эзоповым языком», перенося действие в фантастические миры…

С той поры минуло много лет, но книги Стругацких неизменно остаются для меня одними из самых дорогих в домашней библиотеке. Каждый раз, перечитывая их, я обязательно обнаруживаю что-то новое, ранее незамеченное, или связанное с сегодняшним днем. И потому мне было очень любопытно взять в руки книгу о творчестве Стругацких, которую написал мой друг и коллега по «Яблоку», прекрасный журналист Борис Вишневский.

Книгу Бориса я «проглотил» не останавливаясь – настолько

меня захватила и история жизни Аркадия и Бориса Стругацких, и размышления Бориса Вишневского о лучших, на его взгляд, произведениях (во многом созвучные моим собственным размышлениям), и многолетняя «серия» бесед автора с Борисом Стругацким, в которых как в «зеркале» отразилась почти вся история нашей страны за последнее десятилетие. Я узнал необычайно много нового о моих любимых писателях – начиная от подробностей их биографии и заканчивая историей создания их книг.

Не сомневаюсь, что книга Бориса Вишневского будет интересна всем, кто, как и я, вырос вместе с произведениями Аркадия и Бориса Стругацких и навсегда остался их поклонником.

С большой радостью представляю ее будущим читателям.

Михаил АМОСОВ,

депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, председатель Санкт-Петербургского отделения партии «ЯБЛОКО»

Март 2003 года

ОТ АВТОРА

Если бы 10–15 лет назад кто-нибудь предсказал, что я напишу книгу о братьях Стругацких, – в лучшем случае я счел бы это шуткой. Во-первых, трудно было представить себе написание книги вообще. Во-вторых, еще труднее было представить себе написание книги не по основной – математической – специальности, не имеющей никакого отношения к литературе вообще и к фантастике в частности. А в-третьих, совсем невозможно было представить себе написание книги о людях, мимолетная встреча с которыми – и то представлялась недосягаемой мечтой…

И все же эта книга – перед вами.

Эта книга написана не математиком, переквалифицировавшимся в литературного критика. Хотя такие случаи сегодня нередки – траектории судеб моих сверстников за последнее десятилетие выделывали и не такое. Она написана благодарным читателем книг АБС (это сокращенное «обозначение» Аркадия и Бориса Стругацких давно стало классическим) для других благодарных читателей. Для тех, кто, как и я, свято уверен: братья Стругацкие были всегда, есть и пребудут во веки веков. И главным образом – для поколения, выросшего вместе с Владимиром Юрковским и Иваном Жилиным, благородным доном Руматой и бароном Пампой, Леонидом Горбовским и Геннадием Комовым, Максимом Каммерером и Рудольфом Сикорски, Кристобалем Хунтой и Романом Ойрой-Ойрой…

Впрочем, о поколении – отдельно.

Тем, кто любит Стругацких, – условно говоря, от девяноста пяти до пятнадцати лет: четыре поколения читателей. Но первые два из них – предвоенные, и ничто не могло повлиять на них сильнее Великой Отечественной. Последнее – те, кому сегодня меньше тридцати, – формировалось в горбачевскую эпоху, когда рухнул «железный занавес»…

И лишь для моего поколения – родившегося в первое послевоенное двадцатилетие – фантастика вообще и творчество АБС в особенности стали в значительной мере определяющими в жизни. Годы, когда мы росли, почти точно пришлись на годы правления «дорогого Леонида Ильича»: 1964–1982. Эпоха, последовавшая сразу за хрущевской «оттепелью» и впоследствии названная застойной. Времена разоблачения культа личности, Двадцатого съезда, выноса Сталина из Мавзолея – в общем, эпоха первого «глотка свободы» – остались позади. Как следует

почувствовать эту эпоху на себе мы не успели. Правда, не успели и испугаться, когда она закончилась, как предыдущее поколение Великих Шестидесятников. То, которое, с одной стороны, дало нам Сахарова, Окуджаву, Галича и братьев Стругацких. А с другой – за все прошедшие после «оттепели» годы (включая нынешние), они, кажется, так и не смогли заглушить в себе страх перед тем, что вернется то прошлое, которое было пережито в дни молодости, аресты, лагеря, ссылки и допросы…

Мы все-таки были другими – не лучшими, конечно. Просто другими.

В начале пути мы верили в коммунизм – и лишь к его середине начали утрачивать иллюзии: Чехословакия 1968-го и Афганистан 1979-го заставили расстаться с верой в социализм с человеческим лицом.

В начале пути мы верили, что культ Иосифа больше не вернется – и лишь к его середине поняли, что он успешно заменен культом Леонида.

В начале пути мы верили, что гайки отпущены, – и лишь к его середине убедились, что их закручивают снова.

Дабы читатель лучше понял, какое наступило время этак году к 1967-му – если кто не помнит, к 50-летию ВОСР, то бишь Великой Октябрьской Социалистической Революции, как тогда было принято именовать большевистский переворот), – процитирую Бориса Натановича:

«Слухи о реабилитации Сталина возникали теперь чуть не ежеквартально. Фанфарно отгремел смрадный и отвратительный, как газовая атака, процесс над Синявским и Даниэлем. По издательствам тайно распространялись начальством некие списки лиц, публикация коих представлялась нежелательной. Надвигалось 50-летие ВОСР, и вся идеологическая бюрократия по этому поводу стояла на ушах. Даже самому изумрудно-зеленому оптимисту ясно сделалось, что „оттепель“ „прекратила течение свое“ и пошел откат, да такой, что впору было готовиться сушить сухари… Сегодняшний читатель просто представить себе не может, каково было нам, шестидесятникам-семидесятникам, как беспощадно и бездарно давил литературу и культуру вообще всемогущий партийно-государственный пресс, по какому узенькому и хлипкому мосточку приходилось пробираться каждому уважающему себя писателю: шаг вправо – и там поджидает тебя семидесятая (или девяностая) статья УК, суд, лагерь, психушка, в лучшем случае занесение в черный список и выдворение за пределы литературного процесса лет эдак на десять; шаг влево – и ты в объятиях жлобов и бездарей, предатель своего дела, каучуковая совесть, иуда, считаешь-пересчитываешь

поганые сребреники… Сегодняшний читатель понять этих дилемм, видимо, уже не в состоянии…»

На наших глазах рассыпалась в прах «оттепель» шестидесятых, вокруг все больше громоздились горы Большой Лжи и фарисейства, сладкие голоса вождей и их «популизаторов» пели о неуклонном приближении к коммунизму и великих достижениях, об отсутствии проблем, более сложных, чем конфликт между новым и старым способами выплавки стали… И все более казалось, что липкая паутина массового оболванивания почти всех отучила думать, спорить и сомневаться в истинах, объявленных вечными и неоспоримыми, что мир вокруг – чудовищен и нереален, все поставлено с ног на голову, ибо черное постоянно называют белым, глупость – мудростью, провалы – победами, а кривду – правдой.

Бороться с нарастающей вокруг духотой, лицемерием и ложью решались не все. Точнее – единицы.

Те, кто решался, – становился диссидентами, подписывал письма и выходил на площадь в свой назначенный час. После чего в лучшем случае садился в психушку, в худшем – в какой-нибудь Мордовлаг.

Те, кто не желал смириться, но не мог или не решался действовать, – искали себе «экологические ниши», отдушины, где мир снова становился нормальным, где разбивались кривые зеркала «соцреализма» и не было разрыва между совестью и разумом.

Главных отдушин было три. Авторская песня, туристские (большей частью горные) путешествия и – фантастика.

Соответствующими были и Учителя, которых мы себе выбрали. Юрий Визбор и Рейнгольд Месснер, Булат Окуджава и Иван Ефремов, Юлий Ким и Морис Эрцог, Александр Городницкий и Наоми Уемура, Александр Галич и Артур Кларк, Юрий Кукин и Роберт Шекли. И конечно – Аркадий и Борис Стругацкие.

Те, кто душой впитывал их книги, кажется, чем-то неуловимо отличались от других, интуитивно узнавали друг друга при встречах – фразы «из Стругацких» действовали как пароль, как признак единомышленника, равного тебе и понимающего тебя с полуслова, как опознавательный знак в полумраке застойной эпохи. Стоило услышать от незнакомого прежде человека что-нибудь типа «ваши ковры прекрасны, но мне пора», или «розги направо, ботинок налево», или «профессор Выбегалло кушал» – и становилось ясно: свой! Родственная душа! «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Тебе не надо объяснять, что такое малогабаритный полевой синтезатор «Мидас», коллектор рассеянной информации

и нуль-Т. И кто такие контрамоты…

Низкий поклон вам, учителя.

Когда-то вы написали: «Будущее создается тобой, но не для тебя».

Вы создали это будущее.

Оно принадлежит тем, кого воспитали вы.

Глава первая
ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

Вначале – слово Борису Натановичу Стругацкому:

Признаюсь, я всегда был (и по сей день остаюсь) сознательным и упорным противником всевозможных биографий, анкет, исповедей, письменных признаний и прочих саморазоблачений – как вынужденных, так и добровольных. Я всегда полагал (и полагаю сейчас), что жизнь писателя – это его книги, его статьи, в крайнем случае – его публичные выступления; все же прочее: семейные дела, приключения-путешествия, лирические эскапады – все это от лукавого и никого не должно касаться, как никого, кроме близких, не касается жизнь любого, наугад взятого, частного лица. АН (Аркадий Натанович. – Прим. авт.) безусловно придерживался того же мнения, и поэтому предлагаемый вниманию читателя текст представляет собою документ, в творчестве АБС редкий и даже экзотический.

Откуда этот текст взялся, я помню смутно. Кажется, готовился какой-то перевод какого-то нашего романа – то ли в АПН, то ли в издательстве «Прогресс», – кажется, на испанский. А переводчиком был некий весьма настырный знакомец АН. И этот знакомец загорелся почему-то идеей нашей автобиографии и с АНа буквально не слезал в течение нескольких месяцев. Дело кончилось тем, что осенью 86-го в Репино АН предложил моему вниманию этот вот самый текст.

Писали мы тогда, помнится, сценарий «Туча», работа шла туго, мы были раздражены, и я «Нашу биографию», помнится, раскритиковал вдрызг – за неточности, за «лояльности», за неправильности и вообще за то, что она появилась на свет. В ответ АН – вполне резонно – предложил мне самому «пройтись рукой мастера». Я с ужасом отказался, и вопрос на этом был закрыт.

Больше мы об этом никогда не говорили, и вторично я увидел «Нашу биографию» только несколько лет спустя, когда разбирал архивы АН. А в 1993 г. Владимир Борисов сообщил мне, что, оказывается, этот текст был передан ВААПом в одно из польских книжных издательств, где его и отыскал польский исследователь творчества АБС Войцех Кайтох. Сообщение это меня удивило, но не слишком: видимо, знакомец-переводчик доел-таки в свое время АН и получил от него желаемое.

В основном и главном «Наша биография» вполне достоверна. Перефразируя известную формулу: она содержит правду, вполне

достаточно правды, но не всю правду и не одну только правду. По мере сил и возможностей я дополнил этот текст своими собственными соображениями, некоторыми известными мне фактами, а равно и комментариями, – в тех случаях, когда мои представления о «правде» не вполне стыковались с представлениями АН. В самом тексте АН я не изменил ни слова. Хотел бы это подчеркнуть особо: ведь АН писал свой текст в те времена, когда перестройка еще лишь едва тлела, разгораясь, времена в общем и целом оставались «старыми, советскими» со всеми их онерами, и некоторые фразы в соответствии с духом времени носят у АН ритуальный характер идеологических заклинаний, от чего мы, нынешние, уже, слава богу, успели отвыкнуть.

С учетом всех этих оговорок предлагаемый текст и надлежит читателю принимать. Или – не принимать.

«Наша биография»

АН. Аркадий родился 28 августа 1925 года в грузинском городе Батуми на берегу Черного моря. Борис родился 15 апреля 1933 года в русском городе Ленинграде на берегу Финского залива.

БН. Много лет назад мы развлекались, вычисляя «день рождения братьев Стругацких», то есть дату, равноудаленную от 28.08.1925 и 15.04.1933. Для людей, знакомых с (чисто астрономическим) понятием юлианского дня, задача эта не представляет никаких трудностей. День рождения АБС есть, оказывается, 21 июня 1929 года – день летнего солнцестояния. Желающие могут принять это обстоятельство к сведению и делать из него сколь угодно далеко идущие астрологические выводы.

АН. Семья наша была несколько необычной даже по меркам тогдашнего необычного времени – первого десятилетия после победы Великой Революции. Наш отец, Натан Стругацкий, сын провинциального адвоката, вступил в партию большевиков в 1916 году, участвовал в Гражданской войне комиссаром кавалерийской бригады и затем политработником у замечательного советского полководца Фрунзе, после демобилизации работал партийным функционером на Украине, причем по специальности он был искусствоведом, человеком глубоко и широко образованным. Мать же, Александра Литвинчева, была дочкой мелкого прасола (торгового посредника между крестьянами и купцами), простой, не очень грамотной девушкой. В родном городке на северо-востоке Украины она встретилась с Натаном Стругацким, вышла за него замуж против воли родителей и, как водится, была проклята за мужа-еврея. В дальнейшем судьба их сложилась интересно и поучительно, при всех ее поворотах они верно и крепко любили друг друга, но мы пишем свою, а не их биографию и здесь заметим только, что в январе 1942 года отец, сотрудник знаменитой Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и командир роты народного ополчения, погиб при попытке выбраться из блокированного немцами города, а мать всего несколько лет назад тихо скончалась пенсионером, в звании заслуженной учительницы Российской Федерации и кавалера ордена «Знак Почета».

Вскоре после рождения Аркадия отец был направлен на партийную работу в Ленинград, там Аркадий вырос и прожил до ужасного января 1942 года. За это время родился его младший

брат и будущий соавтор Борис Стругацкий.

БН. Я почти не помню отца. Все, что я знаю о нем, известно мне от мамы, в частности – из оставленных ею воспоминаний. Он был честнейшим и скромнейшим человеком. Он был верным большевиком-ленинцем, безукоризненно выполнявшим любую работу, на которую бросала его партия. Никаких особо высоких постов никогда не занимал, но во время и сразу после Гражданской, по утверждению мамы: «Носил на френче два ромба. По тому времени это чин генерала». Потом в Батуми, после демобилизации, был редактором газеты «Трудовой Аджаристан». Потом в Ленинграде – сотрудником Главлита. Потом, в 1933 году (в день моего рождения!) брошен был на сельское хозяйство – начальником политотдела Прокопьевского зерносовхоза в Западной Сибири. А в 1936 году назначен был «начальником культуры и искусств города Сталинграда». (Видимо, заведующим отдела культуры то ли горкома партии, то ли горисполкома.) Здесь в 1937 году его исключили из партии – формально за антипартийные и антисоветские высказывания («заявлял, что Н. Островский – щенок по сравнению с Пушкиным, и утверждал, что советским художникам надо учиться у иконописца Рублева»), а фактически за то, видимо, что стоял у тамошнего начальства поперек горла: «…запретил бесплатные ложи и первые кресла для начальства, ввел для начальства платный вход в театр и кино, отменил всяческие начальственные льготы, изучил бухгалтерию, обнаружил незаконные перерасходы, ложные накладные» и пр. Как я теперь понимаю – чудом избежал ареста и уничтожения, ибо сразу же уехал в Москву хлопотать о восстановлении и хлопотал об этом всю оставшуюся жизнь. В июне 1941-го пришел в военкомат, но в действующую армию его не взяли – 49 лет и порок сердца. А в ополчение – взяли, уже в конце сентября, когда блокада стала свершившимся фактом, и он успел еще повоевать на Пулковских высотах, но в январе 1942-го был комиссован вчистую – опухший от голода, полумертвый, с останавливающимся сердцем.

АН. Началась война, город осадили немцы и финны. Аркадий участвовал в строительстве оборонительных сооружений, затем, осенью и в начале зимы 41 года, работал в мастерских, где производились ручные гранаты. Между тем положение в осажденном городе ухудшалось. К авиационным налетам и бомбардировкам из сверхтяжелых мортир прибавилось самое худшее испытание: лютый голод. Мать и Борис кое-как еще держались, а отец и Аркадий к середине января 42-го были на

грани смерти от дистрофии. В отчаянии мать, работавшая тогда в районном исполкоме, всунула мужа и старшего сына в один из первых эшелонов на только что открытую «Дорогу жизни» через лед Ладожского озера.

БН. Это было не совсем так. Тогдашняя мамина работа в Выборгском райжилотделе здесь совсем ни при чем. Просто открылась возможность уехать вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки, которые не успели эвакуироваться вместе с библиотекой еще осенью в город Мелекесс. В семье считалось, что малолетний Борис эвакуации не выдержит, и потому заранее решено было разделиться. Все произошло внезапно. «…Паровоз был уже под парами, – пишет мама. – Когда я вернулась с работы, их уже не было. Один Боренька сидел в темноте – в страхе и в голоде…» Мне кажется, я запомнил минуту расставания: большой отец, в гимнастерке и с черной бородой, за спиной его, смутной тенью, Аркадий, и последние слова: «Передай маме, что ждать мы не могли…» Или что-то в этом роде.

АН. Мать и Борис остались в Ленинграде, и, как ни мучительны были последующие месяцы блокады, это все же спасло их. На «Дороге жизни» грузовик, на котором ехали отец и Аркадий, провалился под лед в воронку от бомбы. Отец погиб, а Аркадий выжил. Его с грехом пополам довезли до Вологды, слегка подкормили и отправили в Чкаловскую область (ныне Оренбургская). Там он оправился окончательно и в 43-м был призван в армию.

БН. Они уехали 28 января 1942 года, оставив нам свои продовольственные карточки на февраль (400 грамм хлеба, 150 граммов «жиров» да 200 граммов «сахара и кондитерских изделий»). Эти граммы, без всякого сомнения, спасли нам с мамой жизнь, потому что февраль 1942-го был самым страшным, самым смертоносным месяцем блокады. Они уехали и исчезли, как нам казалось тогда – навсегда. В ответ на отчаянные письма и запросы, которые мама слала в Мелекесс, в апреле 42-го пришла одна-единственная телеграмма, беспощадная, как война: «НАТАН СТРУГАЦКИЙ МЕЛЕКЕСС НЕ ПРИБЫЛ».

Это означало смерть. (Я помню маму у окна с этой телеграммой в руке – сухие глаза ее, страшные и словно слепые.) Но 1 августа 42 в квартиру напротив, где до войны жил школьный дружок АН, пришло вдруг письмо из райцентра Ташла, Чкаловской области. Само это письмо не сохранилось, но

сохранился список с него, который мама сделала в тот же день.

«Здравствуй, дорогой друг мой! Как видишь, я жив, хотя прошел, или, вернее, прополз через такой ад, о котором не имел ни малейшего представления в дни жесточайшего голода и холода. <…> Мы выехали морозным утром 28 января. Нам предстояло проехать от Ленинграда до Борисовой Гривы – последней станции на западном берегу Ладожского озера. Путь этот в мирное время проходился в два часа, мы же, голодные и замерзшие до невозможности, приехали туда только через полутора суток[1]. Когда поезд остановился и надо было вылезать, я почувствовал, что совершенно окоченел. Однако мы выгрузились. Была ночь. Кое-как погрузились в грузовик, который должен был отвезти нас на другую сторону озера (причем шофер ужасно матерился и угрожал ссадить нас). Машина тронулась. Шофер, очевидно, был новичок, и не прошло и часа, как он сбился с дороги и машина провалилась в полынью. Мы от испуга выскочили из кузова и очутились по пояс в воде (а мороз был градусов 30). Чтобы облегчить машину, шофер велел выбрасывать вещи, что пассажиры выполнили с плачем и ругательствами (у нас с отцом были только заплечные мешки). Наконец машина снова тронулась, и мы, в хрустящих от льда одеждах, снова влезли в кузов. Часа через полтора нас доставили на ст. Жихарево – первая заозерная станция. Почти без сил мы вылезли и поместились в бараке. Здесь, вероятно, в течение всей эвакуации начальник эвакопункта совершал огромное преступление – выдавал каждому эвакуированному по буханке хлеба и по котелку каши. Все накинулись на еду, и, когда в тот же день отправлялся эшелон на Вологду, никто не смог подняться. Началась дизентерия. Снег вокруг бараков и нужников за одну ночь стал красным. Уже тогда отец мог едва передвигаться. Однако мы погрузились. В нашей теплушке, или, вернее, холодушке, было человек 30. Хотя печка была, но не было дров. <…> Поезд шел до Вологды 8 дней. Эти дни, как кошмар. Мы с отцом примерзли спинами к стенке. Еды не выдавали по 3–4 дня. Через три дня обнаружилось, что из населения в вагоне осталось в живых человек пятнадцать. Кое-как, собрав последние силы, мы сдвинули всех мертвецов в один угол, как дрова. До Вологды в нашем вагоне

доехало только одиннадцать человек. Приехали в Вологду часа в 4 утра. Не то 7-го, не то 8-го февраля. Наш эшелон завезли куда-то в тупик, откуда до вокзала было около километра по путям, загроможденным длиннейшими составами. Страшный мороз, голод и ни одного человека кругом. Только чернеют непрерывные ряды составов. Мы с отцом решили добраться до вокзала самостоятельно. Спотыкаясь и падая, добрались до середины дороги и остановились перед новым составом, обойти который не было возможности. Тут отец упал и сказал, что дальше не сделает ни шагу. Я умолял, плакал – напрасно. Тогда я озверел. Я выругал его последними матерными словами и пригрозил, что тут же задушу его. Это подействовало. Он поднялся, и, поддерживая друг друга, мы добрались до вокзала. Больше я ничего не помню. Очнулся в госпитале, когда меня раздевали. Как-то смутно и без боли видел, как с меня стащили носки, а вместе с носками кожу и ногти на ногах. Затем заснул. На другой день мне сообщили о смерти отца. Весть эту я принял глубоко равнодушно и только через неделю впервые заплакал, кусая подушку…»

Ему, шестнадцатилетнему дистрофику, еще предстояло тащиться через всю страну до города Чкалова – двадцать дней в измученной, потерявшей облик человеческий, битой-перебитой толпе эвакуированных («выковыренных», как их тогда звали по России). Об этом куске своей жизни он мне никогда и ничего не рассказывал. Потом, правда, стало полегче. В Ташле его, как человека грамотного (десять классов), поставили начальником «маслопрома» – пункта приема молока у населения. Он отъелся, кое-как приспособился, оклемался, стал писать в Ленинград, послал десятки писем – дошло всего три, но хватило бы и одного: мама тотчас собралась и при первой же возможности, схватив меня в охапку, кинулась ему на помощь. Мы еще успели немножко пожить все вместе, маленькой ампутированной семьей, но в августе Аркадию исполнилось семнадцать, а 9 февраля 43-го он уже ушел в армию. Судьба его была – окончив Актюбинское минометное училище, уйти летом 43-го на Курскую дугу и сгинуть там вместе со всем своим курсом. Но…

АН. Судьба распорядилась так, что он стал слушателем японского отделения восточного факультета Военного института иностранных языков. За время его службы в этом качестве ему довелось быть свидетелем и участником многих событий, но для

настоящей биографии имеет смысл отметить только два: самое счастливое – Победа над немецким фашизмом и японской военщиной в 1945 году; и самое интересное – в 46-м его, слушателя третьего курса, откомандировали на несколько месяцев работать с японскими военнопленными для подготовки Токийского и Хабаровского процессов японских военных преступников. Было еще и событие глупое: перед выпуском в 49-м году Аркадий скоропалительно женился, и не прошло и двух лет, как молодая жена объявила, что вышла ошибка, и они разошлись. Слава богу, детей у них не случилось.

После окончания института и до демобилизации в 55-м году Аркадий служил на Дальнем Востоке, и это был, вероятно, самый живописный период в его жизни. Ему довелось испытать мощное землетрясение. Он был свидетелем страшного удара цунами в начале ноября 52 года. Он принимал участие в действиях против браконьеров (это было очень похоже на то, что в свое время описал Джек Лондон в своих «Приключениях рыбачьего патруля») … И еще возникло тогда некое обстоятельство, которое в значительной степени определило его (и Бориса) дальнейшую судьбу. Судьбу писателей.

В марте, кажется, 1954 года американцы взорвали на одном из островков Бикини свою первую водородную бомбу. Островок рассыпался в радиоактивную пыль, и под мощный выпад этой «горячей пыли», «пепла Бикини», попала японская рыболовная шхуна «Счастливый Дракон № 5». По возвращении к родным берегам весь экипаж ее слег от лучевой болезни в самой тяжелой форме. Теперь это уже история – и порядком даже подзабытая, а в те дни и месяцы мировая пресса очень и очень занималась всеми ее перипетиями.

И именно в те дни и месяцы Аркадий по роду своих обязанностей на службе ежедневно имел дело с периодикой стран Дальневосточного «театра» – США, Австралии, Японии и т.д. Вместе со своим сослуживцем Львом Петровым изо дня в день Аркадий следил за событиями, связанными со злосчастным «Драконом». И вот, когда умер Акинори Кубояма, радист шхуны, первая жертва «пепла Бикини», Лев Петров объявил, что надлежит написать об этом повесть. Он был очень активным и неожиданным человеком, Лева Петров, и идеи у него тоже всегда были неожиданные. Но писать Аркадию давно хотелось, только раньше он об этом не подозревал. И они вдвоем с Львом Петровым написали повесть «Пепел Бикини». (Впоследствии Лев Петров стал большим чином в советском агентстве печати «Новости», Аркадий не раз встречался с ним в Москве, хотя пути их разошлись. Он безвременно умер в середине 60-х.)

БН. «…Писать Аркадию давно хотелось, только раньше он об этом не подозревал…» Еще как подозревал! Уже написаны к тому времени были и «Как погиб Канг», и рассказик «Первые», и вовсю шла подготовка к будущей «Стране багровых туч»… Я не говорю уж о зубодробительном фантастическом романе «Находка майора Ковалева», написанном (от руки, черной тушью, в двух школьных тетрадках) перед самой войной и безвозвратно утраченном во время блокады.

АН. К огромному изумлению Аркадия, «Пепел Бикини» был напечатан. Сначала в журнале «Дальний Восток» (во Владивостоке), затем в журнале «Юность» и отдельной книжкой в издательстве «Детгиз» (в Москве). Но это было уже после демобилизации Аркадия.

А демобилизовался он в июне 55-го и сначала поселился у мамы в Ленинграде. К тому времени он был уже второй раз женат, и у него было двое детей – дочка трех лет и дочка двух месяцев. И в Ленинграде он крепко и навсегда сдружился с братом своим, Борисом. До того братья встречались от случая к случаю, не чаще раза в год, когда Аркадий приезжал в отпуск – сначала из Москвы, затем с Камчатки и из Приморья. И вдруг Аркадий обнаружил не юнца, заглядывающего старшему брату в рот, а зрелого парня с собственными суждениями обо всем на свете, современного молодого ученого, эрудита и спортсмена. Он закончил механико-математический[2] факультет Ленинградского университета по специальности «звездный астроном», был приглашен аспирантом в Пулковскую обсерваторию и работал там над проблемой происхождения двойных и кратных звезд.

Выяснилось, что у нас сходные взгляды на науку и литературу, выяснилось также, что и Бориса давно уже тянет писать, а к шансам на опубликование «Пепла Бикини» он отнесся скептически, и не потому, что повесть так уж плоха, а просто не верит он, что в писатели выходят так легко. Много, много было у нас бесед, споров и совещаний за те месяцы, последние месяцы 55 года.

В начале 56 года Аркадий переехал в Москву и для начала поступил работать в Институт научной информации, а затем перешел в Восточную редакцию крупнейшего в стране издательства художественной литературы, именовавшегося тогда Гослитиздат.

Как уже упоминалось, за это время трижды была опубликована повесть Л. Петрова и А. Стругацкого «Пепел Бикини», и Борис Стругацкий поверил наконец, что не боги

горшки обжигают, и мы написали первое свое научно-фантастическое произведение «Страна багровых туч» и отдали его в издательство «Детская литература», и уже рукопись этого произведения удостоилась премии на конкурсе Министерства просвещения Российской Федерации, а в 59-м повесть вышла первым изданием, и еще ее переиздавали в 60 и 69 году.

И мы принялись работать.

1960 – «Путь на Амальтею», «Шесть спичек».

1961 – «Возвращение (Полдень, XXII век)».

1962 – «Стажеры», «Попытка к бегству».

1963 – «Далекая Радуга».

1964 – «Понедельник начинается в субботу».

Одновременно Аркадий активно занимался переводами японской классики.

Одновременно Борис ходил в археологические экспедиции и участвовал в поисках места для сооружения телескопа-гиганта, а также обучался на инженера-программиста.

БН. Уточнение. Борис никогда не обучался на инженера-программиста. Диссертацию ему защитить не удалось, ибо в последний момент (вот это был удар!) выяснилось, что построенная им, не лишенная изящества теория уже была построена и даже опубликована в малоизвестном научном журнале еще в 1943 году. Автором этой теории был, правда, великий Чандрасекар, но от этого было не легче. Диссертация рухнула. Борис пошел работать на Пулковскую счетную станцию в должности «инженера-эксплуатационника по счетно-аналитическим машинам». Профессионального ученого из него не вышло, хотя еще много-много лет он с огромным удовольствием занимался разнообразными теоретическими изысканиями в области звездной астрономии. Но только как любитель. И, как любитель, самопально осваивал программирование на ЭВМ, сделавшись со временем не самым безнадежным из «юзеров-чайников».

АН. Собственно, можно утверждать, что событийная часть нашей биографии закончилась в 56 году. Далее пошли книги. (Кто-то не без тонкости заметил: биография писателя – это его книги.) Но никогда не бывает вредно определить причинно-следственные связи времени и событий.

Почему мы посвятили себя фантастике? Это, вероятно, дело сугубо личное, корнями своими уходящее в такие факторы, как детские и юношеские литературные пристрастия, условия воспитания и обучения, темперамент, наконец. Хотя и тогда еще,

когда писали мы фантастику приключенческую и традиционно-научную, смутно виделось нам в фантастическом литературном методе что-то мощное, очень глубокое и важное, исполненное грандиозных возможностей. Оно определилось для нас достаточно явственно несколько позже, когда мы поднабрались опыта и овладели ремеслом: фантастическому методу имманентно присуще социально-философское начало, то самое, без которого немыслима высокая литература. Но это, повторяем мы, сугубо личное. Это – в сторону.

Гораздо уместнее ответить здесь на другой вопрос: какие ВНЕШНИЕ обстоятельства определили наш успех с первых же наших шагов в литературе? Этих обстоятельств по крайней мере три.

Первое. Всемирно-историческое: запуск первого спутника в 57-м.

Второе. Литературное: выход в свет в том же 57-м великолепной коммунистической утопии Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Третье. Издательское: наличие в те времена в издательстве «Молодая Гвардия» и в издательстве «Детская литература» превосходных редакторов, душевно заинтересованных в возрождении и выходе на мировой уровень советской фантастики.

Совпадение во времени этих обстоятельств и нашего выхода на литературную арену и определило, как нам кажется, наш успех в 60-х годах.

БН. И снова уточнение. По поводу составляющих успеха.

Наши добрые друзья и замечательные редакторы: Сергей Георгиевич Жемайтис, Бела Александровна Клюева и Нина Матвеевна Беркова – да, несомненно! Без них нам было бы втрое тяжелее, они защищали нас перед тупым и трусливым начальством, отстаивали наши тексты в цензуре, «пробивали» нас в издательские планы – в те времена, когда Издатель был – ВСЕ, а Писатель, в особенности начинающий, – НИЧТО.

«Туманность Андромеды» – да, пожалуй. Ефремов продемонстрировал нам, молодым тогда еще щенкам, какой может быть советская фантастика – даже во времена немцовых, сапариных и охотниковых, – вопреки им и им в поношение.

Но вот при чем здесь искусственный спутник?

Другое дело, что нам повезло начинать литературную работу свою в период «первой оттепели»; когда одна за другой стали раскрываться страшные тайны мира, в котором нам довелось родиться и существовать; когда весь советский народ, вся наша несчастная Страна Дураков начала стремительно умнеть и

понимать – и нам довелось и повезло умнеть и понимать вместе со всеми, совсем ненамного обгоняя большинство и, слава богу, отнюдь от него не отставая. Открытия, которые мы делали для себя, становились одновременно открытиями и для самых квалифицированных из наших читателей – и именно их любовь и признание обеспечили наш тогдашний успех.

АН. Ну а дальше все покатилось практически само собой. В 1964 году нас приняли в Союз писателей, и творчество наше было окончательно узаконено.

Итак, биография по сегодняшний день закончена. А что такое мы сегодня?

Аркадию Стругацкому 61 год. У него ишемическая болезнь, ни единого зуба во рту (проклятая блокада!), и он испытывает сильную усталость.

Борису Стругацкому 53 года. Он пережил инфаркт, и у него вырезали желчный пузырь (тоже блокада).

БН. «Ну-ну-ну! – укоризненно приговаривал, помнится, Борис, прочитав это место „Биографии“. – Это ты, брат, хватанул! При чем здесь блокада?..» По крайней мере, желчный пузырь его, без всякого сомнения, был жертвой отнюдь не блокады, а, наоборот, – самого простительного из смертных грехов, чревоугодия. Единственное последствие блокады, которое он в себе действительно наблюдает, – это почти болезненная бережливость, когда рука не поднимается выбросить зачерствелую, забытую в хлебнице горбушку. Но это уж, видимо, навсегда.

АН. В семейной жизни мы вполне счастливы. У Аркадия жене 60, две дочери, внучка и внук. У Бориса жене 54, сын и внук.

Наши друзья нас любят, враги же ненавидят и справедливо опасаются нас. Кстати, о друзьях и врагах. Друзья наши – люди значительные, среди них – крупные ученые, космонавты, труженики-врачи, деятели кино. А враги, как на подбор, все мелкие, бездарные, взаимозаменяемые, но зато некоторые занимают административные посты…

Аркадий – никудышный общественник. На международные конференции его не посылают. Он даже не числится в Совете по фантастической литературе. Справедливо, наверное. А Борис уже много лет ведет один из самых мощных Семинаров молодых писателей-фантастов в стране, член правления Ленинградской писательской организации, член местной приемной комиссии.

БН. Аркадий скромничает. Не такой уж он никудышный общественник. Неоднократно и на протяжении многих лет

избирался он членом различных редколлегий, был членом обоих Советов по фантастике (РСФСР и СССР) и даже, кажется, председателем одного из них. Другое дело, что мы никогда не придавали значения общественной деятельности такого рода (если не считать только работы Бориса в Семинаре молодых фантастов – работы, которую он любит и которой гордится).

АН. Аркадий наделал в жизни своей много глупостей и потерял много драгоценного времени. Борис может отчитаться за каждый поступок в своей жизни.

БН. Ума не приложу, что здесь имеется в виду. Скорее всего, то обстоятельство, что семейная жизнь старшего не всегда была безоблачной – в отличие от семейной жизни младшего.

АН. Мы написали 25 повестей (не считая рассказов, предисловий, статей). Насколько нам известно, 22 наших повести переведены и опубликованы за рубежом в 24-х странах 150 изданиями и переизданиями.

Аркадий продолжает работать над переводами японской классической прозы (главным образом средневековой). Борис может по 12–14 часов в сутки не отходить от своего домашнего компьютера.

Мы являемся лауреатами одной отечественной и нескольких зарубежных литературных премий. По нашим сценариям снято четыре фильма: один очень скверный, два сносных и один на мировом уровне.

Нас не покидает, а наоборот, все усиливается ощущение, что самая наша лучшая, самая нужная книга еще не написана, между тем как писать становится все трудней – и не от усталости, а от стремительно нарастающей сложности проблематики, интересующей нас.

Аминь.

Москва, 20 августа 1986 года.

Санкт-Петербург, 22 апреля 1998 года.

12 октября 1991 года Аркадий Натанович Стругацкий скончался после тяжелой и продолжительной болезни. Писатель «А. и Б. Стругацкие» перестал существовать.

И вот еще один документ.

Последний.

«Настоящим удостоверяется, что 06 декабря 1991 года прах АРКАДИЯ НАТАНОВИЧА СТРУГАЦКОГО, писателя, был принят на борт вертолета МИ-2, бортовой номер 23572, и в 14 часов 14 минут развеян над ЗЕМЛЕЙ в точке пространства, ограниченной 55 градусам и 33 минутами северной широты, 38 градусами 02 минутами 40 секундами восточной долготы.

Воля покойного была исполнена в нашем присутствии.

Черняков Ю.И.

Соминский Ю.З.

Мирер А.И.

Ткачев М.Н.

Гуревич М.А.

Пепников Г.И.

Составлено в количестве ВОСЬМИ пронумерованных экземпляров».

На мой взгляд, абсолютно необходимыми дополнениями к этой биографии являются два приведенных ниже материала.

«Это была потеря половины мира»

Борис Стругацкий – об Аркадии Стругацком. Интервью записано автором книги в августе 1995 г.

Опубликовано в петербургской газете «Невское время» 28 августа 1995 года – в день 70-летия Аркадия Стругацкого.

– В глазах подавляющего большинства поклонников творчества братьев Стругацких вы с Аркадием Натановичем абсолютно неотделимы друг от друга. Но все же какие-то существенные отличия у вас были?

– Что неотделимы – это, что называется, «медицинский факт»: не существует двух авторов, Аркадия и Бориса Стругацких, которые писали вдвоем, есть один автор – братья Стругацкие. Но при всем при том мы, конечно, были очень разными людьми. Хотя в разное время у нас были разные отличия – в последние годы, например, мы стали похожи друг на друга так, как становятся похожи долго прожившие вместе супруги. Аркадий Натанович был более общительным и более веселым человеком, чем я, он был оптимистом, всегда верил в лучший исход – а я всегда исходил из худшего. Он был педантичен и аккуратен – а я ленив и небрежен. Он был эмоционален и склонен к экспромтам, я – более логичен и расчетлив. Он был отчаянный гедонист и всю жизнь пользовался невероятным успехом у женщин – я никогда не отличался этими качествами…

– О вашем методе совместного написания книг сложено великое множество легенд. Начиная с того, что вы с братом, живущие соответственно в Ленинграде и Москве, встречаетесь в буфете станции Бологое, напиваетесь чаю и садитесь писать, и заканчивая тем, что Аркадий Натанович представлял собой столь брызжущий идеями фонтан, что только Вы могли его остановить и заявить: «Стоп! Это мы записываем» – и начиналась Книга…

– Враки это все, Боря! Легенду о буфете в Бологом я и комментировать не буду – тем более что есть значительно более сочная: Стругацкие съезжаются на подмосковной правительственной даче, накачиваются наркотиками до одури – и за машинку… А что касается нашего творческого метода, то, во-первых, Аркадий Натанович вовсе не был никаким «фонтаном», нуждающемся в затыкании. Конечно, он был прекрасным рассказчиком, всегда верховодил на любом застолье, когда он был в ударе, рассказы складывались у него как бы сами собой, и все они были блестящими и готовыми к немедленной публикации. Правда, в последние годы он сделался гораздо менее

разговорчив и куда более сдержан… А работали мы всегда именно так, как всем честно рассказывали, – хотя в это никто почему-то не верит: слово за словом, фраза за фразой, страница за страницей. Один сидит за машинкой, другой рядом. Каждая предлагаемая фраза обсуждается, критикуется, шлифуется и либо отбрасывается совсем, либо заносится на бумагу. Другого разумного способа нет! А этот, между прочим, вовсе не так сложен, как некоторым кажется.

– И все-таки: какое-то «разделение труда» у вас было?

– В основном последние лет двадцать пять оно было таким: Аркадий Натанович сидел за пишущей машинкой, а я – рядом, сидел или лежал на диване. Иногда ходил. Аркадий Натанович утверждал, что я печатаю плохо и неаккуратно. Ну и я с удовольствием соглашался с такой оценкой моих способностей. Рукописи у меня и вправду всегда получаются довольно неряшливыми, с кучей поправок, опечаток и ляпов. Аркадий Натанович, который много лет проработал редактором, всего этого разгильдяйства совершенно не терпел и стремился к тому, чтобы рукопись представлялась в издательство в идеальном виде, – отсюда его желание сидеть за машинкой лично. У нас было правило: окончательный вариант перепечатывался начисто в двух, а то и в трех экземплярах, первый – в издательство, остальные – в архив.

– Часто ли у вас с братом возникали споры?

– Вся наша работа была сплошным спором. Если одному из нас удавалось убедить другого в своей правоте – прекрасно. Если нет – бросался жребий, хотя это случалось довольно редко. У нас существовало простое правило: кому-то из соавторов не нравится фраза? Что же, это его право, но тогда его обязанность – предложить другую. После второго варианта может быть предложен третий, и так далее до тех пор, пока не возникает вариант, в ответ на который предлагать уже нечего. Или незачем.

– Кому чаще удавалось убедить другого?

– В литературной работе я бы не взялся устанавливать какую-то статистику. Другое дело – обычные споры за рюмкой чая. Там чаще побеждал я, потому что был всегда более логичен, а Аркадий Натанович – более эмоционален.

– Много лет в предисловиях к вашим книгам указывалось, что Аркадий Натанович – переводчик с японского, а Вы – астроном. Как Вы считаете, «отпечаталась» ли такая нестандартная профессия на его личности – и на вашем творчестве?

– В первую очередь она повлияла на тот багаж знаний, который у него был. Аркадий Натанович очень много знал и очень много читал, у него была прекрасная библиотека на

японском. Ему очень нравилось переводить, по мнению многих, он был одним из лучших переводчиков с японского. Но когда говорят, что все «японское», что есть в наших произведениях, – это от Аркадия Натановича, а все астрономическое – от меня, то здесь все с точностью до наоборот! Если взять японскую поэзию, которая частенько присутствует в нашем творчестве, то в ней как раз, так сказать, специалистом был именно я. Аркадий Натанович был равнодушен к стихам, а моей жене когда-то подарили томик японской поэзии, и из него я постоянно извлекал подходящие к случаю строчки и эпиграфы. В свою очередь Аркадий Натанович превосходно разбирался в астрономии и прочитывал все, что выходило в этой области. Он вообще любил астрономию с детства – ведь именно он приучил меня к ней, он, школьником, делал самодельные телескопы, наблюдал солнечные пятна и учил меня этим наблюдениям. Так что 90 процентов астрономических сведений в наших книгах (за исключением самых специальных) – именно от него… Между прочим, нежную любовь к хорошей оптике он сохранил до конца дней своих. Вы не могли сделать ему лучший подарок, нежели мощный бинокль или какую-нибудь особенную подзорную трубу.

– Есть еще известная легенда, что Аркадий Натанович был настолько добрым человеком, что всем начинающим писателям давал замечательные рецензии и очень многие пользовались этой его добротой…

– Это как раз не легенда, а святая правда: он действительно с таким сочувствием относился к начинающим писателям, что привлечь его на свою сторону было крайне легко. Я – другое дело, я более жесткий человек, хотя тоже иногда иду на поводу у молодого таланта. А когда я начинал ругать Аркадия Натановича за излишнюю мягкость, он отвечал: ведь от этого никто не пострадает, а человеку приятно, человек-то славный, надо же ему помочь. Впрочем, многое у него зависело от настроения в данный момент. Не дай бог вам было попасть ему под горячую руку – он мог быть и резок и свиреп.

– Обладал ли Аркадий Натанович способностью предвидеть будущее, особенно – ближайшее?

– Думаю, что нет – так же, как и все прочие: таким даром не обладает никто. Предсказать, что случится в ближайшие 3–4 года, можно только случайно. Общую тенденцию указать несложно, – а вот сделать конкретный прогноз…

– А когда вы с Аркадием Натановичем все-таки решались на прогнозы – они у вас совпадали?

– Принципиальных разночтений я не помню. Может быть, к концу жизни Аркадий Натанович стал более пессимистичен, чем

я, – но эта разница была чисто количественной, а не качественной. Вообще-то, он был добр не только к людям, он был добр к человечеству, а значит – к будущей его истории.

– Как Вы думаете, как бы мог отнестись Аркадий Натанович ко всему, что произошло после 1991 года: так же, как и Вы?

– Это совершенно однозначно: в общих чертах – так же, как и я. Конечно, могли быть какие-то разночтения в оценках отдельных лидеров и поступков, но в общем – мы были бы едины. Он безусловно резко отрицательно отнесся бы, например, к войне в Чечне – я в этом не сомневаюсь ни на секунду. Он одобрил бы реформы Гайдара – и в этом я уверен абсолютно. И конечно, резко, как он это умел, выступал бы против красно-коричневых.

– Что Аркадий Натанович больше всего любил – и чего не терпел?

– На этот вопрос трудно ответить однозначно: Аркадий Натанович 60-х годов и Аркадий Натанович 80-х годов – это два разных человека. Если говорить о последнем десятилетии, то он больше всего ценил покой, стабильность, устойчивость. То, чего ему всю жизнь больше всего недоставало. И соответственно, не любил он всевозможные передряги, встряски, сюрпризы и катастрофы.

– Тот период нашей истории, на который пришлось последнее десятилетие жизни Аркадия Натановича, кажется, не отличался особыми катаклизмами и теперь именуется «застоем»… Полная стабильность – чего же еще?

– Аркадий Натанович ценил стабильность, но не любил гниения! Мы иногда с ностальгией вспоминаем о застое, когда все было так спокойно и устойчиво, но забываем, что это было спокойствие гниющего болота. Конечно, если бы вопрос встал так: такое вот гниение – или мировая война, в результате которой погибнет половина человечества, Аркадий Натанович выбрал бы гниение. Но между гниением и эволюционными бескровными изменениями он, конечно, выбрал бы последнее, хотя прекрасно понимал, что это такое: жить в эпоху перемен.

– Его нелюбовь к «передрягам» связана с тем, что пришлось испытать в жизни, особенно в военные годы?

– Да, судьба трепала его без всякой пощады, особенно в первой половине жизни, – блокада, эвакуация, армия, бездомная жизнь, армейские будни, всевозможные «приключения тела»… Но нелюбовь его к передрягам – это все-таки скорее свойство возраста. В молодые-то годы мы оба с ним были р-р-радикалами и р-р-революционерами с тремя «р». Любителями быстрого движения истории, резких скачков и переломов. С годами приходит стремление к покою, начинаешь ценить его и понимать

всю неуютность исторических передряг. Без перемен – никуда, перемены нужны и неизбежны, – но их следует воспринимать как неизбежное зло, как горькую расплату за прогресс. Но это мы осознали позднее, а в молодости любые перемены казались нам прекрасными уже потому, что обещали новое. «Тот, кто в молодости не был радикалом, – не имеет сердца, кто не стал в старости консерватором – не имеет ума».

– У кого из вас в большей степени присутствовал интерес к прекрасному полу?

– У Аркадия Натановича, конечно. Он был женолюб и любимец женщин, он ведь был красавец, кавалергард! Конечно, с годами он несколько успокоился, охладел, а в молодости был большим ценителем женского пола и хорошо разбирался в этом вопросе…

– Братской конкуренции у вас никогда не возникало?

– Таких случаев я не припомню. И это, в общем, понятно – мы на самом деле не так часто общались, чтобы конкурировать, ведь жили-то большую часть жизни в разных городах и встречались только во время совместной работы. Даже если бы нам и пришла в голову сумасбродная мысль «пойти по бабам» – не было бы времени ее реализовать. Восемь-десять часов ежедневно сочинять, придумывать, ломать голову, перевоплощаться в других людей – занятие изматывающее, оно убивает, по-моему, всякий любовный азарт. «Дети и книги делаются из одного материала». А кроме того, эта сфера жизни оставалась для нас по некоему негласному соглашению – сугубо приватной и глубоко интимной. Вот нас иногда упрекают: почему в книгах Стругацких практически нет никакого секса? Это – от взаимного нашего нежелания обсуждать вопросы такого рода. Нам было неинтересно об этом говорить. И более того – неловко. Не помню разговоров на эту тему, разве что в далекой молодости.

– Если это можно как-то сформулировать: чем был для Вас Аркадий Натанович?

– Когда я был школьником – Аркадий был для меня почти отцом. Он был покровителем, он был учителем, он был главным советчиком. Он был для меня человеко-богом, мнение которого было непререкаемо. Со времен моих студенческих лет Аркадий становится самым близким другом – наверное, самым близким из всех моих друзей. А с конца 50-х годов он – соавтор и сотрудник. И в дальнейшем на протяжении многих лет он был и соавтором, и другом, и братом, конечно, – хотя мы оба были довольно равнодушны к проблеме «родной крови»: для нас всегда дальний родственник значил несравненно меньше, чем близкий друг. И я не ощущал как-то особенно, что Аркадий является именно моим

братом, это был мой друг, человек, без которого я не мог жить, без которого жизнь теряла для меня три четверти своей привлекательности. И так длилось до самого конца… Даже в последние годы, когда Аркадий Натанович был уже болен, когда нам стало очень трудно работать и мы встречались буквально на 5–6 дней, из которых работали лишь два-три, он оставался для меня фигурой, заполняющей значительную часть моего мира. И потеряв его, я ощутил себя так, как, наверное, чувствует себя здоровый человек, у которого оторвало руку или ногу. Я почувствовал себя инвалидом.

– Это ощущение сохраняется у Вас и сейчас?

– Конечно, есть раны, которые не заживают вообще никогда, но сейчас ощущение собственной неполноценности как-то изменилось. Ко всему привыкаешь. Ощущение рухнувшего мира исчезло, я как-то приспособился – как, наверное, приспосабливается инвалид. Ведь и безногий человек тоже приноравливается к реалиям нового бытия… Но все равно это была потеря половины мира, в котором я жил. И я не раз говорил, отвечая на вопрос, продолжится ли творчество Стругацких уже в моем лице: всю свою жизнь я пилил бревно двуручной пилой, и мне уже поздно да и незачем переучиваться… Надо жить дальше…

О времени и о себе…

Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского
Август 2000 года, Санкт-Петербург
Опубликовано (частично) в газете «Вечерний Петербург» 26 августа 2000 года.

– Борис Натанович, чем был обоснован Ваш выбор профессии? Почему в свое время Вас «потянуло» именно на математико-механический факультет университета, причем – на отделение астрономии?

– Все было очень просто. В последних классах школы я интересовался главным образом двумя дисциплинами. В первую очередь – физикой, во вторую очередь – астрономией. Физикой, естественно, атомной, ядерной. Тема тогда была модная, а мне как раз попалось в руки несколько современных книг про атомное ядро и про элементарные частицы, и я их с наслаждением прочитал. Впрочем, «прочитал» – сказано слишком сильно. Там были и достаточно популярные книжки, а были и вполне специальные монографии, начинавшиеся прямо с уравнения Шредингера, которое я и двадцать лет спустя воспринимал как самую высокую науку. Книги эти в большинстве достались мне по наследству от Аркадия Натановича, который тоже всеми этими вещами в конце 40-х очень интересовался. И астрономией я тоже увлекался, опять же следуя по стопам старшего брата, который еще до войны сам мастерил телескопы, пытался наблюдать переменные звезды, а меня заставлял рисовать Луну, как она видится в окуляре подзорной трубы… Но изначально поступал я все-таки не на матмех, поступал я на физфак. Я был серебряным медалистом и имел все шансы поступить благополучно, но однако же ничего у меня не получилось. Почему – я точно не знаю до сих пор. По тогдашним правилам, каждый медалист должен был проходить так называемый коллоквиум, собеседование, после которого ему без всяких аргументов объявлялось решение. В моем случае это решение было: «Не принят». Это был 1950 год, медалистов собралось на физфаке человек пятьдесят, и только двоих не приняли. Меня и какую-то девочку, фамилии которой я не помню, но в памяти моей она ассоциируется почему-то с фамилией Эйнштейн. В общем, что-то там было не в порядке у этой девочки с фамилией… Почему не приняли? Есть два объяснения…

– Уже началась известная антисемитская кампания?

– Она не просто началась, она была в самом разгаре. И хотя

по паспорту я числился русским, тот факт, что я Натанович, скрыть было невозможно, да и в голову не приходило – скрывать. Может быть, мама что-то и понимала в тогдашней ситуации, а я уж был полнейшим беспросветным лопухом. Так что, возможно, дело было именно в отчестве. Особенно если учесть, что на коллоквиуме я честно и прямо заявил, что хочу заниматься именно ядерной физикой. Это был, конечно, опрометчивый поступок.

– Насколько я помню, тогда в Советском Союзе ядерной физикой занималось очень большое число людей с аналогичными отчествами и фамилиями. Пожалуй, они даже составляли большинство в этой науке…

– Это так, но, видимо, были уже даны кому следует указания о том, что этих фамилий и отчеств вполне достаточно и пора бы это безобразие прекратить. (Позднее, помнится, это безобразие получило вполне бюрократическое определение: «засоренность кадров».) Однако и другое объяснение тоже вполне возможно: как-никак, отец наш был исключен из партии в 1937 году, и в партии его так и не восстановили. Я ничего этого, правда, в анкетах нигде не указывал (да и вопроса соответствующего в тех анкетах, кажется, не было), но те, кому было положено, наверняка об этих моих обстоятельствах знали. Должны были знать, по крайней мере. И также знали они, конечно, что мой дядя Александр Стругацкий – родной брат отца – был расстрелян в 1937 году. Вот эти два фактора, скорее всего, и сыграли свою роль… Я был в отчаянии, как сейчас помню, – удар был тем более страшен, что ничего подобного я не ожидал вообще. Мама, помнится, пыталась найти каких-нибудь знакомых из тех, кто работал в ЛГУ, чтобы как-то похлопотать, ничего у нее не получилось, естественно, но тут кто-то из этих знакомых посоветовал: попробуйте мат-мех, там же есть астрономия, а мальчик астрономией интересуется… И я пошел на матмех. Там я тоже оказался в толпе медалистов, но на сей раз благополучно поступил, без всяких трудностей, если не считать того обстоятельства, что меня предварительно основательно помучили – вызвали на собеседование самым последним. Впрочем, все это уже были совершенные пустяки. Я не очень горевал, оставшись без своей ядерной физики: как-никак, астрономия тоже была моей любовью, пусть даже и второй, и впоследствии занимался я астрономией и математикой с большим удовольствием и прилежанием.

– Как складывалась Ваша судьба после окончания университета? Вы сразу попали в Пулковскую обсерваторию?

– Отнюдь не сразу – по распределению я должен был идти не

в обсерваторию, а в университетскую аспирантуру при кафедре астрономии. Но мне заранее сообщили по секрету, что меня, как еврея, в эту аспирантуру не возьмут.

– Это ведь был уже 1954 год – казалось бы, «дело врачей» позади…

– Тем не менее по существу мало что изменилось. Один из моих знакомых случайно подслушал разговор в деканате на эту тему и сразу мне об этом доложил. Действительно, на кафедру меня не взяли, но взяли в аспирантуру Пулковской обсерватории. Так что опять все закончилось более или менее благополучно.

– Чем Вы занимались в обсерватории?

– Еще в Университете я сделал довольно любопытную, по мнению моего научного руководителя Кирилла Федоровича Огородникова, курсовую работу. Связана она была с динамикой поведения так называемых широких звездных пар. У меня получился довольно интересный результат, на основании которого меня, собственно, и намеревались взять в аспирантуру – я должен был сделать на этом материале диссертацию. И действительно, на протяжении двух с половиной лет я эту диссертацию делал, и все было очень хорошо…

– А потом случилась многократно описанная в Ваших биографических материалах история…

– Да, а потом выяснилось (сам же я и выяснил, роясь в обсерваторской библиотеке), что эту мою работу уже сделал в 1943 году Чандрасекар. Было, конечно, чрезвычайно лестно независимым образом повторить путь великого Чандрасекара, но не такой же ценой! Защищать мне стало нечего, новую диссертацию за полгода до окончания срока начинать было бессмысленно, и все закончилось тем, что диссертацию я так и не написал и прошел, как тогда называлось, только теоретический курс аспирантуры. Эта история в значительной степени выбила меня из колеи, но и на сей раз все завершилось относительно благополучно. Я пошел работать на счетную станцию Пулковской обсерватории – уже тогда там был отдел, где стояли счетно-аналитические машины, на которых производились научные расчеты. Это были гигантские электрические арифмометры, размером три метра в длину и полтора метра в высоту, они страшно рычали, гремели и лязгали своими многочисленными шестернями, перфораторами и печатающими устройствами… Никакого программирования в то время, естественно, не было, но было так называемое коммутирование – можно было все-таки научить эти электрические гробы тому, что от природы дано им не было. Изначально они были предназначены исключительно и только для сложения и вычитания (а также для печатания

результатов вычислений), но их можно было научить умножать, делить и даже извлекать квадратный корень. Это было весьма увлекательное занятие, и я несколько лет с большим удовольствием занимался этой работой.

– Что именно Вы считали?

– Счетная станция занималась обслуживанием всей обсерватории, самые разные ученые приходили и приносили свои наблюдения, которые надо было обрабатывать. Задача моя состояла в том, чтобы провести простейшие расчеты (сложные расчеты все равно было сделать невозможно) и обеспечить красивую публикацию результатов. Эту задачу, кстати, табуляторы решали очень хорошо – печатали красивые табулограммы, необходимых размеров, на рулонах прекрасной бумаги… В основном мы занимались обработкой наблюдений астрометрических каталогов, астрофизикам и «солнечникам» у нас делать было нечего. Так я проработал почти десять лет и окончательно ушел из Пулкова, кажется, в 1964 году. До этого несколько лет я работал на половине ставки, а потом ушел совсем – после того как меня приняли в Союз писателей.

– Вам стала неинтересна работа в обсерватории?

– Честно говоря, она мне стала неинтересна значительно раньше. Я держался за обсерваторию не потому, что там было так уж интересно работать, а потому, что там собрались самые мои любимые друзья (оставшиеся любимыми и до сегодняшнего дня, кстати)… А кроме того, не забывайте: это же были времена, когда каждый был обязан где-то служить! Ты не мог никакому участковому (пришедшему с проверкой) объяснить, что ты не тунеядец какой, а, наоборот, пишешь большой роман…

– Сразу вспоминается хрестоматийная история с судом над Иосифом Бродским, которому популярно объяснили в советском суде, что писать стихи – это и не работа вовсе…

– И послали грузить навоз… Поэтому я, как и всякий советский человек, должен был иметь соответствующий документ о том, что я где-то там служу. И до тех пор пока я не стал членом Союза писателей, определив таким образом свой статус формально и официально, я должен был как минимум числиться в обсерватории. А с 1964 года я уже мог всем официальным лицам объяснять, что работаю, мол, писателем, вот книжечка, членский билет, – и никто бы не посмел ко мне приставать с неприятными вопросами.

– В Ваших автобиографических материалах встречается фраза о том, что, когда Аркадий Натанович в 1955 году окончательно вернулся в Ленинград, он обнаружил в выросшем брате «молодого ученого, эрудита и спортсмена». Вы занимались каким-

то спортом? Кажется, я где-то читал, что Вы активно лазали по горам?

– Это вы, Боря, что-то путаете. Я лазал по горам – но не слишком активно и всего два или три раза в жизни. Да и не горы это были вовсе, а скорее скалы, и правильнее это было бы называть не альпинизмом, а скалолазанием. И для меня это было совершенно случайное занятие – я тогда проходил практику в Абастумани, в Грузии, и мы с приятелями развлекались тем, что лазали по скалам-стенам. Длилось это совсем недолго, не дольше месяца… Впрочем, спортсменом, если можно так выразиться, я действительно был – со школьных лет занимался гимнастикой, дослужился до второго разряда. Пока работал в Пулкове, много (и с наслаждением) играл в волейбол – тоже стал разрядником – и в пинг-понг тоже игрывал не без успеха – вот и все мои спортивные увлечения. Если не считать, конечно, автолюбительства, которым я увлекаюсь много-много лет и которое иногда тоже считают спортом, хотя, по-моему, никакой это не спорт.

– С каких времен Вы за рулем?

– С 1960 года, с времен экспедиции на Северный Кавказ. Тогда шли активные поиски места для строительства 6-метрового сверхтелескопа-рефлектора, который сейчас стоит недалеко от станицы Зеленчукская. Телескоп еще делали на заводе, а мы тем временем в нескольких районах Советского Союза производили изыскания – где наилучший для астрономических наблюдений климат, где наименьшие мерцания, где самая спокойная атмосфера, самая высокая прозрачность и так далее. Был специальный цикл таких экспедиционных наблюдений летом 1960 года, и около четырех месяцев я провел на Северном Кавказе в поисках этого наилучшего места. Вообще, было организовано несколько подобных экспедиций: две на Северном Кавказе, одна в Туркмении, одна – на Дальнем Востоке и еще где-то. И в конце концов место выбрали – правда, не то, которое рекомендовала наша группа, а то, которое нашли наши соседи. Там сейчас этот гигант и стоит вот уж без малого сорок лет… В нашей экспедиции было две автомашины (грузовик и «козел»), и, конечно, удержаться от соблазна «поводить» было совершенно невозможно. К тому же оба наши шофера охотно и с удовольствием обучали желающих. Именно тогда я и начал водить и вожу вот до сих пор.

– Когда у Вас появилась собственная машина?

– Это случилось гораздо позже, в 1976 году. Но до того ведь существовал прокат автомобилей – ныне совершенно забытое явление, разрешенное к жизни еще Хрущевым. Вы могли пойти на станцию проката (на Конюшенной площади), взять машину на

несколько дней и ездить на ней сколько хочется и куда угодно. После ухода Хрущева автопрокат прикрыли (по-моему, году в 65-м), но пока он существовал, мы им пользовались на полную катушку и с большим удовольствием объездили всю Прибалтику, Карелию, частично – Белоруссию, Украину, Молдавию… Потом у меня получился большой перерыв, когда я машину практически не водил совсем, а с 1976 года, когда у меня появился «запорожец», мы начали ездить снова…

– «Запорожец» – который «ушастый»? Или еще «горбатенький», по поводу которого шутили, что водитель не слышит шума мотора, потому что уши зажаты между колен?

– Нет-нет, это был уже «ушастый», последнее слово тогдашней техники. Замечательная машина, между прочим. Для молодого человека – вообще идеальная машина. Для молодого, полного сил и здоровья, и особенно если у него еще есть вдобавок склонность к работе руками… у меня, к сожалению, такой склонности не было, но у моих друзей она была, некоторые из них просто замечательно умели работать руками. Так вот, если ты умеешь сам чинить машину, если ты не боишься и если ты любишь тяжелые дороги – «запорожец» – это именно то, что тебе надо. Самая высокая проходимость – из любой ямы можно вытолкать руками и даже просто вынести, если вчетвером. Гладкое дно – нет карданного вала, поскольку двигатель сзади, и машина не цепляется за камни и неровности. Очень удобная машина, всячески рекомендую. Правда, теперь это уже иномарка… Через несколько лет я поменял свой «запорож» на «Жигули» и с тех пор придерживаюсь только этой марки.

– Вы путешествовали с компанией?

– Всегда. Сперва у нас была одна машина, потом две, потом три – на семь-восемь человек.

– Аркадий Натанович с вами ездил?

– Аркадий Натанович никогда не участвовал в этих путешествиях. Он был ярый противник автомобилизма вообще.

– Почему?

– Я думаю, у него сохранились самые неприятные воспоминания о тех временах, когда в армии его учили водить автомобиль. И он на грузовике совершал какие-то неимоверные подвиги, связанные с прошибанием насквозь встречных заборов, задавлением поперечных коров и тому подобное. С тех пор у него сохранилась устойчивая идиосинкразия к автомобильному рулю. Да он и вообще не был поклонником туризма… Братья Стругацкие, надо сказать, начиная с определенного возраста – лет примерно с сорока каждый, – оба стали склонны к оседлому образу жизни. Идеальным вариантом отпуска для них было –

лежать дома на диване и читать хорошие книги. Вытащить их из этого состояния и заставить куда-то поехать – это всегда была проблема для их родных и близких. С Аркадием Натановичем большая проблема, с Борисом Натановичем проблема поменьше, но обязательно – проблема. Аркадий Натанович вообще предпочитал большую часть времени проводить дома. Хотя и его, конечно, жена время от времени вытаскивала куда-нибудь – в Дом творчества, скажем, на море, к знакомым, к родственникам. Но зато он был удивительно легок на подъем, когда речь заходила о «боевых походах» писательских бригад. Вот затеи, в которых я ни разу в жизни не принимал участия, а он участвовал неоднократно и не без удовольствия.

– Можно чуть поподробнее – что это за боевые походы? Писать на месте о великих достижениях в строительстве социализма?

– Нет-нет, скорее наоборот. Волею отдела пропаганды литературы сколачивались бригады из самых разных писателей и отправлялись на периферию, но не для того, чтобы там писать, а для того, чтобы выступать перед народом. Как правило, принимали их там очень хорошо, местное начальство перед ними стелилось, не знало, как получше угодить «столичным штучкам», и все было весьма приятно и удобно. Аркадий Натанович любил это дело и раз в два года обязательно куда-нибудь ездил: либо в Среднюю Азию, либо на Дальний Восток, либо на Кавказ. Тут с ним вообще имело место какое-то противоречие: с одной стороны, Аркадий Натанович был совершенно несрываем с насиженного места, а с другой стороны, он вдруг срывался и мчался сломя голову в путешествие, на которое я бы, например, никогда не решился. Скажем, ехать на Дальний Восток через всю страну.

– За границей братья Стругацкие бывали?

– С этим у нас было очень трудно, хотя изредка мы и ездили, конечно… Я, например, ездил в Польшу даже трижды. Наша польская переводчица – Ирена Левандовска – меня буквально «вытягивала» туда, говоря: приезжай, хоть гонорар получишь. Гонорары же из-за границы иначе было получить никак невозможно, только приехав туда лично. Аркадий Натанович тоже ездил – в Чехословакию на какие-то празднества по поводу Чапека, но вообще мы ездили очень мало. Аркадия Натановича неоднократно приглашали в Японию – он же был японист все-таки, и в Англию его приглашали, но никуда его никогда не пускали и всякий раз ехал вместо него кто-нибудь другой. Почему нас не пускали? Видимо, у нас была дурная слава: зачем их пускать за границу таких-разэтаких, как бы чего не вышло. Но,

естественно, никаких объяснений никто нам никогда не давал. Приглашение пришло на Стругацкого, а поехал вместо Стругацкого какой-нибудь Пупков-Задний…

– Вы ведь еще и беспартийным были… Вступать в партию Вас не уговаривали?

– Единственный раз, и было это еще на четвертом курсе Университета. Но я совершенно искренне ответил тогда предложившему, что считаю себя недостойным такой высокой чести. Хотя я был круглым отличником и даже старостой группы. В те времена, по слухам, каждый староста группы был официальным стукачом деканата, но это неправда. Я, например, стукачом не был, и меня к этому даже никогда особенно и не склоняли… Хотя, с другой стороны, я отлично помню странную беседу, когда на первом курсе всех старост собрал заместитель декана и что-то такое внушал нам о том, что если мы, мол, узнаем, что наши товарищи совершают какие-то опрометчивые поступки, так мы должны об этом ему немедленно сообщить – чтобы можно было их от этих опрометчивых поступков удержать. Я тогда страшно возмутился и даже написал Аркадию свирепое письмо: что они, из меня ябеду хотят сделать? Мой дружок Чистяков промотал матанализ, а я об этом должен доложить в деканат? Да за кого они меня там принимают?! Теперь-то я понимаю, что зам-декана имел в виду нечто совсем другое. Но тогда я был очень зеленый, очень глупый и безукоризненно «правильный», я висел на Доске Почета, я занимался общественной работой, выпускал факультетские «молнии», ездил в колхоз… Впрочем, никогда более предложений вступать в партию мне не делали – и слава богу.

– А Аркадию Натановичу?

– И ему тоже. Какое там! Он же был в свое время исключен из комсомола… Нет, в этом смысле мы были людьми совершенно бесперспективными.

– Однако известно, что Аркадий Натанович, когда возникали какие-то сложные ситуации с изданием книг, начинал бушевать и кричать, что он пойдет в ЦК партии, добьется правды и наказания виновных…

– Это была просто такая норма поведения: когда обижают – надо идти или писать в ЦК. Основная масса наших обращений в ЦК была связана с эпопеей вокруг «Пикника на обочине». И это был единственный, совершенно уникальный случай, когда нам удалось заставить издательство выпустить книгу против его воли.

– Вы помните свои ощущения, когда вышла самая первая Ваша с Аркадием Натановичем книга?

– Помню очень смутно, но помню, что это было счастье.

Правда, какое-то усталое счастье – «Страна багровых туч» выходила то ли два, то ли даже три года, и мы уже просто устали ее ждать. Так что все радости наши по этому поводу носили, так сказать, остаточный характер. К тому же это была не первая наша публикация – мы уже успели опубликовать несколько рассказов и сделались даже более или менее известны в узких кругах. Вообще так уж устроена была наша писательская жизнь, что счастье от выхода любой из наших вещей практически всегда было чем-то испорчено. Мы радовались, конечно, когда вышел наш первый рассказ (в 1958 году), но радость эта была сильно подпорчена: ведь вышел он в основательно изуродованном и сокращенном виде.

– И все-таки выход какой из книг принес братьям Стругацким наибольшее удовлетворение?

– Сборник, где были «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом». Он вышел практически без волокиты и практически совсем не был изуродован и к тому же содержал две повести, которые мы для себя считали тогда эпохальными.

– Сейчас Алексей Герман снимает «Трудно быть богом» – что Вы об этом думаете?

– Наверное, уже снял – по моим расчетам, он должен был бы уже закончить съемки. У этого фильма очень старая история: сценарий мы написали еще в 1968 году, но ничего тогда со съемками не получилось. Потом, уже в начале перестройки, Алексей Юрьевич пришел и сказал: вот, настало время, надо снова попытаться. Я ему честно признался тогда: Леша, нам уже это не очень интересно. Уже не те годы на дворе, уже книга эта перестала быть нашей любимой и актуальной быть (на наш взгляд) перестала. Тогда, в конце 80-х, казалось, что она перестала быть актуальной навсегда и уже никогда ей таковой не бывать… Но вот два года назад Герман пришел снова, сказал, что где-то раздобыл деньги и будет снимать. Я, конечно, обрадовался, но снова сказал, что заниматься этим не буду, пусть уж он все решает сам и делает то, что захочет.

– Фильм Германа поставлен по вашему сценарию 1968 года?

– Этот сценарий тогда исчез, мы не могли найти ни одного экземпляра, потом Герман где-то его разыскал и положил в основу своего нового сценария, но, насколько я понимаю, снимать он будет совсем другое кино. Я жду выхода этого фильма с большим интересом. Знаю, что Леонид Ярмольник будет играть Румату. Этот выбор, я знаю, очень многих ошарашил, но мне кажется, что такой талантливый человек, как Ярмольник, сможет сыграть и такую, как бы совсем не подходящую ему роль. Я прекрасно помню, как в свое время Ролан Быков загорелся

сниматься в роли Руматы!..

– Как-то плохо я себе это представляю…

– Вот и Герман ему тогда: да куда тебе, ведь Румата по сценарию – красавец, громадный мужик, на что Ролан Антонович ему очень остроумно ответил: «Брось, все же очень просто! На этой планете все люди значительно выше ростом, чем земляне. Это Румата на Земле – очень рослый человек, а там, в Арканаре, он среди арканарцев – совсем небольшого росточка мужчина…» И знаете, я уверен, что Быков сыграл бы Румату великолепно. Есть на свете такие актеры, которые могут сыграть все что угодно, и Быков был один из них.

«Главная тема Стругацких – это выбор…»

Из ответов Аркадия Натановича Стругацкого на вопросы, заданные разными людьми в разное время:

– Каким Вы были в шестнадцать лет?

– 1941-й год. Ленинград. Канун войны. У меня строгие родители. То есть нет: хорошие и строгие. Сильно увлечен астрономией, математикой. В шестнадцать лет я влюблен. Я категоричен: все знал, все умел, лучше всех понимал существующее положение. Только удивлялся, почему не понимают другие…

– Существует легенда, что первую большую совместную вещь – «Страну багровых туч» – вы с братом написали на спор: то ли за неделю, то ли за ночь. Это правда?

– Как всякая легенда – только отчасти. Перед этим мы с Борисом и моей женой гуляли по Невскому проспекту, а только что вышла на редкость слабая книжка одного украинского фантаста. Мы с братом разругивали ее, как могли, а жена шла в середине, слушая, как мы изощрялись. Наконец терпение ее лопнуло. «Критиковать все могут, – сказала она, – а сами, поди, и такого не напишете». Нас, разумеется, взорвало: да не вставая из-за стола… Кажется, заключили пари, сколько писали – не помню. Полкнижки – я, полкнижки – Борис, потом состыковали эпизоды, убрали накладки и понесли в издательство. К нашему удивлению – через год напечатали, и пари мы выиграли. Но на самом деле выигрыш был куда больше: оказалось, что мы с братом вполне можем писать сообща.

– Почему в ваших произведениях, как правило, нет женщин на главных ролях?

– Толстой говорил, что можно выдумать все, кроме психологии. А я отказываюсь понимать мотивы женских поступков. Писать же о том, чего я не понимаю, я не умею. И вообще, женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами на Земле: они знают что-то, чего не знаем мы, люди…

– Считаете ли вы с братом себя прогрессорами?

– Прогрессором в том понимании этого слова, которое ему придаем мы, обязан быть каждый писатель. И не только писатель. Любой школьный учитель, если учит добру, понятиям чести и справедливости, – своего рода прогрессор. Хотя, конечно, встречаются и «Регрессоры»…

– Бывают ли случаи, когда Вы не знаете, чем закончится книга?

– Никогда еще в истории нашей с братом деятельности книга не кончалось так, как мы задумали. Мы всегда знаем, о чем пишем, – и всегда ошибаемся. Причем это выясняется не в конце, а в середине книги…

– Есть ли для Вас какая-то самая главная тема?

– Главная тема Стругацких – это выбор. Долгое время мы не осознавали, что это так, и «нечувствительно» писали именно об этом. И осознали мы это не сами – читатели подсказали…

Вопрос – ответ

Борис Стругацкий отвечает на анкету газеты «Петербургский литератор», 1992 год.

1. Страна, к которой Вы относитесь с симпатией?
– Великобритания.

2. Самая замечательная историческая личность?
– Януш Корчак.

3. Историческая личность, вызывающая у Вас отвращение?
– Ем. Ярославский.

4. Самый выдающийся человек современности?
– Солженицын.

5. За что Вы любите своего друга?
– За все.

6. Ваши отличительные черты?
– Рациональность, склонность к рефлексии.

7. Чего Вам недостает?
– Бытового оптимизма.

8. За что Вы любите жизнь?
– За все.

9. Что бы Вы подарили любимому человеку, если бы были всемогущи?
– Здоровье.

10. Чего Вы хотите добиться в жизни?
– Свободы.

11. Ваш идеал женщины?
– Верность + доброта + ум.

12. Ваш любимый афоризм, изречение?
– «Все проходит».

13. Что бы Вы сделали в первую очередь, будучи главой

государства?

– Обеспечил бы свободу свободным духом.

14. Ваша мечта?

– «Они жили долго и умерли в один день».

Глава вторая
МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Сколько лет прошло с первого моего знакомства с творчеством братьев Стругацких – точно не сосчитать, но наверняка больше тридцати: первыми тогда, в середине 60-х, были рассказы в сборнике «Альфа Эридана». И так же не сосчитать, сколько раз брались в руки, читались и перечитывались – снова и снова – их книги. И в каждой из которых ждал клубок вопросов, на которые очень мало ответов, ибо ответ ты был обязан был найти сам… Можно ли вмешаться в подлость и несправедливость чужого мира, изменяя его историю? Можно ли пренебречь опасностью выхода из-под контроля научных экспериментов? Что делать, если чужая, непонятная сила ставит опыт на человечестве и нужно выбирать: покориться ради собственного спокойствия и мелкой выгоды или ввязаться в заведомо безнадежную борьбу?

Между тем времена были не чета нынешним – когда томики АБС можно без большого труда найти на уличном лотке. Куда там! Порой (сгорая от стыда) тащили из ближайшей библиотеки то знаменитый 7-й том красно-белой «Библиотеки современной фантастики» (тот самый, где «Трудно быть богом» и «Понедельник»), то детгизовский «Полдень. XXI век» вместе с «Малышом», то сборник «Эллинский секрет» с первой частью «Улитки на склоне»… Журнал «Нева» 1969-го с первым изданием «Обитаемого острова» (там Максим Каммерер еще был Максимом Ростиславским) был библиографической редкостью – мало кто имел изготовленную в ближайшей переплетной мастерской или выполненную знакомым умельцем на работе за стакан спирта подшивку. Позже, если очень повезет, удавалось достать «Знание – сила», где печатался «Жук в муравейнике». Ну а о журнале «Ангара» с первым изданием «Сказки о тройке» и мечтать было невозможно. Как и о журнале «Байкал», где публиковалось «Второе нашествие марсиан».

И все же мы читали – а начитавшись, начинали думать. И никакая цензура, беспощадно уродовавшая (как мы узнали позднее) книги Стругацких, не могла изуродовать их настолько, чтобы мы не поняли того, что хотели сказать нам Аркадий Натанович с Борисом Натановичем. Наверное, мы понимали не все – но и понятого этого было достаточно, чтобы воспитать в нас тот самый беспощадно караемый в Арканаре «невосторженный образ мыслей» и научить подвергать сомнению, казалось бы,

непреложные истины.

Переоценить роль братьев Стругацких и созданных ими героев в нашей жизни нельзя. Можно только недооценить. Потому что те, о ком они писали, никогда не были людьми будущего – они всегда были нашими современниками, действовавшими в ситуациях необычных и невероятных, но легко «проецируемых» на видимые вокруг обстоятельства. В иллюзорном, сказочном – и распахнутом настежь в Неизвестное мире XXI–XXIII веков они были лишь лучшими из нас. Они были людьми ДЕЙСТВИЯ, способными на поступок, они сражались за правду, истину, добро, за право человеческого счастья и свободы – против лжи, трусости, подлости, лицемерия. Они часто страдали от своего бессилия, они ошибались и были так человечны и близки нам именно тем, что никогда не были бесплотно-непогрешимыми, лишенными привычных человеческих чувств. С ними хотелось быть и действовать рядом, они притягивали и завораживали своей добротой и мудростью, они умели быть несгибаемыми и бесстрашными, они шли навстречу Неведомому, не стараясь поберечь себя, выждать, отсидеться в тихом уголке. Они были НАДЕЖНЫ – крепче всего на свете была их протянутая рука. И в те, как теперь кажется, необычайно далекие времена, когда еще верилось в грядущее светлое царство коммунизма, для меня, как и для многих других, миром коммунизма был мир, начертанный Стругацкими.

Это был мир того будущего, в котором были сконцентрированы лучшие черты настоящего. Где из всех возможных решений «выбиралось самое доброе», где «никто не уходил обиженный», где белой вороной был человек, у кого за душой не было ДЕЛА, которому отдавались бы все силы. Мир увлеченных людей, у которых «понедельник начинался в субботу» и никогда не было времени на пустые, ненастоящие, недостойные дела. Где единственным презираемым человеком на Земле был торжествующий и вечно довольный собой обыватель-мещанин. Тот самый, которому были известны ответы на все вопросы. Тот самый, чьему сытому благодушию ничто не может помешать. Тот самый, ненавидящий все выходящее за рамки средней величины. И где шел «вечный бой» за истину – на Земле и в Космосе.

Ах как жаль, что ничтожно малая часть творчества Стругацких удостоилась экранизации! И всего-то: «Пикник на обочине», превратившийся у великого Тарковского в совсем не похожий на оригинал «Сталкер», «День затмения» Сокурова, также совсем не похожий на «За миллиард лет до конца света», слабенький эстонский «Отель „У погибшего альпиниста“», да фильм Питера Фляйшмана «Трудно быть богом», который Борис

Натанович считает не просто слабым, но даже пошлым и «желтым». Теперь вот Алексей Герман тоже снимает по ТББ – посмотрим, что получится…

Мир Стругацких притягивал нас тем сильнее, чем сильнее вызывал отторжение мир, нас окружающий, в котором серая мразь была повсюду – от трибун Политбюро до мелкого чиновника в конторе. Они наступали, старательно выкорчевывая все лучшее и нестандартное вокруг, они торопились уничтожить или сломать всех, кто не укладывался в их серые рамки, они старательно обстругивали нас рубанком, чтобы мы стали одинаковыми, серыми, неопасными для их серой власти…

Ах как грезилось, что и где-то среди нас незримо присутствуют «прогрессоры» с иной планеты, что тупой силе, нависшей черной завесой над страной, может быть противопоставлена другая – могучая и справедливая сила, что небезнадежны наши грустные дела… Что руководит этими инопланетными разведчиками то же «нетерпение потревоженной совести» и что вмешаются же они наконец, когда переполнится чаша их терпения. Но приходило и понимание – не в «прогрессорах» спасение. Спасение – оно только в непокорности разума, неподвластном торжествующей серости, в появлении людей с неподконтрольной, непослушной душой, в долгой и трудной работе над собственным сознанием, которое надо приучать сомневаться в том, что вбивали, словно ржавый гвоздь в сухое бревно, приучать не смотреть, а ВИДЕТЬ, что творится вокруг нас, противиться стадному инстинкту и коллективному восторгу… Власть прекрасно понимала – нет ничего страшнее для нее, чем появление ростков вольнодумства, но они упрямо пробивались сквозь асфальт. Именно Аркадий и Борис Стругацкие учили шагать навстречу ветру, взявшись за руки друзей, учили не пасовать перед превосходящими силами противника, не идти на компромиссы с собственной совестью ради мелкой выгоды. Своими книгами они пробивали броню слепой веры в совершенство нашего «самого передового строя», заставляя думать и задавать себе опасные для власть предержащих вопросы. Они заражали нас бациллой непокорности и свободы – и наши души, хлебнувшие свободы из щедрого источника их книг, распрямлялись, обретая иммунитет к страху.

Мы быстро научились читать «между строк», угадывая с полуслова намеки и условности, и знали: братья Стругацкие пишут про наш – земной мир, пишут о том, что творится вокруг нас, и о том, с какими проблемами нам сегодня или завтра придется иметь дело, борясь за право называться людьми.

Их книги никогда, при всей привлекательности сюжета, не

были развлечением, а с годами становились все тревожнее – горькие думы авторов подкреплялись окружающей реальностью, все бесчеловечнее становился мир, все опаснее насилие над природой и над личностью… Авторы говорили «эзоповым языком», но все так же мгновенно исчезали с прилавков их книги – и это при почти полном молчании «официальной» критики, которая фантастику ни в грош не ставила, а уж «неудобных» Стругацких предпочитала как бы не замечать. Но братья пробивались к нашему разуму и сердцу, вновь и вновь заставляли нас избавляться от успокоенности и благодушия.

Рассказать обо всех книгах АБС – невозможно. Но рассказать хотя бы о некоторых, «знаковых», да и еще и воспользовавшись бесценным материалом – любезно предоставленными Борисом Натановичем Стругацким авторскими комментариями, – рискну. Конечно, это – не исследование бесстрастного литературоведа, а рассуждения и воспоминания очень даже пристрастного почитателя творчества АБС.

Но вначале, как это уже было (и будет еще много раз), слово – Борису Натановичу. Для чрезвычайно важного замечания:

«Если бы не фантастическая энергия АН, если бы не отчаянное его стремление выбиться, прорваться, стать – никогда бы не было братьев Стругацких. Ибо я был в те поры инертен, склонен к философичности и равнодушен к успехам в чем бы то ни было, кроме, может быть, астрономии, которой, впрочем, тоже особенно не горел, АН же был в те поры напорист, невероятно трудоспособен и трудолюбив и никакой на свете работы не боялся. Наверное, после армии этот штатский мир казался ему вместилищем неограниченных свобод и невероятных возможностей. Потом все это прошло и переменилось. АН стал равнодушен и инертен, БН же, напротив, взыграл и взорлил, но, во-первых, произошло это лет двадцать спустя, а во-вторых, даже в лучшие свои годы не достигал я того состояния клубка концентрированной энергии, в каковом пребывал АН периода 1955–1965 годов…»

Из всего созданного АБС попробую выбрать САМОЕ-САМОЕ. Конечно, этот выбор субъективен. Конечно, он не совпадает не только с выбором многих поклонников АБС, но и с мнением авторов (для них «первая тройка» – это «Улитка», «Град обреченный» и «Второе нашествие марсиан», а ранние произведения – скажем, «Страну багровых туч» – АБС впоследствии не жаловали). И все же, все же, все же…

Моя «великолепная десятка» – это:

«Страна багровых туч», «Полдень, XXII век», «Понедельник начинается в субботу», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом»,

«Улитка на склоне», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Хромая судьба», «Град обреченный».

«Страна багровых туч» (1957)

Начать с СБТ (сокращения подобного рода давно стали традиционными не только у исследователей творчества АБС, но и у самих авторов) хочется по многим причинам. И потому, что для подавляющего числа поклонников АБС знакомство с ними началось именно с СБТ. И потому, что именно начиная с этой повести (как с «Пяти недель на воздушном шаре» – у Жюля Верна) идеи АБС начали овладевать массами. И потому, что именно в СБТ впервые появились Алексей Быков, Владимир Юрковский, Михаил Крутиков и другие любимейшие герои. Наконец, потому, что именно за СБТ братья Стругацкие получили свою единственную за все времена и произведения государственную премию. А именно: третью премию «Конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста», в размере 5000 рублей. Как заметит БНС, «неплохие деньги по тем временам – четыре мамины зарплаты»…

Между тем известно: братья Стругацкие, написавшие СБТ в далеком 1957 году, активно ее не любят! Во всяком случае, Борис Натанович сперва категорически отказался включить СБТ в первое в российской истории собрание сочинений АБС («текстовское»), и повесть все-таки вошла в один из двух дополнительных томов только, как считает БНС, «под давлением общественности». И слава богу, что хоть в чем-то общественность смогла оказать давление на Стругацких – отсутствие СБТ в собрании сочинений, на мой взгляд, было бы величайшей несправедливостью.

Комментарий БНС:

В соответствии со сложившейся уже легендой АБС придумали и начали писать «Страну багровых туч» на спор – поспорили в начале 1955 (или в конце 1954) на бутылку шампузы с Ленкой, женой АН, а поспорив, тут же сели, все придумали и принялись писать.

На самом деле «Страна» задумана была давно: идея повести о трагической экспедиции на беспощадную планету Венеру возникла у АН, видимо, во второй половине 1951 года. Существует письмо БН без даты, относящееся, видимо, к весне 1955 года. Судя по этому письму, работа, причем СОВМЕСТНАЯ, над СБТ идет уже полным ходом – во всяком случае составляются подробные планы и обсуждаются различные сюжетные ходы. В апреле 1955 АН еще в Хабаровске, ждет не дождется увольнения из армии и заканчивает повесть «Четвертое царство». Но уже в

своем июльском 1956 года письме БН рецензирует первую часть СБТ, вчерне законченную АН, и излагает разнообразные соображения по этому поводу. В постскриптуме он обещает: «Начну теперь писать как бешеный – ты меня вдохновил».

Таким образом, историческое пари было заключено, скорее всего, летом или осенью 1954 года, во время очередного отпуска АН, когда он с женой приезжал в Ленинград. Мне кажется, что я даже помню, где это было: на Невском, близ Аничкова моста. Мы прогуливались там втроем, АН с БНом, как обычно, костерили современную фантастику за скуку, беззубость и сюжетную заскорузлость, а Ленка слушала-слушала, потом терпение ее иссякло, и она сказала: «Если вы так хорошо знаете, как надо писать, почему же сами не напишете, а только все грозитесь да хвастаетесь? Слабо?»

И пари тут же состоялось. А писалась «Страна…» медленно и трудно. Мы оба представления не имели, как следует работать вдвоем. У АН, по крайней мере, был уже опыт работы в одиночку, у БН и того не было…

СБТ попалась мне в руки где-то году в 1968-м, в 13-летнем возрасте, максимально приспособленном для поглощения произведений о героях, богатырях, умельцах и волшебниках, и была третьей или четвертой по счету среди прочитанных книг АБС. К тому времени из «венерианского цикла», посвященного покорению нашей соседки по солнечной системе, были прочитаны «Сестра Земли» Георгия Мартынова и «Планета бурь» Александра Казанцева. После СБТ ни того ни другого произведения перечитывать более не хотелось. Ибо раз и навсегда стало ясно, что она отличается от упомянутых творений примерно так же, как велосипед «Турист», о коем я тогда мечтал, от имевшегося в наличии «Орленка».

Поражал не сюжет – хотя и занимательный, держащий в напряжении с начала до конца, как и полагалось сюжету добротного боевика. И не технические детали – хотя и крайне любопытные (ведь именно тогда, начав изучать физику и прочитав несколько научно-популярных книг, я, помнится, живо заинтересовался проблемой движения со скоростью света и не верил, что ее никак нельзя превзойти). В первую очередь поражали и запоминались герои – хотя тогда я никак не мог предположить, что Быков, Юрковский и Жилин и до сей поры останутся в числе моих любимейших персонажей…

Комментарий БНС:

Редактор наш, милейший Исаак Маркович Кассель, пребывал

в очевидном раздвоении чувств. С одной стороны, рукопись ему нравилась – там были приключения, там были подвиги, там воспевались победы человечества над косной природой – и все это на прочном фундаменте нашей советской науки и диалектического материализма. Но с другой стороны, все это было – совершенное, по тем временам – не то.

Герои были грубы. Они позволяли себе чертыхаться. Они ссорились и чуть ли не дрались. Косная Природа была беспощадна. Люди сходили с ума и гибли. В советском произведении для детей герои – наши люди, не шпионы какие-нибудь, не враги народа – космонавты! – погибали, окончательно и бесповоротно. И никакого хэппи-энда. Никаких всепримиряющих победных знамен в эпилоге… Это не было принято в те времена. Это было идеологически сомнительно – до такой степени сомнительно, что почти уже непроходимо.

Впрочем, в те времена не принято было писать и даже говорить с автором о подобных вещах. Все это ПОДРАЗУМЕВАЛОСЬ. Иногда на это – намекалось. Очень редко (и только по хорошему знакомству) говорилось прямо. Автор должен был сам (видимо, методом проб и ошибок) дойти до основ правильной идеологии и сообразить, что хорошее (наше, советское, социалистическое) всегда хорошо, а плохое (ихнее, обреченное, капиталистическое) – всегда плохо. В рецензиях ничего этого не было…

Конечно, типично советских деталей, да еще привязанных к своему времени конца 50-х годов, в СБТ – что называется, выше крыши. Это и напоминание о партийной конференции, где «папаша» Анатолия Ермакова за некие грехи приложил «мордой об стол» молодого Николая Захаровича Краюхина, и космический корабль КСР – видимо, Китайской Социалистической Республики «Ян-Цзы» под командованием Лу Ши-Эра, появляющийся в эпизоде с гибелью планетолета англичан, – до «культурной революции» еще несколько лет, и отношения СССР и Китая вполне безоблачны. Да и вообще, как вспоминают Стругацкие, первоначально СБТ могла представлять собой научно-фантастический вариант «Далеко от Москвы», где вместо начальника строительства будет военно-административный диктатор Советских районов Венеры, вместо Адуна – Берег Багровых Туч, вместо Тайсина – нефтеносного острова – Урановая Голконда, вместо нефтепровода – что-нибудь добывающее уран и отправляющее его на Землю… Но все это настолько малозаметно «вплавлено» в ткань книги, что даже и сегодня не режет глаз. Не то что упомянутая «Планета бурь», например…

Стругацкие впоследствии скажут о себе: «Мы были еще пока – НАУЧНЫЕ фантасты. Еще далеки от формулы „настоящая фантастика – это ЧУДО-ТАЙНА-ДОСТОВЕРНОСТЬ“. Но интуитивно уже чувствовали эту формулу. В отечественной же фантастике послевоенных лет чудеса имели характер почти исключительно коммунально-хозяйственный и инженерно-технический, тайны не стоили того, чтобы их разгадывать, а достоверность – то есть сцепление с реальной жизнью – отсутствовала вовсе. Фантастика была сусальна, слюнява, розовата и пресна, как и всякая казенная проповедь. А фантастика того времени была именно казенной идиотической проповедью ликующего превосходства советской науки, и главным образом техники. Мы инстинктивно отталкивались от такой фантастики, мы ее не хотели, мы хотели ПО-ДРУГОМУ. Мы уже даже догадывались, что это значит – „по-другому“. И кое-что нам удалось…»

То, что удалось, – это без сомнения. Совершенно ничего от упомянутой «идиотической проповеди ликующего превосходства» в СБТ нет и не предвидится. Да, собственно, и чудес-то не слишком много – разве что фотонная ракета, так и не созданная до сей поры. Между прочим, полет «Хиуса» к Венере должен был, по расчетам нижегородского исследователя творчества АБС Сергея Лифанова (любовно составленная им историография повестей АБС о XXI веке была опубликована во владимирском сборнике «Галактические новости» в 1991 году), происходить в период с июня по сентябрь 1991 года. Ну а сейчас Урановая Голконда должна была уже давно превратиться в рядовой советский космодром, ведь еще в 1999-м Крутиков, Дауге, Юрковский и Быков должны были сходить к Урану на «Хиусе-8» и исследовать «аморфное поле» на его северном полюсе, а в 2002-м году в Конакри должен будет состояться четвертый Всемирный конгресс планетологов, с которого Юрковский привезет упомянутый в «Стажерах» роскошный бювар с золотой пластиной… Но увы: абсолютного отражателя, «покрытого пятью слоями сверхстойкого мезовещества», нет и поныне, самого мезовещества – тоже, в свете чего красивая идея фотонной ракеты остается столь же красивой мечтой, как и сорок лет назад. Однако на наше восприятие СБТ это решительно не влияет. Потому что главное в этой книге – отнюдь не фотонный привод и не секрет его «зеркала». Главное – команда Анатолия Ермакова, которая платит страшную цену за покорение Венеры.

Комментарий БНС:

В процессе редакционной подготовки СБТ переписывалась

весьма основательно по крайней мере дважды. Нас заставили переменить практически все фамилии. (До сих пор не понимаю, зачем и кому это понадобилось.) Из нас душу вынули, требуя, чтобы мы «не вторгались на всенародный праздник (по поводу запуска очередной ракеты) с предсказаниями о похоронах». «Уберите хотя бы часть трупов!» – требовали детгизовские начальники. Книга зависала над пропастью.

Из писем АН начала 1959 года:

> «„…Безнадежно. Понимаешь, совершенно безнадежно. Дело не в трупах, не в деталях, а в тоне и колорите“. „…Повторяю: чего они хотят – я не знаю, ты не знаешь, они тоже-таки не знают. Они хотят „смягчить“, „не выпячивать“, „светлее сделать“, „не так трагично“. Конкретно? Простите, товарищи, мы не авторы. Конкретные пути ищите сами…“. А когда авторы, стеная и скрежеща, переписали-таки полкниги заново, от них по высочайшему повелению потребовали убрать какие-либо упоминания о военных в космосе: „… ни одной папахи, ни одной пары погон быть не должно, даже упоминание о них нежелательно“, – и танкист Быков „двумя-тремя смелыми мазками“ был превращен в БЫВШЕГО капитана, а ныне зампотеха при геологах…»

«Тайна личности» Алексея Быкова, кстати, осталась практически незамеченной подавляющим большинством читателей СБТ – в том числе и мной. До тех пор пока в бюллетене «Понедельник», многие годы самоотверженно издаваемом Владимиром Борисовым из Абакана (этот бюллетень, как и вышеуказанный Борисов, будет цитироваться еще неоднократно), в мае 1992 года не было напечатано эссе Марата Исангазина, неопровержимо доказывающее офицерское происхождение Алексея Петровича. Действительно, кем еще может быть человек, реагирующий на «вводные» начальства (Краюхина или Ермакова) словами «Я!» или «Никак нет», одергивающий гимнастерку перед входом к руководству, знакомый с лучевыми пистолетами и атомными минами и с первого взгляда определяющий карабины-автоматы образца 1975 года? Так что «гобийская экспедиционная база», где служит (еще одна фрейдистская оговорка – не работает, а именно служит) Быков, – еще та мирная советская территория…

Из комментария БНС:
За два года, пока шла баталия вокруг СБТ, мы написали

добрую полудюжину различных рассказов и многое поняли о себе, о фантастике, о литературе вообще. Так что эта злосчастная, заредактированная, нелюбимая своими родителями повесть стала, по сути, неким полигоном для отработки новых представлений. Поэтому, наверное, повесть получилась непривычная и свежая, хорошая даже, пожалуй, по тем временам, хотя и безнадежно дурная, дидактично-назидательная, восторженно казенная – если смотреть на нее с позиций времен последующих, а тем более нынешних. По единодушному мнению авторов, она умерла, едва родившись, – уже «Путь на Амальтею»перечеркнул все ее невеликие достоинства…

А вот тут авторы решительно и всерьез неправы! Вовсе «Путь на Амальтею» ничего не перечеркнул – напротив, мне, например, ПНА нравится куда меньше, чем СБТ, и не мне одному. Лучше, чем СБТ, из продолжения «быковско-жилинского» цикла не оказались ни ПНА, ни «Стажеры» (с их вызывающими ныне лишь грустную улыбку предсказаниями грядущей победы коммунизма в экономическом соревновании с капитализмом и рассуждениями о том, что, мол, именно мещанин оказался для коммунизма главным врагом), ни «Хищные вещи века». Так что и братья Стругацкие иногда ошибаются…

«Возвращение. Полдень, XXII век» (1960)

Особое место «Полудня» в творчестве АБС несомненно: в нем авторы изобразили именно тот мир, в котором они хотели бы жить.

Вот что говорит об этом сам БНС:

«Мысль написать утопию – с одной стороны, вполне в духе Ефремова, но в то же время как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, – мысль эта возникла у нас самым естественным путем. Нам казалось чрезвычайно заманчивым и даже, пожалуй, необходимым изобразить МИР, В КОТОРОМ БЫЛО БЫ УЮТНО И ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ – не вообще кому угодно, а именно нам, сегодняшним.

Мы тогда еще не уяснили для себя, что возможны лишь три литературно-художественные концепции будущего: Будущее, в котором хочется жить; Будущее, в котором жить невозможно; и Будущее, Недоступное Пониманию, то есть расположенное по «ту сторону» сегодняшней морали.

Мы понимали, однако, что Ефремов создал мир, в котором живут и действуют люди специфические, небывалые еще люди, которыми мы все станем (может быть) через множество и множество веков, а значит, и нелюди вовсе – модели людей, идеальные схемы, образцы для подражания в лучшем случае. Мы ясно понимали, что Ефремов создал, собственно, классическую утопию – Мир, каким он ДОЛЖЕН БЫТЬ. Нам же хотелось совсем другого, мы отнюдь не стремились выходить за пределы художественной литературы, наоборот, нам нравилось писать о людях и о человеческих судьбах, о приключениях человеков в Природе и Обществе. Кроме того, мы были уверены, что уже сегодня, сейчас, здесь, вокруг нас живут и трудятся люди, способные заполнить собой Светлый, Чистый, Интересный Мир, в котором не будет (или почти не будет) никаких „свинцовых мерзостей жизни“».

«Мир Полудня» получился именно таким – Светлым, Чистым и Интересным.

Название для романа, как вспоминает БНС, придумал Аркадий Натанович, после того как прочел (мне, к сожалению, неизвестный – Прим. авт.) роман Эндрю Нортон «Рассвет – 2250 от Р.Х.» – роман о Земле, кое-как оживающей после катастрофы, уничтожившей нашу цивилизацию.

Комментарий БНС:

«Полдень, XXП век» – это было точно, это было в стиле самого романа, и здесь, кроме всего прочего, был элемент полемики, очень для нас, тогдашних, важный. Братья Стругацкие принимали посильное участие в идеологической борьбе. Сражались, так сказать, в меру своих возможностей на идеологическом фронте. (Господи! Ведь мы тогда и в самом деле верили в необходимость противопоставить мрачному, апокалиптическому, махрово-реакционному взгляду на будущее наш – советский, оптимистический, прогрессивный, краснознаменный и единственно верный!)

Однако парочку-другую «лакейских» абзацев мне таки пришлось из «Полудня» выбросить, готовя его к изданию 90-х годов. И первой жертвой чистки стала многометровая статуя Ленина, установленная над Свердловском XXII века по настоятельной просьбе высшего редакционного начальства – таким образом начальство хотело установить преемственность между сегодняшним и завтрашним днем. Мы, помнится, покривились, но вставку сделали. Кривились мы не потому, что имели что-нибудь против вождя мировой революции, наоборот, мы были о нем самого высокого мнения. Но от всех этих статуй, лозунгов и развевающихся знамен несло такой розовой залепухой, таким идеологическим подхалимажем, что естественное наше чувство литературного вкуса было покороблено и оскорблено.

Внимательному читателю надлежит иметь в виду, что, подготавливая это издание, я выбросил из старого «советского» текста все то, что мы оказались ВЫНУЖДЕНЫ вписать, но оставил в неприкосновенности все идеологические благоглупости, которые вставлены были авторами добровольно, так сказать, по зову сердца. Как-никак, а мы были вполне человеками своего времени, наверное, не самыми глупыми, но уж отнюдь и не самыми умными среди своих современников. Слова «коммунизм», «коммунист», «коммунары» – многое значили для нас тогда. В частности, они означали светлую цель и чистоту помыслов. Нам понадобился добрый десяток лет, чтобы понять суть дела. Понять, что «наш» коммунизм и коммунизм товарища Суслова – не имеют между собой ничего общего. Что коммунист и член КПСС – понятия, как правило, несовместимые. Что между советским коммунистом и коммунизмом в нашем понимании общего не больше, чем между очковой змеей и очкастой интеллигенцией, впрочем, все это было еще впереди. А тогда, в самом начале 60-х, слово «коммунизм» было для нас словом прозрачным, сверкающим, АБСОЛЮТНЫМ, и обозначало оно МИР, В КОТОРОМ

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ.

«Возвращением» начался длинный цикл романов и повестей, действующими лицами которых были «люди Полудня». В романе был создан фон, декорация, неплохо продуманный мир – сцена, на которой сам бог велел нам разыгрывать представления, которые невозможно было по целому ряду причин и соображений разыграть в декорациях обычной, сегодняшней, реальной жизни. Мир Полудня родился, и авторы вступили в него, чтобы не покидать этого мира долгие три десятка лет.

Возможно, «Мир Полудня» – это лучший из миров, когда-либо созданный фантастами. И населен он людьми, с которыми чертовски хочется поработать. Или просто посидеть на берегу за котелком ухи, как в финале «Полудня», смотря на закат и размышляя все равно о чем…

Именно со страниц «Полудня» шагнет в «миры братьев Стругацких» Леонид Андреевич Горбовский. И даже погибнув на Далекой Радуге – воскреснет в последующих произведениях АБС, причем – помимо воли авторов. Как признается БНС, они твердо намеревались сделать ДР последним из произведений о грядущем коммунизме и, соответственно, последним произведением, где действует Горбовский. Но продержались лишь десять лет – до 1970-го, а потом «дрогнули» и поступили подобно сэру Артуру Конан Дойлю. И так же, как Шерлок Холмс был вырван из пучины Рейхенбахенского водопада, Леонид Горбовский был необъяснимым способом вырван из пучины Волны. Как и зачем? На этот мой вопрос БНС ответит: «Все ходы для спасения в повести оставлены, „корешки“ есть. Хотя когда мы писали книгу, нам было совершенно ясно, что все погибли к чертовой матери! Нам и в голову тогда не приходило, что Горбовский нам еще когда-нибудь понадобится. Но он понадобился – ну что ж, пришлось воскресить…». Следующую попытку показать даже не погибающего, а лишь находящегося при смерти Горбовского братья Стругацкие предпримут лишь в «Волны гасят ветер», где Леонид Андреевич попытается разгадать тайну люденов. Но есть полная уверенность, что, дай судьба Стругацким возможность продолжить цикл о Мире Полудня – выяснилось бы, что и на этот раз костлявая обошла Горбовского стороной.

Именно со страниц «Полудня» шагнет навстречу читателям великолепная четверка мушкетеров из Аньюдинской школы. Геннадий Комов, он же Капитан и будущий член Мирового Совета. Атос-Сидоров, будущий Десантник и президент сектора «Урал-Север». Поль Гнедых, он же Либер Полли, будущий Охотник. И могучий Лин, будущий доктор Костылин.

Именно в «Полудне» мы впервые познакомимся с Перси Диксоном и Марком Валькенштейном, доктором Мбогой (будущим открывателем «бактерии жизни») и Борисом Фокиным (будущим открывателем Саркофага с «подкидышами»). Там же появится и незабываемый Август Иоганн Мария Бадер…

Комментарий БНС:

Это было время, когда мы искренне верили в коммунизм как высшую и совершеннейшую стадию развития человеческого общества. Нас, правда, смущало, что в трудах классиков марксизма-ленинизма по поводу этого важнейшего этапа, по поводу, фактически, ЦЕПИ ВСЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ сказано так мало, так скупо и так… неубедительно.

У классиков сказано было, что коммунизм – это общество, в котором нет классов… общество, в котором нет государства… общество, в котором нет эксплуатации человека человеком… Нет войн, нет нищеты, нет социального неравенства… А что, собственно, в этом обществе ЕСТЬ? Создавалось впечатление, что есть в том обществе только «знамя, на коем начертано: от каждого по способностям, каждому по его потребностям».

Этого нам было явно недостаточно. Перед мысленным взором нашим громоздился, сверкая и переливаясь, хрустально чистый, тщательно обеззараженный и восхитительно безопасный мир – мир великолепных зданий, ласковых и мирных пейзажей, роскошных пандусов и спиральных спусков, мир невероятного благополучия и благоустроенности, уютный и грандиозный одновременно, – но мир этот был пуст и неподвижен, словно роскошная декорация перед Спектаклем Века, который все никак не начинается, потому что его некому играть, да и пьеса пока еще не написана…

В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот сверкающий, но пустой мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из современников – нашими друзьями и близкими, чистыми, честными, добрыми людьми, превыше всего ценящими творческий труд и радость познания… Разумеется, мы несколько идеализировали и романтизировали своих друзей, но для такой идеализации у нас были два вполне реальных основания: во-первых, мы их любили, а во-вторых, их было, черт побери, за что любить!

Хорошо, говорили нам наши многочисленные оппоненты. Пусть это будут такие, как мы. Но откуда мы возьмемся там в таких подавляющих количествах? И куда денутся необозримые массы нынешних хамов, тунеядцев, кое-какеров, интриганов, бездельных болтунов и принципиальных невежд, гордящихся

своим невежеством?

Это-то просто, отвечали мы с горячностью. Медиана колоколообразной кривой распределения по нравственным и прочим качествам сдвинется со временем вправо, как это произошло, скажем, с кривой распределения человека по его физическому росту. Еще каких-нибудь три сотни лет назад средний рост мужика составлял 140–150 сантиметров, мужчина 170 сантиметров считался чуть ли не великаном, а посмотрите, что делается сейчас! И куда делись все эти стосорокасантиметровые карлики? Они остались, конечно, они встречаются и теперь, но теперь они редкость, такая же редкость, как двухметровые гиганты, которых три-четыре века назад не было вовсе. То же будет и с нравственностью. Добрый, честный, увлеченный своим делом человек сейчас относительно редок (точно так же, впрочем, как редок и полный отпетый бездельник и абсолютно безнадежный подлец), а через пару веков такой человек станет нормой, составит основную массу человеческого общества, а подонки и мерзавцы сделаются раритетными особями – один на миллион.

Ладно, говорили оппоненты. Предположим. Хотя никому не известно на самом деле, движется ли она вообще, эта ваша «медиана распределения по нравственным качествам», а если и движется, то вправо ли ? Ладно, пусть. Но что будет двигать этим вашим светлым обществом? Куда дальше оно будет развиваться? За счет каких конфликтов и внутренних противоречий? Ведь развитие – это борьба противоположностей, ведь все мы марксисты (не потому, что так уж убеждены в справедливости исторического материализма, а скорее потому, что ничего другого, как правило, не знаем). Ведь никаких фундаментальных («антагонистических») противоречий в вашем хрустальном сверкающем мире не осталось. Так не превращается ли он таким образом в застойное болото, в тупик, в конец человеческой истории, в разновидность этакой социальной эвтаназии?

Это был вопрос посерьезнее. Напрашивался ответ: непрерывная потребность в знании, непрерывный и бесконечный процесс исследования бесконечной Вселенной – вот движущая сила прогресса в Мире Полудня. Но это был в лучшем случае ответ на вопрос: чем они там все будут заниматься, в этом мире. Изменение же и совершенствование СОЦИАЛЬНОЙ структуры Мира из процедуры бесконечного познания никак не следовало.

Мы, помнится, попытались было выдвинуть теорию «борьбы хорошего с лучшим», как движущего рычага социального прогресса, но вызвали этим только взрыв насмешек и ядовитых замечаний – даже Би-Би-Си, сквозь заглушки, проехалась по этой

нашей теории, и вполне справедливо.

Между прочим, мы так и не нашли ответа на этот вопрос. Гораздо позднее мы ввели понятие Вертикального прогресса. Но, во-первых, само это понятие осталось у нас достаточно неопределенным, а во-вторых, случилось это двадцатью годами позже. А тогда эту зияющую идеологическую дыру нам нечем было залатать, и это раздражало нас, но в то же время и побуждало к новым поискам и дискуссионным изыскам.

В конце концов мы пришли к мысли, что строим отнюдь не Мир, который Должен Быть, и, уж конечно, не Мир, который Обязательно Когда-нибудь Наступит, – мы строим Мир, в котором НАМ ХОТЕЛОСЬ бы ЖИТЬ и РАБОТАТЬ, – и ничего более. Мы совершенно снимали с себя обязанность доказывать ВОЗМОЖНОСТЬ и уж тем более – НЕИЗБЕЖНОСТЬ такого мира. Но, разумеется, при этом важнейшей нашей задачей оставалось сделать этот мир максимально правдоподобным, без лажи, без логических противоречий, восторженных сусальностей и социального сюсюканья.

Что верно, то верно: Мир Полудня оказался у авторов настолько правдоподобным, что для миллионов почитателей АБС именно он и был самой убедительной иллюстрацией к тому коммунизму, наступление которого «в основном» ожидалось в 1980 году. И очень хотелось, как Славин с Кондратьевым, отправиться в рейс на каком-нибудь «Таймыре», приступить к легенным ускорениям и внезапно подвернуться сигма-деритринитации, чтобы преодолеть временной барьер и попасть в Мир Полудня. А там уже выбирать себе дело по душе: хочешь – штурмуй вместе с Горбовским на «Тариэле» планету Владислава, хочешь – наслаждайся природой на Леониде около белой звезды ЕН23, хочешь – становись китовым пастухом, хочешь – участвуй в Великом Кодировании и сохраняй навечно гениальный разум академика Окада.

С упомянутым академиком до сих пор так и связана одна из неразгаданных загадок «Полудня». Помнит ли читатель, как в главе «Свечи перед пультом» умирающему академику Окада океанолог Званцев и Акико-сан везут какую-то необычайно важную информацию, которую он ждал всю жизнь? Что же это была за информация? Увы, на мой прямой вопрос на эту тему Борис Натанович ответил: «Обычно Стругацкие ничего зря не пишут, и наверняка мы что-то имели в виду. Но вот что – я уже не помню…»

«Понедельник начинается в субботу» (1964)

Без сомнения, ПНвС – одна из «культовых» книг для моего поколения научных сотрудников младшего возраста и программистов. Проглатывалась она, как, впрочем, и все у Стругацких, в один присест, хохот вызывала безудержный, а многочисленные перлы, щедро разбросанные по тексту, запоминались сразу и навсегда.

Помните?

> «Профессор Выбегалло кушал».
> «Модель Человека, неудовлетворенного желудочно».
> «Кадавр, желудочно неудовлетворенный».
> «Просочиться на десяток лье через канализацию».
> «Вы мне это прекратите».
> «Так вот и возникают нездоровые сенсации».
> «Назначить учеником младшего черпальщика в ассенизационном обозе при холерных бараках».
> «Совершенно секретно. Перед прочтением сжечь»…

С последней фразой связана замечательная история из моей прошлой, научно-исследовательской жизни. В 1978 году, закончив институт и попав на работу в радиоэлектронный «ящик», я решил пошутить и на первом в жизни отчете о каких-то результатах математического моделирования поставил в правом верхнем углу гриф секретности: «Особой важности. Перед прочтением сжечь». Скандал был страшный: начальник первого отдела (были такие, если кто помнит), отставной полковник КГБ, в жизни не читавший «Понедельника», орал и топал на меня ногами на меня в своем кабинете больше часа. При этом более всего его возмутило даже не то, что отчет предлагалось сжечь, не прочитав, а то, что я поступил не по чину! Оказывается, гриф «Особой важности» имели право ставить на документах персоны рангом не ниже начальника отдела. Мне же, новоиспеченному инженеру-стажеру полагался только самый «низший» гриф «Секретно». Отделался я, впрочем, легко – уменьшением премии на десятку…

Комментарий БНС:

Повесть о магах, ведьмах, колдунах и волшебниках задумана была нами давно, еще в конце 50-х. Мы совершенно не представляли себе сначала, какие события будут там происходить, знали только, что героями должны быть персонажи

сказок, легенд, мифов и страшилок всех времен и народов. И все это – на фоне современного научного института со всеми его онерами, хорошо известными одному соавтору из личного опыта, а другому – из рассказов многочисленных знакомых-научников. Долгое время мы собирали шуточки, прозвища, смешные характеристики будущих героев и записывали все это на отдельных клочках бумаги (которые потом, как правило, терялись). Реального же продвижения не происходило: мы никак не могли придумать ни сюжета, ни фабулы.

А практически все началось с дождливого вечера на Кисловодской Горной станции, где дружно изнывали от скуки два сотрудника Пулковской обсерватории – м.н.с. Б. Стругацкий и старший инженер Лидия Камионко. На дворе стоял октябрь 1960 года. БН только что прекратил труды свои по поискам места для Большого Телескопа в мокрых и травянистых горах Северного Кавказа и теперь ждал, пока закончатся всевозможные формальности, связанные с передачей экспедиционного имущества, списанием остатков, оформлением отчета и прочей скукотищей. А Л. Камионко, приехавшая на Горную станцию отлаживать какой-то новый прибор, отчаянно бездельничала по причине полного отсутствия погоды, пригодной для астрономических наблюдений. И вот от скуки принялись они как-то вечером сочинять рассказик без начала и конца, где был такой же вот дождь, такая же тусклая лампа на шнуре и без абажура, такая же сырая веранда, заставленная старой мебелью и ящиками с оборудованием, такая же унылая скука, но где при всем при том происходили всякие забавные и абсолютно невозможные вещи – странные и нелепые люди появлялись из ничего, совершались некие магические действия, произносились абсурдные и смешные речи, и кончалась вся эта четырехстраничная вполне сюрреалистическая абракадабра замечательными словами: «ДИВАНА НЕ БЫЛО!!!»

Домой БН возвращался через Москву с заездом к брату-соавтору и там, в кругу семьи, зачитал вслух эти брульоны, вызвавшие дружный смех и всеобщее одобрение. Впрочем, тогда все на том и закончилось, нам и в голову не пришло, что таинственно исчезнувший диван – это на самом деле сказочный диван-транслятор, а разные странные типы, описанные там же, это маги, которые за названным транслятором гоняются. Все шло своим чередом, впереди был еще не один год размышлений и самонастройки.

Замечательно, но история написания «Понедельника…» совершенно вылетела из моей памяти. Вылетела до такой степени, что сейчас, перечитывая разрозненные строчки из писем

и дневников, я ловлю себя на том, что не всегда понимаю, о чем там идет речь…

Достаточно долго авторы не знали, как должны были называться части новой повести, да и сама повесть тоже. А между тем название «Понедельник начинается в субботу» к тому времени уже существовало. Это название имеет свою историю, и довольно забавную.

Надо сказать, что начало 60-х было временем повального увлечения Хемингуэем. Никого не читают сейчас с таким наслаждением и восторгом, ни о ком не говорят так много и так страстно, ни за чьими книгами не гоняются с таким азартом, причем все – вся читающая публика от старшеклассника до академика включительно. И вот однажды, когда БН сидел у себя на работе в Пулковской обсерватории, раздался вдруг звонок из города – звонила старинная его подруга Наташа Свенцицкая, великий знаток и почитатель (в те времена) Хемингуэя. «Боря, – произнесла она со сдержанным волнением. – Ты знаешь, сейчас в Доме Книги выбросили новый томик Хэма, называется „Понедельник начинается в субботу“…» Сердце БН тотчас подпрыгнуло и сладко замлело. Это было такое точное, такое подлинно хемингуеевское название – сдержанно грустное, сурово безнадежное, холодноватое и дьявольски человечное одновременно… Понедельник начинается в субботу – это значит: нет праздника в нашей жизни, будни переходят снова в будни, серое остается серым, тусклое – тусклым… БН не сомневался ни секунды:

«Брать! – гаркнул он. – Брать сколько дадут. На все деньги!..»

Ангельский смех был ему ответом…

Шутка получилась хороша. И не пропала даром, как это обычно бывает с шутками! БН сразу же конфисковал прекрасную выдумку, заявив, что это будет замечательное название для будущего замечательного романа о замечательно-безнадежной любви. Этот роман никогда не был написан, он даже никогда не был как следует придуман, конфискованное название жило в записной книжке своей собственной жизнью, ждало своего часа и через пару лет дождалось. Правда, АБС придали ему совсем другой, можно сказать, прямо противоположный, сугубо оптимистический смысл, но никогда потом об этом не жалели. Наташа тоже не возражала. По-моему, она была даже в каком-то смысле польщена.

Таким образом, историческая справедливость требует, чтобы было воздано по заслугам двум замечательным женщинам, бывшим сотрудницам Пулковской обсерватории, стоявшим у истоков самой, видимо, популярной повести АБС. Исполать вам,

дорогие мои, – Лидия Александровна Камионко, соавтор знаменитой сюжетообразующей фразы «ДИВАНА НЕ БЫЛО», и Наталия Александровна Свенцицкая, придумавшая этот бесконечно грустный, а может быть, наоборот, радостно оптимистический афоризм «Понедельник начинается в субботу»!

Мысль о «понедельнике, начинающемся в субботу» тоже стала культовой для целого поколения. Хотя вызывала она, прямо скажем, смешанные чувства.

Да, многим из нас, как и героям ПНвС, работать было интереснее, чем развлекаться. Но это героям «Понедельника» с их сказочно-веселым существованием в НИИЧАВО выходные были не слишком-то нужны, и даже в новогоднюю ночь их тянуло в родные лаборатории и отделы. Нам же, сидевшим в отнюдь не «чародейских» НИИ, большей частью – «закрытых», о подобной светлой и радостной атмосфере непрерывного творчества (пусть и без магии) можно было лишь мечтать. Мало кто из наших начальников был хотя бы отдаленно похож на Федора Симеоновича Киврина или Кристобаля Хунту. Директор института тоже был, мягко говоря, не Янус Полуэктович: магическим путем у него получилось разве что вознесение в это кресло из кресла секретаря парткома. Зато аналогов Модеста Матвевича Камноедова или завкадрами Кербера Псоевича Демина (сей персонаж на виду в «Понедельнике», правда, не появлялся, но воображение рисовало его очень живо) было в избытке. А уж от тех, кто в НИИЧАВО должен был бы ходить с ушами, исцарапанными от непрерывного бритья, просто проходу не было.

Возможно, именно потому мы и зачитывались «Понедельником» как веселой сказкой, энциклопедией юмора и сатиры, щедро вставляли фразы из ПНвС в свою речь, где только могли и не могли. И правильно написано в аннотации к одному из недавних изданий ПНвС, что эта книга воспитала не одно поколение русских ученых…

Комментарий БНС:

Вообще, «Понедельник» – в значительной степени есть капустник, результат развеселого коллективного творчества.

«Нужны ли мы нам?» – такой лозунг действительно висел в одной из лабораторий, кажется, ГОИ.

«Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим» – гениальный стих моего старого друга Юры Чистякова, великого специалиста по стихосложению в манере капитана Лебядкина.

«Мы хотим построить дачу. Где? Вот главная задача…» – стишок из газеты «За новое Пулково».

И т.д., и пр., и т.п.

В заключение не могу не отметить, что цензура не слишком трепала эту нашу повесть. Повестушка вышла смешная, и придирки к ней тоже были смешные. Так, цензор категорически потребовал выбросить из текста какое-либо упоминание о ЗИМе. («Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим».) Дело в том, что в те времена Молотов был заклеймён, осужден, исключен из партии, и автомобильный завод его имени был срочно переименован в ГАЗ (Горьковский автомобильный завод), точно так же как ЗИС (завод имени Сталина) назывался к тому времени уже ЗИЛ (завод имени Лихачева). Горько усмехаясь, авторы ядовито предложили, чтобы стишок звучал так: «Вот по дороге едет ЗИЛ, и им я буду задавим». И что же? К их огромному изумлению, Главлит охотно на этот собачий бред согласился. И в таком вот малопристойном виде этот стишок издавался и переиздавался неоднократно.

Многое тогда нам не удалось спасти. «Министра государственной безопасности Малюту Скуратова», например. Или строчку в рассказе Мерлина: «Из озера поднялась рука, мозолистая и своя…» Еще какие-то милые пустячки, показавшиеся кому-то разрушительными…

Все (или почти все), некогда утраченное, в настоящем издании благополучно восстановлено, благодаря опять же дружным и самоотверженным усилиям люденов, перерывших кучу разных переизданий и черновиков. Света Бондаренко, Володя Борисов, Вадим Казаков, Виктор Курильский, Юрий Флейшман – спасибо вам всем!

Мы, воспитанные на творчестве АБС, долгие годы упивались «Понедельником» – как своей несбывшейся мечтой. Как картиной того мира, в котором мы хотели бы жить и работать. Мира, где можно было заниматься проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни. Мира, где была принята рабочая гипотеза, что «счастье в непрерывном познании неизвестного, и смысл жизни в том же». Мира, в котором хамство и жлобство неизменно терпели заслуженное поражение, и от них оставались только пуговицы и вставные челюсти. Мира, где создавались «неограниченные возможности для превращения человека в мага». Мира, где чародействовали Сашка Привалов и Роман Ойра-Ойра, грубый Витька Корнеев и вежливый Эдик Амперян, где можно было завести себе парочку дублей, чтобы успеть сделать все, что хочется успеть. Мира, где царило непередаваемое ощущение СВОБОДЫ – той самой, которой не хватало в нашей реальной жизни. Свободы, которая, как мы рано или поздно

начали понимать, не придет из сказки сама собой. За которую надо драться с Выбегаллами и Камноедовыми, и драться жестоко, потому что просто так они нам поле боя не оставят.

Возможно, самая главная, хотя и чрезвычайно простая мысль ПНвС – та, которую в самом конце высказывает Привалову Янус Полуэктович Невструев: «Постарайтесь понять, Александр Иванович, что не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них. Вы обязательно это поймете».

Как и Привалов, позже мы действительно это поняли. Но это, как и сказано в «Понедельнике», уже совсем-совсем другая история.

«Трудно быть богом» (1963)

Говорить о ТББ и легко, и трудно. Легко – потому, что лучшая (по моему субъективному мнению) вещь в мировой фантастике знакома, кажется, наизусть. Не надо снимать ТББ с полки, чтобы вспомнить, как она начинается:

> «Ложа Анкиного арбалета была выточена из черной пластмассы, а тетива была из хромистой стали и натягивалась одним движением бесшумно скользящего рычага. Антон новшеств не признавал: у него было доброе боевое устройство в стиле маршала Тоца, короля Пица Первого, окованное черной медью, с колесиком, на которое наматывался шнур из воловьих жил. Что касается Пашки, то он взял пневматический карабин. Арбалеты он считал детством человечества, так как был ленив и неспособен к столярному ремеслу…»

А дальше – один за другим – «парольные сигналы» которые использовались для узнавания в любой компании тех, кто равен тебе по великому братству поклонников АБС.

> «Малогабаритный полевой синтезатор „Мидас“».
>
> «Кстати, благородные доны, чей это вертолет позади избы?»
>
> «Мерзко, когда день начинается с дона Тамэо».
>
> «Совершенно не вижу, почему бы благородному дону не взглянуть на ируканские ковры».
>
> «Барон поражал воображение. В нем было что-то от грузового вертолета на холостом ходу».
>
> «Теперь не уходят из жизни. Теперь из жизни уводят».
>
> «Во тьме все становятся одинаково серыми».
>
> «Король, по обыкновению, велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку».
>
> «Не знаю, чей он там отец, но его дети скоро осиротеют».
>
> «Пауки договорились».
>
> «Розги налево, ботинок направо»…

Этот перечень можно продолжать – собственно, почти вся ТББ состоит из таких, с давних пор любимых словосочетаний. И до сей поры не устарело ровным счетом НИ-ЧЕ-ГО.

По воспоминаниям БНС, повесть (или роман?) начинался (на стадии замысла) как веселый, чисто приключенческий, мушкетерский, и должен был называться вовсе не «Трудно быть богом», а «Седьмое небо».

1.02.62 Аркадий Стругацкий пишет брату: «Ты уж извини, но я вставил в Детгизовский план 1964 года „Седьмое небо“, повесть о нашем соглядатае на чужой феодальной планете, где два вида разумных существ. Я план продумал, получается остросюжетная штука, может быть и очень веселой, вся в приключениях и хохмах, с пиратами, конкистадорами и прочим, даже с инквизицией…»

А вот – отрывок из более позднего (начало марта 1963-го) письма АН брату, поясняющего читателю, насколько первоначальные авторские планы и наметки способны отличаться от окончательного воплощения идеи:

«Существует где-то планета, точная копия Земли, можно с небольшими отклонениями, в эпоху непосредственно перед Великими географическими открытиями. Абсолютизм, веселые пьяные мушкетеры, кардинал, король, мятежные принцы, инквизиция, матросские кабаки, галеоны и фрегаты, красавицы, веревочные лестницы, серенады и пр. И вот в эту страну (помесь Франции с Испанией, или России с Испанией) наши земляне, давно уже абсолютные коммунисты, подбрасывают „кукушку“ – молодого здоровенного красавца с таким вот кулаком, отличного фехтовальщика и пр. Собственно, подбрасывают не все земляне сразу, а скажем, московское историческое общество.

Они однажды забираются к кардиналу и говорят ему: „Вот так и так, тебе этого не понять, но мы оставляем тебе вот этого парнишку, ты его будешь оберегать от козней, вот тебе за это мешок золота, а если с ним что случится, мы с тебя живого шкуру снимем“. Кардинал соглашается, ребята оставляют у планеты трансляционный спутник, парень по тамошней моде носит на голове золотой обруч с вмонтированным в него вместо алмаза объективом телепередатчика, который передает на спутник, а тот – на Землю картины общества. Затем парень остается на этой планете один, снимает квартиру у г-на Бонасье и занимается тасканием по городу, толканием в прихожих у вельмож, выпитием в кабачках, дерется на шпагах (но никого не убивает, за ним даже слава такая пошла), бегает за бабами и пр. Можно написать хорошо эту часть, весело и смешно. Когда он лазает по веревочным лестницам, он от скромности закрывает объектив шляпой с пером.

А потом начинается эпоха географических открытий. Возвращается местный Колумб и сообщает, что открыл Америку, прекрасную, как Седьмое Небо, страну, но удержаться там нет

никакой возможности: одолевают звери, невиданные по эту сторону океана. Тогда кардинал вызывает нашего историка и говорит: помоги, ты можешь многое, к чему лишние жертвы. Дальше понятно. Он вызывает помощь с Земли – танк высшей защиты и десяток приятелей с бластерами, назначает им рандеву на том берегу и плывет на галеонах с солдатами. Прибывают туда, начинается война, и обнаруживается, что звери эти – тоже разумные существа. Историки посрамлены, их вызывают на Мировой Совет и дают огромного партийного дрозда за баловство.

Это можно написать весело и интересно, как „Три мушкетера“, только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женщины, и в вине была масса дохлых мух. А подспудно провести идею, как коммунист, оказавшийся в этой среде, медленно, но верно обращается в мещанина, хотя для читателя он остается милым и добрым малым…»

И последний отрывок из письма АН брату от 17.03.63: «…Всю программу, тобою намеченную, мы выполним за пять дней. Предварительно же мне хочется сказать тебе, бледнопухлый брат мой, что я за вещь легкомысленную. Чтобы женщины плакали, стены смеялись, и пятьсот негодяев кричали: „Бей! Бей! и ничего не могли сделать с одним коммунистом…“. Последняя фраза – слегка измененная цитата из любимой нами трилогии Дюма…

Вся эта переписка шла на весьма интересном внутриполитическом фоне. В середине декабря 1962 года (точной даты не помню) Хрущев посетил выставку современного искусства в московском Манеже. Науськанный (по слухам) тогдашним главою идеологической комиссии ЦК Ильичевым, разъяренный вождь, великий специалист, сами понимаете, в области живописи и изящных искусств вообще, носился (опять же по слухам) по залам выставки с криками: «Засранцы! На кого работаете? Чей хлеб едите? Пидарасы! Для кого вы все это намазали, мазилы?» Он топал ногами, наливался черной кровью и брызгал слюной на два метра. (Именно тогда и именно по этому поводу родился известный анекдот, в котором озверевший Никита-кукурузник, уставившись на некое уродливое изображение в раме, орет не своим голосом: «А что это за жопа с ушами?» На что ему, трепеща, отвечают: «Это зеркало, Никита Сергеевич…»

Соображения были высказаны. Пресса уже не ревела, она буквально выла. «КОМПРОМИССОВ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ» «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА» «СВЕТ ЯСНОСТИ» «ОКРЫЛЯЮЩАЯ ЗАБОТА» «ИСКУССТВО И ЛЖЕИСКУССТВО» «ВМЕСТЕ С НАРОДОМ» «НАША СИЛА И ОРУЖИЕ» «ЕСТЬ ТАКАЯ

ПАРТИЯ, ЕСТЬ ТАКОЕ ИСКУССТВО!» «ПО-ЛЕНИНСКИ» «ЧУЖИЕ ГОЛОСА»…

Словно застарелый нарыв лопнул. Гной и дурная кровь заливали газетные страницы. Все те, кто последние «оттепельные» годы попритих (как нам казалось), прижал уши и только озирался затравленно, как бы в ожидании немыслимого, невозможного, невероятного возмездия за прошлое – все эти жуткие порождения сталинщины и бериевщины, с руками по локоть в крови невинных жертв, все эти скрытые и открытые доносчики, идеологические ловчилы и болваны-доброхоты, все они разом взвились из своих укрытий, все оказались тут как тут, энергичные, ловкие, умелые гиены пера, аллигаторы пишущей машинки. МОЖНО!

Но и это было еще не все. 7 марта 1963 в Кремле «обмен мнениями по вопросам литературы и искусства» был продолжен. К знатокам изящных искусств добавились Подгорный, Гришин, Мазуров. Обмен мнениями длился два дня. Газетные вопли еще усилились, хотя, казалось, усиливаться им было уже некуда. «ВЕЛИЧИЕ ПОДЛИННОГО ИСКУССТВА» «ПО-ЛЕНИНСКИ!» (Уже было раньше, но теперь – с восклицательным знаком) «ФИЛОСОФИЯ ЗАПАДНОГО ИСКУССТВА – ПУСТОТА, РАЗЛОЖЕНИЕ, СМЕРТЬ» «ВЫСОКАЯ ИДЕЙНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО – ВЕЛИКАЯ СИЛА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА» «НЕТ „ТРЕТЬЕЙ“ ИДЕОЛОГИИ!» «ТВОРИТЬ ВО ИМЯ КОММУНИЗМА» «ПРОСЛАВЛЯТЬ, ВОСПЕВАТЬ, ВОСПИТЫВАТЬ ГЕРОИЗМ» «ТАК ДЕРЖАТЬ!» (Положительно, число восклицательных знаков нарастает) «ПОИСКИ В ПОЭЗИИ, ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ» «СМОТРЕТЬ ВПЕРЕД!»

Начали с художников-модернистов – с Фалька, Сидура, Эрнста Неизвестного, а потом, никто и ахнуть не успел, а уже взялись и за Эренбурга, за Виктора Некрасова, за Андрея Вознесенского, за Александра Яшина и за фильм «Застава Ильича». И уж все кому не лень прошлись ногами по Аксенову, Евтушенко, Сосноре, Ахмадулиной и даже – но вежливо, с реверансами! – по Солженицыну. (Солженицын все еще оставался в фаворе у Самого. Но вся остальная свита, боже ж мой, как все они его ненавидели и боялись! Милостив царь, да немилостив псарь).

Впрочем, никого не посадили. Никого даже не исключили из Союза писателей. Более того, посреди гнойного потока разрешили даже построить две или три статьи с осторожными возражениями и изложением своей (а не партийной) точки зрения. Возражения эти тотчас же были затоплены и затоптаны, но факт их появления уже означал, что намерения бить насмерть

у начальства нет.

Но нам было не столько страшно, сколько тошно. Нам было мерзко и гадко, как от тухлятины. Никто не понимал толком, чем вызван был этот стремительный возврат на гноище. То ли власть отыгрывалась на своих за болезненный щелчок по носу, полученный совсем недавно во время Карибского кризиса. То ли положение в сельском хозяйстве еще более ухудшилось, и уже предсказывались на ближайшее будущее перебои с хлебом (каковые и произошли в 1963-м). То ли просто пришло время показать возомнившей о себе «интеллигузии», кто в этом доме хозяин и с кем он – не с Эренбургами вашими, не с Эрнстами вашими Неизвестными, не с подозрительными вашими Некрасовыми, а – со старой доброй гвардией, многажды проверенной, давным-давно купленной, запуганной и надежной.

Можно было выбирать любую из этих версий или все их вместе. Но одно стало нам ясно, как говорится, до боли. Не надо иллюзий. Не надо надежд на светлое будущее. Нами управляют жлобы и враги культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас. Они никогда не позволят нам говорить то, что мы считаем правильным, потому что они считают правильным нечто совсем иное. И если для нас коммунизм – это мир свободы и творчества, то для них коммунизм – это общество, где население немедленно и с наслаждением исполняет все предписания партии и правительства.

Осознание этих простых, но далеко для нас не очевидных тогда истин было мучительно, как всякое осознание истины, но и благотворно в то же время. Новые идеи появились и настоятельно потребовали своего немедленного воплощения. Вся задуманная нами «веселая, мушкетерская» история стала смотреться совсем в новом свете, и БНу не потребовалось долгих речей, чтобы убедить АНа в необходимости существенной идейной коррекции «Наблюдателя». Время «легкомысленных вещей», время «шпаг и кардиналов», видимо, закончилось. А может быть, просто еще не наступило. Мушкетерский роман должен был, обязан был стать романом о судьбе интеллигенции, погруженной в сумерки средневековья…

Однако романом о судьбе интеллигенции ТББ не стала – несмотря на множество персонажей соответствующего плана. Отец Гаук и брат Нанин, Гур Сочинитель и Цурэн Правдивый, Кира и доктор Будах – все они герои второстепенные, хотя сюжетные линии многих из них выписаны тщательно и бережно. Первостепенный же герой один – благородный дон Румата Эсторский. Но герой и должен быть один, как через тридцать лет

напишут два соавтора, известных под псевдонимом Г.Л.Олди.

Сам термин «прогрессор» – посланник развитых цивилизаций, способствующий прогрессу отсталых миров – появится в творчестве АБС лишь через полтора десятка лет, когда будет написан «Жук в муравейнике».

Собственно, вся ТББ – это история мучительного ВЫБОРА. И проблема этого выбора сформулирована настолько точно, что споры об оптимальном поведении дона Руматы идут по сей день и будут идти еще долго. Возможно ли, допустимо ли вмешательство в историю чужого мира? Возможно ли спокойно смотреть, как у тебя на глазах «звери ежеминутно убивают людей»? Возможно ли в принципе «бескровное воздействие» на происходящее, которое является самым что ни на есть кровавым? Где тот предел, за которым нельзя оставаться бесстрастным наблюдателем?

Известно, что Румата в конце концов переходит этот предел – выходя в свой последний кровавый путь к королевскому дворцу. И это рождает у большинства читателей ТББ чувство невыразимого душевного облегчения: наконец-то! Доколе же можно было терпеть? Впрочем, главная загадка этого эпизода еще долго будет ускользать от моего, да и не только от моего внимания. И лишь почти через три десятка лет критик Сергей Переслегин сумеет не только сформулировать эту загадку, но, кажется, и разрешить ее – в предисловии к изданию ТББ в «Мирах братьев Стругацких».

Суть его рассуждений такова: не было ли убийство Киры – которое не могло не заставить Румату «подобрать оба меча, спуститься по лестнице и ждать, пока упадет дверь», – сознательной провокацией? Целью которой могло быть только одно – уничтожение руками Руматы и дона Рэбы, и многих его приближенных? Ведь, собственно говоря, кому было нужно убивать возлюбленную Руматы? Дону Рэбе, как привычно считали мы прежде? А зачем? Скорее, он постарался бы взять ее в качестве заложницы, чтобы как-то влиять на опасного соперника. Значит, не Рэбе. Но кому?

Был только один человек, считает Сергей Переслегин, которому это было нужно. Беспощадный, прошедший все круги ада, великолепно знающий Румату и беспредельно жестокий. И при этом – крайне заинтересованный в устранении дона Рэбы. Тот самый, который говорил: мол, в нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину – он всегда наполовину враг… Иными словами. Арата Горбатый.

Так это или не так, но мне гипотеза Сергея Переслегина представляется чрезвычайно изящной.

Ну а вторая загадка ТББ – какая же судьба постигла Арканар после отказа Руматы от «бескровного воздействия»? Ведь ни разу нигде больше Стругацкие не вернутся ни к Арканару, ни к Румате, ни к другим землянам – героям ТББ. Мир Арканара останется обособленным. Почему? Может быть, сами Стругацкие так и не нашли ответа на вопрос о дальнейшей судьбе Арканара?

И еще. Несколько лет назад Борис Натанович говорил мне: самое удивительное в судьбе Руматы вовсе не то, что на последних страницах ТББ он обнажает оба меча и идет крушить негодяев! Самое удивительное – то, что он не начинает этим заниматься с первых же страниц книги!

Да, этот факт действительно удивлял – помнится, еще при первом прочтении ТББ (примерно в 1969 году) мне были совершенно непонятны какие-либо сомнения Руматы относительно того, что надлежит делать в Арканаре. Да все же, что называется, и ежику понятно! Что тут думать – трясти надо! Не во сне, а наяву гнать взашей «серую сволочь», так чтобы ее спины «озарялись лиловыми вспышками выстрелов». Взорвать к чертовой матери Веселую Башню. Повесить дона Рэбу вместе с королем на первом суку, предварительно испепелив охрану из бластера. Самому сесть на престол, поставить доктора Будаха первым министром, Арату Горбатого – министром обороны, барона Пампу – министром внутренних дел, дона Рипата – начальником дворцовой стражи. Утопить весь Святой Орден в море-океане. Восстановить библиотеки, вернуть из ссылки ученых и поэтов, открыть школы и университеты. И, конечно, как следует заняться перевоспитанием неразумного населения в нужном коммунарском духе. Не умеешь – научим, не хочешь – заставим, массовая гипноиндукция, позитивная реморализация, гипноизлучатели на трех экваториальных спутниках…

Понимание того, что все не так просто, и осознание всех «подводных камней» – при внимательном чтении разговора Руматы с доктором Будахом – придет значительно позже. Как минимум через год и через три-четыре прочтения ТББ. Понимание того, что нельзя «лишать человечество его истории» придет года через три. А мысль о том, что и на Земле, возможно, есть (и были) прогрессоры с какого-нибудь Денеба, которых одолевают те же проблемы, посетит примерно через пять лет…

Но все это будет позже – а пока останется только недоумение: разве можно не вмешиваться, если можно вмешаться? Зачем ждать, пока Киру застрелят из арбалета – не проще ли было превентивно сжечь нападавших из бластера? Что мешает раздать «молнии» войску Араты Горбатого, а потом, когда он окажется на троне, тщательно проследить, чтобы не наломал дров? Почему

при аресте, даже защищая свою жизнь и свободу против десятка упитанных увальней с топорами, Румата не разит насмерть – он, владеющий «сказочными, невероятными приемами боя»? Подумаешь, нашел кого жалеть – получеловеков, которых язык не поворачивается называть братьями по разуму!

Впрочем, если честно, то остатки этого недоумения сохранятся и до сей поры. Потому что и до сей поры я уверен, что драконов надо не перевоспитывать, а убивать. Что говорить с мерзавцами надо на том единственном языке, который им доступен. Что против злой силы надо применять другую силу, а не рассчитывать на то, что добро когда-нибудь восторжествует само по себе – в силу естественного прогресса.

Видимо, не пройти мне по конкурсу в Институт Экспериментальной Истории…

Комментарий БНС:

Вообще, роман вызвал разноречивые отклики у читающей публики. В особенности озадачены были наши редакторы. В этом романе все им было непривычно, и масса пожеланий (вполне дружеских, между прочим, а вовсе не злобно-критических) было высказано. По совету И.А. Ефремова мы переименовали министра охраны короны в дона Рэбу (раньше он у нас был дон Рэбия – анаграмма слишком уж незамысловатая, по мнению Ивана Антоновича). Более того, нам пришлось основательно поработать над текстом и добавить целую большую сцену, где Арата Горбатый требует у героя молнии и не получает их. Поразительно, что роман этот прошел через все цензурные рогатки без каких-либо особых затруднений. То ли тут сыграл роль либерализм тогдашнего «молодогвардейского» начальства, то ли точные действия замечательного редактора нашего, Бэллы Григорьевны Клюевой, а может быть, дело было вовсе в том, что шел некий откат после недавней идеологической истерики – враги наши переводили дух и благодушно озирали вновь захваченные ими плацдармы и угодья.

Впрочем, по выходе книги реакция определенного рода последовала незамедлительно. Пожалуй, это был первый случай, когда по Стругацким ударили из крупных калибров. Академик АН СССР Ю. Францев обвинил авторов в абстракционизме и сюрреализме, а почтенный собрат по перу В. Немцов – в порнографии. К счастью, это были пока еще времена, когда разрешалось отвечать на удары, и за нас в своей блестящей статье «Миллиарды граней будущего» заступился И. Ефремов. Да и политический градус на дворе к тому времени поуменьшился. Словом, обошлось. (Идеологические шавки еще иногда

потявкивали на этот роман из своих подворотен, но тут подоспели у нас «Сказка о Тройке», «Хищные вещи века», «Улитка на склоне» – и роман «Трудно быть богом» на их фоне вдруг, неожиданно для авторов, сделался даже неким образцом для подражания. Стругацким уже выговаривали: что же вы, вот возьмите «Трудно быть богом» – ведь можете же, если захотите, почему бы вам не работать и дальше в таком ключе?..)

Роман, надо это признать, удался. Одни читатели находили в нем мушкетерские приключения, другие – крутую фантастику. Тинэйджерам нравился острый сюжет, интеллигенции – диссидентские идеи и антитоталитарные выпады. На протяжении доброго десятка лет по всем социологическим опросам роман этот делил первое-второе рейтинговое место с «Понедельником». На сегодняшний день (октябрь 1997 года) он вышел в России общим тиражом свыше 2 миллионов 600 тысяч экземпляров, и это – не считая советских изданий на иностранных языках и на языках народов СССР. А среди зарубежных изданий он до сих пор занимает прочное второе место сразу за «Пикником». По моим данным, он вышел за рубежом 34-мя изданиями в семнадцати странах. В том числе: в Болгарии (4 издания), Испании (4), ФРГ (4), Польше (3), ГДР (2), Италии (2), США (2), Чехословакии (2), Югославии (2) и т.д.

«Далекая радуга» (1962)

ДР – единственный у АБС «роман-катастрофа». Правда, гибнет в ней не Земля и не ее часть, а земная колония на далекой планете Радуга, превращенной в гигантский полигон для экспериментов по нуль-транспортировке. В книге две ключевые темы: возможные трагические последствия выхода научного эксперимента из-под контроля и поведение людей перед лицом неминуемой гибели.

Собственно, обе, и первая, и вторая темы, отнюдь не оригинальны. Кто только не предупреждал об опасности для человечества, которую могут нести с собой научные опыты, – начиная с Жюля Верна и заканчивая Полом Андерсоном. И кто только не описывал ситуации, когда мест в спасательных шлюпках меньше, чем желающих спастись пассажиров.

Но почему же, собственно, Стругацкие вдруг обратились к такому специфическому жанру?

Комментарий БНС:

В августе 1962 года в Москве состоялось первое (и кажется, последнее) совещание писателей и критиков, работающих в жанре научной фантастики. Были там идейно нас всех нацеливающие, доклады, встречи с довольно высокими начальниками (например, с секретарем ЦК ВЛКСМ Леном Карпинским), дискуссии и кулуарные междусобойчики, а главное – был там нам показан по большому секрету фильм Крамера «На последнем берегу».

(Фильм этот сейчас почти забыт, а зря. В те годы, когда угроза ядерной катастрофы была не менее реальна, чем сегодня угроза, скажем, повальной наркомании, фильм этот произвел на весь мир такое страшное и мощное впечатление, что в ООН было даже принято решение – показать его в так называемый День Мира во всех странах одновременно. Даже наше высшее начальство скрепя сердце пошло на этот шаг и показало «На последнем берегу» в День Мира в одном (!) кинотеатре города Москвы. Хотя могло бы, между прочим, и не показывать вовсе: как известно, нам, советским, чужда была и непонятна тревога за ядерную безопасность – мы и так были уверены, что никакая ядерная катастрофа нам не грозит, а грозит она только гниющим империалистическим режимам Запада.)

Фильм нас буквально потряс. Картина последних дней человечества, умирающего, почти уже умершего, медленно и навсегда заволакиваемого радиоактивным туманом под звуки

пронзительно-печальной мелодии «Волсинг Матилда»… Когда мы вышли на веселые солнечные улицы Москвы, я, помнится, признался АН, что мне хочется каждого встречного военного в чине полковника и выше – лупить по мордам с криком «прекратите… вашу мать, прекратите немедленно!» АН испытывал примерно то же самое. (Хотя при чем тут, если подумать, военные, даже и в чине выше полковника? В них ли было дело? И что они, собственно, должны были немедленно прекратить?) Разумеется, это было совершенно, однозначно и безусловно исключено – написать роман-катастрофу на сегодняшнем и на нашем материале, а так мучительно и страстно хотелось нам сделать советский вариант «На последнем берегу»: мертвые пустоши, оплавленные руины городов, рябь от ледяного ветра на пустых озерах, черные землянки, черные от горя и страха люди и тоскливая мелодия-молитва над всем этим: «Летят утки, летят утки да два гуся…» Мы обдумывали все возможные и невозможные варианты такой повести (у нее уже появилось название – «Летят утки»), строили эпизоды, рисовали мысленные картинки и пейзажи и понимали: все это зря, ничего не выйдет и никогда – при нашей жизни.

Почти сразу же после совещания мы поехали вместе в Крым и там наконец придумали, как все это можно сделать: просто надо уйти в мир, где нет ядерных войн, но – увы! – все еще есть катастрофы. Тем более что этот мир у нас уже был придуман, продуман и создан заранее и казался нам немногим менее реальным, чем тот, в котором мы живем.

Надо сказать, что придуманный мир Радуги действительно лишь самую малость менее реален, чем настоящий. Собственно, Радуга – своего рода большая Дубна, где ученые проводят эксперименты, ведут жаркие дискуссии и не щадя живота своего сражаются за право получить вне очереди оборудование для этих экспериментов. Только что именуется это оборудование не синхрофазотронами, а ульмотронами… Все это прекрасно встраивалось в тогдашнее состояние интеллигентных умов! Напомним: начало 60-х годов – время беспредельной веры в могущество науки, особенно физики. Именно тогда физики уверенно побеждали лириков, конкурс в физические вузы зашкаливал, а самым популярным мужчиной в стране был Алексей Баталов, сыгравший физика Гусева в «Девяти днях одного года». Поэтому целая планета, безраздельно отданная под эксперименты ученым, – это полностью в духе времени. А фантастический антураж не так и много добавляет: в конце концов, чем Волна так уж страшнее ядерного взрыва? Между

прочим, говорить в начале 60-х, что не обязательно беспрекословно снабжать ученых всем, что они попросят для удовлетворения своего любопытства за казенный счет (цитируя, кажется, Льва Ландау), – а мораль ДР именно такова – было близким к кощунству…

Но, конечно, ДР – это повесть о будущем, о том же Мире Полудня: время действия, как подсчитала группа «Людены», – 60-е годы XXII века. Более того, по замыслу авторов, это должна была быть последняя повесть о далеком коммунизме – еще 23.11.63 Аркадий Стругацкий делает соответствующую запись в своем дневнике…

Комментарий БНС:

Я наткнулся сейчас на эту запись в дневнике АН и вздрогнул. А ведь и верно! Ведь и на самом деле говорили мы тогда, в конце 62-го, друг другу: «Все! Хватит об этом. Надоело! Хватит о выдуманном мире, главное на Земле – даешь сугубый реализм!..» И ведь так (или почти так) оно и получилось: закончив ее, мы в течение долгих последующих лет не возвращались больше в Мир Полудня, аж до самого 1970-го года.

Если, впрочем, не считать «Трудно быть богом» и «Обитаемого острова». Но можно ли считать эти романы произведениями о Светлом Будущем да и вообще о будущем ?

Что правда, то правда: считать «Обитаемый остров» и тем более «Трудно быть богом» произведениями о будущем трудновато. Но ДР – повесть о том будущем, где единственная проблема – откуда взять энергию для удовлетворения растущих потребностей ученых.

«Смысл человеческой жизни – это научное познание», – говорит один из персонажей ДР, физик Альпа. И добавляет: «Мне грустно видеть, что миллиарды людей сторонятся науки, ищут свое призвание в сентиментальном общении с природой, которое они называют искусством. Наука переживает период материальной недостаточности, а в то же время миллиарды людей рисуют картины, рифмуют слова… а ведь среди них много потенциально великолепных работников…» Физик так и не решается продолжить эту нехитрую мысль, и вместо него это делает Горбовский: мол, хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат науки новые конвейеры для производства ульмотронов (нечто вроде аккумуляторов энергии огромной мощности)…

В будущем, обрисованном в ДР, на полном серьезе обсуждается такая проблема: не перебросить ли в науку часть энергии из Фонда Изобилия? Значит, верили Стругацкие тогда, что будет в Мире Полудня и Изобилие, и Фонд. Верили в то, что будет обсуждаться идея во имя чистой науки «поприжать человечество в области элементарных потребностей». Верили в то, что одни будут выдвигать лозунг «Ученые готовы голодать», а другие отвечать им «А шесть миллиардов детей не готовы. Так же не готовы, как вы не готовы разрабатывать социальные проекты»…

Впоследствии эта вера иссякнет довольно скоро – уже в «Малыше», не говоря о «Парне из преисподней», «Жуке в муравейнике» или «Волны гасят ветер», люди Полудня озабочены совсем другими проблемами. Куда более сложными – и куда более грустными.

Комментарий БНС:

Первый черновик «ДР» начат и закончен был в ноябре-декабре 1962-го, но потом мы еще довольно долго возились с этой повестью – переписывали, дописывали, сокращали, улучшали (как нам казалось), убирали философские разговоры (для издания в альманахе издательства «Знание»), вставляли философские разговоры обратно (для издания в «Молодой Гвардии»), и длилось все это добрых полгода, а может быть, и дольше.

Впрочем, главный вопрос, связанный с «Далекой Радугой», – это вопрос о Горбовском. Погиб ли Горбовский в смертоносном пламени Волны или все-таки уцелел? Если уцелел, то как ему это удалось? Если погиб, то почему во многих последующих повестях он появляется как ни в чем не бывало?

Никакого ответа на этот знаменитый вопрос АБНС так и не дают, и читателю приходится домысливать все самому. Но надо сказать, что ДР характерна, казалось бы, ни на чем не основанной, но притом полнейшей уверенностью читателя в том, что в последний момент должно случиться какое-то чудо. То ли Волна – неистовая всеразрушающая субстанция вырожденной материи – остановится, не успев уничтожить людей, то ли встречные северная и южная Волны самоликвидируются при сближении, то ли, как напишет Стругацким ученик четвертого класса Слава Рыбаков (ныне – знаменитый писатель-фантаст Вячеслав Рыбаков), в повести просто не дописана концовка. А должна она быть, по мнению Славы Рыбакова, такой:

«Вдруг в небе послышался грохот. У горизонта показалась

черная точка. Она быстро неслась по небосводу и принимала все более ясные очертания. Это была „Стрела“».

Имеется в виду звездолет «Стрела», который в оригинале ДР успеть на помощь никак не может, но, по мнению многих и многих читателей, успеть обязан. В противном случае придется предположить, что погибнет не только Горбовский, но и Марк Валькенштейн, и Этьен Ламондуа, и Джина Пикбридж, и Матвей Вязаницын, и Роберт с Таней, и Аля Постышева, и Канэко, и отважная восьмерка так и не состоявшихся нуль-перелетчиков… Допустить такое в здравом уме и ясной памяти ни один читатель АБС не в состоянии. Значит, все ДОЛЖНЫ были спастись – что подтверждается благополучным появлением Горбовского в Мире Полудня в последующих романах. Поскольку спастись один Горбовский никак не мог (предположить, что Леонид Андреевич в последний момент тайком пробрался на борт «Тариэля-Второго» довольно трудно) – значит, спаслись и все прочие. И все научные проблемы нуль-Т, видимо, были впоследствии благополучно разрешены. Ведь, скажем, когда в «Жуке в муравейнике» Максим Каммерер пользуется кабиной для нуль-транспортировки, путешествуя на курорт «Осинушка» и обратно, никаких Волн поблизости не наблюдается…

И еще одно, что никак нельзя обойти, вспоминая ДР, – феномен Камилла. Последнего из «Чертовой Дюжины» фанатиков, сративших себя с машинами. Голый разум и неограниченные возможности совершенствования организма – исследователь, который сам себе и транспорт, и приборы. Человек-ульмотрон, человек-флайер, человек-лаборатория, неуязвимый, бессмертный…

Получается, впрочем, по словам Камилла, совсем безрадостное состояние. Вместо «хочешь, но не можешь» – «можешь, но не хочешь». Выясняется, что отсутствие желаний, чувств и ощущений, дающее переход к абсолютной сосредоточенности для того, чтобы добиться научного успеха, гибельно для «человеческой» половины каждого из «Чертовой Дюжины». И влечет за собой лишь одно – невыносимо тоскливое ощущение одиночества. И недаром через три десятка лет после описываемых в ДР событий Камилл покончит с собой, точнее «саморазрушится», – об этом будут говорить герои «Волны гасят ветер». И вспомнят, что «последние лет сто Камилл был совершенно один – мы такого одиночества и представить себе не способны…

«Улитка на склоне» (1965)

«Улитка» – странное произведение. Странное по процессу своего создания (о чем ниже – в авторских комментариях БНС). Странное по сюжету и ритму повествования – нигде больше Стругацкие не проявляли себя мастерами такой «тягучей» прозы. Странное по замыслу, который подавляющее большинство читателей, как считают авторы, так и не сумели понять. И тем не менее – «Улитка» вот уже многие годы остается не только одной из самых знаменитых книг АБС, прочесть и уметь цитировать которую считается хорошим тоном среди людей, относящих себя к интеллектуалам. Но – и произведением, которое братья Стругацкие считали в своем творчестве самым совершенным и самым значительным. И уверенно включали его в любые «тройки», «пятерки» и прочие перечни лучших своих книг.

Правда, среди массового читателя УНС пользуется далеко не такой популярностью, как среди «люденовской» и прочей элиты. Более того: могу признаться, что и сам не испытываю полагающегося горячему поклоннику АБС восторга от данного произведения, хотя время от времени его перечитываю. При этом из двух сюжетных линий УНС – «линии Леса» и «линии управления» – мне нравится лишь вторая, что же касается первой – странствия Кандида не вызывают во мне никакого интереса (да простит меня Борис Натанович).

И все же обойти «Улитку» в этой книге никак нельзя. Хотя бы из уважения к братьям Стругацким, которые, конечно же, никогда бы не сочли лучшим своим произведением нечто пустое и скучное. Наверное, я еще до «Улитки» не дорос.

Может быть, впрочем, не все еще потеряно? И поскольку самостоятельных рассуждений об «Улитке» у меня практически нет – ограничусь включением в эту книгу сокращенного варианта лекции, прочитанной БНС в 1987 году на заседании ленинградского семинара писателей-фантастов под названием «Как создавалась „Улитка на склоне“, история и комментарии». Текст лекции впоследствии был исправлен и дополнен БНС и в таком виде предоставлен автору книги.

Комментарий БНС:

4 марта 1965 года два молодых новоиспеченных писателя – и года еще не прошло, как они стали членами Союза писателей, – впервые в своей жизни приезжают в Дом творчества в Гагры. Здесь все прекрасно – замечательная погода, великолепное обслуживание, вкусная еда, почти безукоризненное здоровье,

прекрасное самочувствие, в загашниках полно новых идей и годных для разработки ситуаций. Все очень хорошо! Их поселяют в корпусе для особо избранных лиц – никогда в жизни они в этот корпус попасть в будущем уже не смогли. А в те дни – попали, потому что было это межсезонье и в гагринском Доме творчества писателей жили только братья Стругацкие да футбольная команда «Зенит», проводившая в тех краях сборы.

Все было бы изумительно хорошо, если бы не выяснилось вдруг, что, оказывается, Стругацкие-то находятся в состоянии творческого кризиса! Они этого пока не знают. Им кажется, что все в порядке, что все у них ясно и понятно… Но ничего не получилось. Сейчас я уже не знаю (или не помню) почему. Не шло. Застопорило. Опять застопорило, как это уже случилось с нами четыре года назад, во время работы над «Попыткой к бегству». Опять был тупик, и опять мы испытали панику того рода, какую мог бы испытать Дон Жуан, которому врач вдруг сказал: «Все, сударь. Увы, но вам следует забыть об этом. И навсегда».

Исполненные паники, мы принялись судорожно листать наши заметки, где у нас, как и у всякого порядочного молодого писателя, был громадный список всевозможных сюжетов, идей и ситуаций. И на одной из этих ситуаций, издавна нас привлекавшей и увлекавшей, мы и становились. Представьте себе, что на некоей планете живут два вида разумных существ. И между ними идет борьба за выживание, война. Причем война не технологическая, формы которой земному человеку знакомы и привычны, а – биологическая, которая для постороннего, земного наблюдателя на войну вообще не похожа.

…Пандора. Конечно, планетой должна была стать Пандора. Давно уже нами придуманная странная и дикая планета, где обитают странные и опасные существа. Прекрасное место для наших событий – планета, покрытая джунглями, сплошь заросшая непроходимым лесом. Из этого леса кое-где торчат, наподобие амазонских мезас, описанных Конан Дойлем в «Затерянном мире», белые скалы, плоскогорья, практически необитаемые, – именно здесь земляне устраивают свои базы. Они ведут наблюдение за планетой, практически не вмешиваясь в ее жизнь и, собственно, не пытаясь даже вмешиваться, потому что земляне просто не понимают, что тут происходит. Джунгли живут здесь своей загадочной жизнью. Иногда там исчезают люди, временами их удается найти, временами нет. Пандора превращена землянами в нечто вроде охотничьего заповедника. Тогда, в середине 60-х, мы еще не ничего не знали об экологии и слыхом не слыхали о Красной книге. Поэтому одним из

распространенных занятий людей нашего будущего была охота. И вот охотники приезжают на Пандору для того, чтобы убивать тахоргов, удивительных и страшных зверей… И там же, на этой планете, который месяц уже живет Горбовский, и никто не понимает, что ему здесь надо и на что тратит он свое драгоценное время великого звездолетчика и члена Мирового Совета.

Горбовский наш старый герой, в какой-то степени он – олицетворение человека будущего, воплощение доброты и ума, воплощение интеллигентности в самом высоком смысле этого слова. Он сидит на краю гигантского обрыва, свесив ноги, смотрит на странный лес, который расстилается под ним до самого горизонта, и чего-то ждет.

В Мире Полудня давнымо-давно уже решены все фундаментальные социальные и многие научные проблемы. Разрешена проблема человекоподобного робота-андроида, проблема контакта с другими цивилизациями, проблема воспитания, разумеется. Человек стал беспечен. Он словно бы потерял инстинкт самосохранения. Появился Человек Играющий. (Вот когда впервые появляется у нас это понятие – Человек Играющий.) Все необходимое делается автоматически, этим заняты миллиарды умных машин, а миллиарды людей занимаются только тем, чем им нравится заниматься. Как мы сейчас играем в шахматы, в крестики-нолики или в волейбол, так они занимаются наукой, исследованиями, полетами в космос, погружениями в глубины. Так они изучают Пандору – небрежно, легко, играя, развлекаясь. Человек Играющий…

Горбовскому страшно. Горбовский подозревает, что добром такая ситуация кончиться не может, что рано или поздно человечество напорется в Космосе на некую скрытую опасность, которую представить себе сейчас даже не может, и тогда человечество ожидает шок, человечество ожидает стыд, поражение, смерти – все что угодно… И вот Горбовский, со своим сверхъестественным чутьем на необычайное, таскается с планеты на планету и ищет СТРАННОЕ. Что именно – он и сам не знает. Эта дикая и опасная Пандора, которую земляне так весело и в охотку осваивают уже несколько десятков лет, кажется ему средоточием каких-то скрытых угроз, он сам не знает, каких. И он сидит здесь для того, чтобы оказаться на месте в тот момент, когда что-то произойдет. Сидит для того, чтобы помешать людям совершать поступки опрометчивые, торопливые, поймать их, как расшалившихся детей «над пропастью во ржи»…

Горбовский, охотники, подготовка к пандорианскому сафари, – все это происходит на Горе. В Лесу же происходят свои

дела. По-моему, в самиздатовской статье известного, тогда опального, советского генетика Эфроимсона мы вычитали броскую фразу о том, что человечество могло бы прекрасно существовать и развиваться исключительно за счет партеногенеза. Берется женское яйцо, и под воздействием слабо индуцированного тока оно начинает делиться – через положенное время получается, разумеется, девочка, обязательно девочка, и притом точная, разумеется, копия матери. Мужчины – не нужны. Вообще. И мы населили наш Лес существами по крайней мере трех видов: во-первых, это колонисты, разумная раса, которая ведет войну с негуманоидами; во-вторых, это женщины, отколовшиеся от колонистов, размножающиеся партеногенетически и создавшие свою, очень сложную биологическую цивилизацию; и наконец, несчастные крестьяне – мужики и бабы, – про которых за бранными своими делами все попросту забыли. Они жили себе в деревнях… Когда нужен был хлеб, они были нужны. Научились выращивать хлеб без крестьян – про них забыли. И живут они теперь сами по себе, со своей старинной технологией, со старинными своими обычаями, совершенно оторванные от бурно текущей реальной жизни. И вот в этот шевелящийся зеленый ад попадает землянин. В первоначальном варианте это наш старый знакомец Атос-Сидоров. Он там живет, пропадает от тоски и исследует этот мир, не умея выбраться, не в силах найти дорогу домой…

Вот так возникают первые наметки повести, ее скелет. Идет разработка глав. Мы уже понимаем, что повесть должна быть построена таким образом: глава «вид сверху, с Горы», глава «вид изнутри, из Леса». Мы придумываем, что речь крестьян должна быть медлительна, вязка и многословна, и все они беспрестанно врут. И врут они не потому, что нехорошие или такие уж аморальные, а просто их мир так устроен, что никто ничего толком не знает, все только передают слухи, а слухи почти всегда врут… Эти медлительные существа, всеми заброшенные, никому не нужные, становятся для нас как бы символом человечества, оказавшегося жертвой равнодушного прогресса. Выясняется, что нам очень интересно писать этих людей, появляется какое-то сочувствие к ним, готовность к сопереживанию, жалость, обида за них…

Мы начинаем писать, пишем главу за главой, глава «Горбовский», глава «Атос-Сидоров», и постепенно из самой ситуации начинает выкристаллизовываться концепция, очень важная, очень для нас существенная и новая. Это – концепция взаимоотношения между человеком и законами природы-общества. Мы знаем, что все движения наши, и нравственные, и

физические, управляются определенными законами. Мы знаем, что каждый человек, который пытается противостоять этим законам, рано или поздно будет сломлен, повержен, уничтожен, как был сломлен пушкинский Евгений, осмелившийся крикнуть Вершителю Истории. «Ужо тебе!…» Мы знаем, что оседлать Историю может только тот человек, который действует в полном соответствии с ее законами… Но что же тогда делать человеку, которому НЕ НРАВЯТСЯ САМИ ЭТИ ЗАКОНЫ?!

Когда речь идет о законах физических – что ж, там проще, мы как бы привыкли, притерпелись к их непреложности. Или же научились их обходить. А иногда и использовать себе во благо. Человек должен падать – но летает. В том числе и в космос. Должен тонуть – но живет у самого морского дна. А если жесткий закон природы не позволяет ему, скажем, двигаться вспять по оси времени – что ж, это грустно, конечно. Но это факт, с которым можно, в конце концов, смириться, и причем без особого напряжения чувств. Это факт, который (почему-то) не задевает ни гордости нашей, ни нашего достоинства.

Гораздо труднее смириться с неодолимой силой законов истории и общества. Попытайтесь представить себе, например, мировосприятие людей, которые до революции были ВСЕ, а после революции стали НИЧТО, людей, принадлежавших к привилегированному классу. С детства они знали, что мир создан для них, Россия создана именно для них и что все у них будет замечательно хорошо. И вдруг мир рухнул. Вдруг те социальные условия, к которым они привыкли, куда-то подевались, и возникли совершенно новые, безжалостные к ним и невероятно жестокие. И при этом самые умные из этих людей прекрасно понимали, что таковы законы развития общества, что это не чья-то там злая воля бросила их в грязь, на самое дно жизни, а слепая, но непреложная закономерность истории. Как они должны были к этому относиться? Как должен относиться человек к закону общества, который ему кажется плохим? Можно ли вообще ставить так вопрос? Плохой закон общества и хороший закон общества – что это такое? То, что производительные силы непрерывно развиваются, – это хорошо или плохо? То, что производительные силы рано или поздно войдут в противоречие с производственными отношениями, – это закон человеческого общества.

Хорошо это хорошо или плохо? Я помню, мы много рассуждали на эти темы. Это было интересно. А потом – очень скоро – мы поняли, что фактически об этом и пишем, потому что судьба нашего землянина, оказавшегося среди крестьян, замордованных и обреченных, – эта судьба как раз и содержит в

себе если не ответ, то, по крайней мере, сам этот вопрос. Ведь там у нас существует и властвует прогрессирующая цивилизация, эта вот биологическая цивилизация женщин. И есть остатки прежнего вида гомо сапиенс, которым суждено неумолимо и обязательно погибнуть под напором «передового, прогрессивного». Так вот, наш землянин, наш собрат по виду, попавший в этот мир, – как он должен относиться к открывшейся ему картине? Историческая правда здесь на стороне крайне неприятных, чужих и чуждых ему, самодовольных и самоуверенных амазонок. А сочувствие героя – целиком и полностью на стороне этих туповатых, невежественных, беспомощных и нелепых мужичков и баб, которые его все-таки как-никак, а спасли, выходили, жену ему дали, хату ему дали, признали его своим. Что должен делать, как должен вести себя цивилизованный человек, понимающий, куда направлен ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ему прогресс? Как он должен относиться к прогрессу, если этот прогресс ему – поперек горла?!

6 марта мы написали первые строчки: «Сверху лес был, как пятнистая пена…» 20 марта мы закончили первый вариант. Мы писали быстро. Коль скоро план был разработан в подробностях, мы начинали писать очень быстро. Но тут нас ждал сюрприз – поставивши последнюю точку, мы обнаружили, что написали нечто никуда не годное, не лезущее ни в какие ворота. Мы вдруг поняли, что нам нет абсолютно никакого дела до нашего Горбовского. При чем здесь Горбовский? При чем здесь светлое будущее с его проблемами, которые мы же сами и изобрели? Елки-палки! Вокруг нас черт знает что творится, а мы занимаемся выдумыванием проблем и задач для наших потомков. Да неужели же сами потомки не сумеют в своих проблемах разобраться, когда дело до того дойдет?! И уже 21 марта мы решили, что повесть считать законченной невозможно, что с ней надо что-то делать, что-то кардинальное. Но тогда нам было еще совершенно не ясно – ЧТО ИМЕННО?

Было ясно, что те главы, которые касаются Леса, – годятся. Там «ситуация слилась с концепцией», все закончено и закруглено. Эта повесть внутри повести может даже существовать отдельно. А вот что касается части, связанной с Горбовским, то она никуда не годится. И дело не в том, что она, скажем, дурно написана. Нет, написана она вполне достойно, но вот к тому произведению, над которым мы сейчас работаем, она никакого отношения не имеет. Она нам НЕ ИНТЕРЕСНА сейчас. Главы с Горбовским надлежит вынуть из общего текста и отложить в сторону. Пусть полежат.

(Так они и пролежали «в стороне» аж до середины 80-х. В начале перестройки, когда стало возможным напечатать ВСЕ,

когда издатели готовы были вырвать из рук любую не публиковавшуюся ранее вещь, мы достали нашего «Горбовского» из архива, перечитали его и к огромному своему изумлению обнаружили, что это – вовсе недурно! Текст выдержал испытание временем, читался легко и способен был, как нам показалось, заинтересовать нового читателя… Так появилась и стала жить собственной жизнью повесть «Беспокойство».)

Вынуть главы было легко, трудно было их достойным образом заменить. Чем заменить? Ответа на этот мрачный вопрос мы пока не знали. Кризис породил половину повести, но никуда не делся, он по-прежнему нависал над нами. Такого вот двойного кризиса («с разделяющимися боеголовками») мы еще не видывали. Но настоящего отчаяния уже не было – мы были (почему-то) уверены, что с проблемой справимся.

В следующий раз мы встретились в конце апреля. Увы, я уже не помню сейчас, как и кому пришла в голову генеральная идея, определившая содержание и суть второй половины повести. В дневнике, к сожалению, этого нет. В дневнике, собственно, и сама по себе формулировка идеи отсутствует. Просто 28 апреля вдруг появляется запись: «Горбовский – Перец, Атос – Зыков». И тут же: «1. Убежавшая машинка; 2. Сборы в лес; 3. Уговаривает всех, чтобы взяли в лес…» Идея о том, что из повести надо убрать будущее и заменить его настоящим, возникла и заработала. В дневнике появляются новые имена. Начинается разработка линии «Перец», уже в том виде, в котором она потом реализовалась. «Не состоялась встреча-рандеву с начальником, который иногда выходит делать зарядку…», «договаривается с шофером на завтра…», «ждет в грузовике, с грузовика снимают колеса…». Что-то здесь с нами произошло, что-то важное. Возникла идея Управления по делам Леса – этой бредовой пародии на любое государственное учреждение. Каким-то образом и кому-то пришло в голову, что одну фантастическую линию, линию Леса, надо дополнить второй, но уже скорее символической. Не научно-фантастической, а именно символической. Один человек мучительно пытается выбраться из Леса, а какой-то другой человек, совсем другого типа и другого склада, должен мучительно стараться попасть в Лес, чтобы узнать, что там происходит.

30 апреля в дневнике впервые появляется слово «Управление», а за ним идет «штатное расписание»: Группа Искоренения, Группа Изучения, Группа Вооруженной Охраны, Группа Научной Охраны… Идет подробный план первой главы, обрывки будущих рассуждений героев, и вот – фундаментального значения строчка: «Лес – будущее».

Именно с этого момента все встает на свои места. Повесть перестает быть научно-фантастической (если она и была таковой раньше) – она становится просто фантастической, гротесковой, символической, как вам будет угодно. Во всем появляется скрытый смысл, каждая сцена наполняется новым содержанием. Что такое Лес? Лес – это Будущее. Про которое мы ничего не знаем. О котором мы можем только гадать, как правило, безосновательно, о котором у нас есть только отрывочные соображения, так легко распадающиеся под лупой сколько-нибудь пристального анализа. О Будущем, если честно, если – положи руку на сердце, – о Будущем мы знаем сколько-нибудь достоверно лишь одно: оно совершенно не совпадает с любыми нашими представлениями о нем. Мы не знаем даже, будет ли мир Будущего хорош или плох, – мы в принципе не способны ответить на этот вопрос, потому что, скорее всего, он будет нам безмерно чужд, он будет до такой степени не совпадать с любыми нашими о нем представлениями, что к нему нельзя будет применять понятия «хороший», «плохой», «неважнецкий», «ничего себе». Он будет просто чужой и ни с чем не сравнимый, как мир современного мегаполиса ни с чем не сравним и ни с чем не сообразен в глазах современного каннибала с острова Малаита.

Тот Лес, который мы уже написали, прекрасно вписывался в эту концепцию. Почему бы не представить себе, что в отдаленном будущем человечество сольется с природой, сделается в значительной мере частью ее? Человек перестанет быть человеком в современном смысле этого слова. Не так уж много для этого надо. Деформируйте у homo sapiens всего лишь один инстинкт – инстинкт размножения. Этот инстинкт, как на фундаменте, стоит на бисексуальности, на двуполости вида. Уберите один из полов – у вас получатся абсолютно новые существа, похожие на людей, но уже не люди. У них будут совершенно другие, чуждые нам, нравственные принципы, совершенно другие представления о том, что должно и что можно, другие цели, другой смысл жизни, в конце концов… Оказывается, мы сидели месяц и писали – не зря! Мы, оказывается, создавали совершенно новую модель Будущего! Причем – не просто гипотетическую структуру, не застывший мертвенно-стабильный мир в манере Олдоса Хаксли или, скажем, Оруэлла, а мир в движении, мир, который еще не закончил сооружать себя, мир, который все еще строится. И при этом в нем сохранились остатки прошлого, живущие своей жизнью, психологически близкие нам и задающие как бы систему нравственных координат…

И в этом аспекте совершенно по-другому выглядел не

написанный еще мир Управления. Что такое Управление – в нашей новой, символической схеме? Да очень просто – это Настоящее! Это Настоящее, со всем его хаосом, со всей его безмозглостью, удивительным образом сочетающейся с многоумудренностью. Настоящее, исполненное человеческих ошибок и заблуждений пополам с окостенелой системой привычной антигуманности. Это то самое Настоящее, в котором люди все время думают о Будущем, живут ради Будущего, провозглашают лозунги во славу Будущего и в то же время – гадят на это Будущее, искореняют это Будущее, всячески изничтожают ростки его, стремятся превратить это Будущее в асфальтированную автостоянку, стремятся превратить Лес, свое Будущее, в английский парк со стрижеными газонами, чтобы Будущее сформировалось не таким, каким оно способно быть, а таким, каким нам хотелось бы его сегодня видеть…

Интересно, что эта счастливая идея, которая помогла нам сделать сюжетную линию «Управление» и которая совершенно по-новому осветила всю повесть в целом, в общем-то, осталась совершенно недоступна массовому читателю. По пальцам одной руки можно пересчитать людей, которые поняли авторский замысел целиком. А ведь мы по всей повести разбросали намеки, расшифровывающие нашу символику. Казалось бы, одних только эпиграфов для этого достаточно. Будущее как бор, будущее – Лес. Бор распахнут тебе навстречу, но ничего уже не поделаешь, Будущее уже создано… И улитка, упорно ползущая к вершине Фудзи, это ведь тоже символ движения человека к Будущему – медленного, изнурительного, но неуклонного движения к неведомым высотам…

И вот вопрос – должны ли мы, авторы, рассматривать как наше поражение, то обстоятельство, что идея, которая помогла нам сделать повесть емкой и многомерной, осталась, по сути, не понята читателем? Не знаю. Я знаю только, что существует множество трактовок «Улитки», причем многие из этих трактовок вполне самодостаточны и ни в чем не противоречат тексту. Так может быть, это как раз хорошо, что вещь порождает в самых разных людях самые разные представления о себе? И может быть, чем больше разных точек зрения, тем больше оснований считать произведение удачным? В конце концов, оригинал картины «Подвиг лесопроходца Селивана» был «уничтожен, как предмет искусства, не допускающий двоякого толкования». Так что, может быть, единственная возможность для «предмета искусства» уцелеть как раз в том и состоит, чтобы иметь не одно, а множество толкований?

Впрочем, «Улитке» возможность множественного ее

толкования не слишком помогла. Уничтожить ее не уничтожили, но на много лет сделали запретной для чтения. В мае 1968 года некто В. Александров (видимо, титанического ума мужчина) в партийной газете «Правда Бурятии» посвятил «Улитке» замечательные строки (цитирую с некоторыми купюрами, ни в малой степени не меняющими смысла филиппики):

«…Авторы не говорят, в какой стране происходит действие, не говорят, какую формацию имеет описываемое ими общество. Но по всему строю повествования, по тем событиям и рассуждениям, которые имеются в повести, отчетливо видно, кого они подразумевают. Фантастическое общество, показанное А. и Б. Стругацкими <…>, – это конгломерат людей, живущих в хаосе, беспорядке, занятых бесцельным, никому не нужным трудом, исполняющих глупые законы и директивы. Здесь господствует страх, подозрительность, подхалимство, бюрократизм…»

Поневоле задумаешься: а не был ли автор критической заметки скрытым диссидентом, прокравшимся в партийный орган, дабы под благовидным предлогом полить грязью самое справедливое и гуманное советское государственное устройство? Впрочем, эта заметка была только первой (хотя и самой глупой) в целой серии разгромных рецензий по поводу «Улитки». В результате повесть была впервые опубликована целиком, в ее настоящем виде, уже только в новейшие времена, в 1988 году. А тогда, в конце 60-х, номера журнала «Байкал», где была опубликована часть «Управление» (с великолепными иллюстрациями Севера Гансовского!), были изъяты из библиотек и водворены в спецхран. Публикация эта оказалась в Самиздате, попала на Запад, была опубликована в мюнхенском издательстве «Посев», и впоследствии люди, у которых при обысках она обнаруживалась, имели неприятности – как минимум по работе…

«Обитаемый остров» (1969)

На протяжении более тридцати лет – с того момента, как в руки мне попались номера журнала «Нева» с самым первым вариантом ОО, этот, как называют его АБС, «роман о приключениях комсомольца XXII века», остается в числе моих самых любимых и наиболее часто перечитываемых произведений Стругацких. Уступает он разве что ТББ – да и то ненамного. А с точки зрения актуальности так, пожалуй, и превосходит – судя по всем недавним, да и нынешним временам.

Чем же таким роман притягивает? Ведь не тем же, что мастерски построен по законам развлекательного жанра, крепко сколочен и ладно сшит, держит в напряжении до последней страницы (когда читаешь в первый раз) и заканчивается эффектным финалом?

Конечно же, нет. Боевиков, выстроенных по тем же рецептам, – пруд пруди. И тех, где действие происходит сегодня, и тех, где действие происходит в отдаленном будущем. С куда более ловко закрученным сюжетом и куда большим количеством приключений. Но все они, как правило, пригодны лишь для одноразового чтения.

ОО – исключение.

Комментарий БНС:

Совершенно точно известно, когда был задуман этот роман, – 12 июня 1967 года в рабочем дневнике появляется запись: «Надобно сочинить заявку на оптимистическую повесть о контакте». И тут же:

«Сочинили заявку. Повесть „Обитаемый остров“».

Сюжет: Иванов терпит крушение.

Обстановка. Капитализм. Олигархия. Управление через психоволны. Науки только утилитарные. Никакого развития. Машиной управляют жрецы. Средство идеальной пропаганды открыто только что. Неустойчивое равновесие. Грызня в правительстве. Народ шатают из стороны в сторону, в зависимости от того, кто дотягивается до кнопки. Психология тирании: что нужно тирану? Кнопочная власть – это не то, хочется искренности, великих дел. Есть процент населения, на кого лучи не действуют. Часть – рвется в олигархи (олигархи тоже не подвержены). Часть – спасаются в подполье от истребления, как неподатливый материал. Часть – революционеры, как

декабристы и народники.

Иванов после мытарств попадает в подполье. Любопытно, что эта нарочито бодрая запись располагается как раз между двумя сугубо мрачными – 12.06.67: «Борис прибыл в Москву в связи с отвергнутием „Сказки о тройке“ Детгизом» и 13.06.67: «Афронт в „Молодой Гвардии“ с СоТ». Этот сдвоенный удар оглушил нас и заставил утратить на время сцепление с реальностью. Мы оказались словно бы в состоянии этакого «творческого грогги».

Очень хорошо помню, как, обескураженные и злые, мы говорили друг другу: «Ах, вы не хотите сатиры? Вам более не нужны Салтыковы-Щедрины? Современные проблемы вас более не волнуют? Оч-чень хорошо! Вы получите бездумный, безмозглый, абсолютно беззубый, развлеченческий, без единой идеи роман о приключениях мальчика-е…чика, комсомольца XXII века…» Смешные ребята, мы словно собирались наказать кого-то из власть имущих за отказ от предлагаемых нами серьезностей и проблем. Наказать тов. Фарфуркиса легкомысленным романом! Забавно. Забавно и немножко стыдно сейчас это вспоминать. Но тогда, летом и осенью 67-го, когда все, самые дружественные нам редакции одна за другой отказывались и от «Сказки», и от «Гадких лебедей», мы не видели в происходящем ничего забавного.

Мы взялись за «Обитаемый остров» без энтузиазма, но очень скоро работа увлекла нас. Оказалось, что это дьявольски увлекательное занятие – писать беззубый, бездумный, сугубо развлеченческий роман! Тем более что довольно скоро он перестал видеться нам таким уж беззубым. И башни-излучатели, и выродки, и Боевая Гвардия – все вставало на свои места, как патроны в обойму, все находило своего прототипа в нашей обожаемой реальности, все оказывалось носителем подтекста – причем даже как бы помимо нашей воли, словно бы само собой, будто разноцветная леденцовая крошка в некоем волшебном калейдоскопе, превращающем хаос и случайную мешанину в элегантную, упорядоченную и вполне симметричную картинку.

Это было прекрасно – придумывать новый, небывалый мир, и еще прекраснее было наделять его хорошо знакомыми атрибутами и реалиями. Я просматриваю сейчас рабочий дневник: ноябрь 1967-го, Дом творчества в Комарова, мы работаем только днем, но зато как работаем – 7,10,11 (!) страниц в день. И не чистовика ведь – чернового текста, создаваемого, извлекаемого из ничего, из небытия! Этими темпами мы закончили черновик всего в два захода, 296 страниц, за 32 рабочих дня. А чистовик писался еще быстрее, по 12–16 страниц в день, и уже в мае готовая рукопись была отнесена в московский

Детгиз, и почти одновременно – в ленинградский журнал «Нева»…

Собственно фантастических допущений в ОО всего два. Первое – супермен Максим Каммерер, почти неуязвимый для пуль и ядов. Второе – излучение башен, лишающее большинство обитателей Саракша способности к критическому анализу окружающей действительности. Превращающее «человека мыслящего в человека верующего, верующего фанатично, исступленно и вопреки бьющей в глаза реальности». При ближайшем рассмотрении выясняется, что действительно фантастическим является лишь первое допущение. Потому что «гигантский пылесос», вытягивающий из людей всякие сомнения в том, что им внушает идеологическая пропаганда, прекрасно реализуем без всяких фантастических предположений…

Надо сказать, что в определенной степени «Остров» – противоположность ТББ. Ведь, в отличие от дона Руматы, Максим Каммерер не тяготится сомнениями насчет того, надо или не надо ему вмешиваться в происходящее на Саракше. И только и делает, что вмешивается. При этом, опять же в отличие от Руматы, он не считает необходимым проявлять излишнюю гуманность – к банде Крысолова, например.

Некоторое время назад я спросил Бориса Натановича: помните, как во время этой драки (а точнее, бойни) у Максима что-то «сдвигается» в сознании, и перед ним уже не подворотня на Саракше, а планета Пандора, и не люди, а «жуткие, опасные животные», с которыми надо драться, чтобы выжить. Неужели и у хомо сапиенс образца двадцать второго века сохранилось тяжкое наследие тоталитарного сознания? Ведь этот эпизод Максим отнюдь не воспринимает как грех…

БНС ответил: это попытка – может быть, неудачная – совместить высокое воспитание с необходимостью совершить аморальный поступок. И конечно, свой поступок (по сути – массовое убийство в целях самообороны) Максим воспринимает как греховный. Хотя и вуалирует это чисто фрейдистским образом: при помощи перехода в другое состояние, в другое психическое пространство. Мы сознательно ничего не писали о том, что испытывал Максим на другой день после драки. Я думаю, что на самом деле он должен был испытывать сильнейшие нравственные страдания. Но ему предстояло еще много испытаний на этом пути, и Максим в конце книги – это совсем не тот человек, что Максим в начале книги…

Спору нет: Максим в конце ОО и в его начале – два разных человека. Но, пожалуй, первый из них, куда более решителен, чем

второй. И куда более прагматичен, если не циничен. И куда более тверд. В конце книги, после гибели Гая, Максим уничтожает экипаж танка-излучателя «силой выковыривая черных погонщиков из железной скорлупы», но рефлексирует по этому поводу ничуть не больше, чем при расправе с бандой Крысолова в начале книги. Более того, ему ничего так не хочется в этот момент, как «почувствовать под пальцами живую плоть». И вряд ли после этого он испытывает какие-нибудь сильнейшие нравственные страдания…

Правда, так и остается загадкой, чем же завершилось вмешательство «комсомольца XXII века» в дела планеты Саракш. К каким же последствиям для Саракша привела финальная «акция» Максима со взрывом Центра?

Последующие произведения АБС из «каммереровского» цикла – «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер» – ответа на этот интересный вопрос не дают совершенно.

Понятно, что Максим не был, вопреки угрозам Рудольфа Сикорски, он же Странник, он же Экселенц, немедленно отправлен на Землю и, как известно, резидентствовал на Саракше примерно еще лет десять. В это время был установлен контакт с Голованами (при участии Геннадия Комова и Льва Абалкина), организована некая загадочная операция «Вирус», после которой не менее загадочный Суперпрезидент наградил Максима прозвищем Биг-Баг, и еще Максиму удалось проникнуть в Островную Империю (о чем ниже). Однако что же происходило в государстве Неизвестных Отцов (они же Огненосные Творцы) все это время – совершенно не ясно.

Удалось ли уничтожить башни, прекратилось ли излучение, если прекратилось – что стало с привыкшим к «лучевому наркотику» населением, какова судьба Отцов и их Гвардии (она же Легион), изменился ли, выражаясь современным языком, политический режим в стране… В общем, вопросов можно сформулировать множество. Ответов же на них – нет. И скорее всего, не предвидится. По крайней мере, Борис Натанович на все мои и не только мои просьбы заполнить лакуну в «каммереровском» цикле и написать, например, роман о приключениях Максима в Островной Империи неизменно отвечает, что ему это совершенно неинтересно. Хотя недавно выяснилось, что некоему молодому писателю (имя БНС не разглашает) была дана санкция на написание такого романа и переданы некие сделанные когда-то АБС наброски. Единственный из этих набросков, увидевший свет и хоть как-то раскрывающий авторский замысел, был опубликован в предисловии БНС к сборнику «Время учеников» из серии «Миры братьев Стругацких».

Вот этот текст:

«В последнем романе братьев Стругацких, в значительной степени придуманном, но ни в какой степени не написанном; в романе, который даже именито собственного, по сути, лишен (даже того, о чем в заявках раньше писали „название условное“); в романе, который никогда теперь не будет написан, потому что братьев Стругацких больше нет, а С. Витицкому в одиночку писать его не хочется, – так вот в этом романе авторов соблазняли главным образом две свои выдумки.

Во-первых, им нравился (казался оригинальным и нетривиальным) мир Островной Империи, построенный с безжалостной рациональностью Демиурга, отчаявшегося искоренить зло. В три круга, грубо говоря, укладывался этот мир. Внешний круг был клоакой, стоком, адом этого мира – все подонки общества стекались туда, вся пьянь, рвань, дрянь, все садисты и прирожденные убийцы, насильники, агрессивные хамы, извращенцы, зверье, нравственные уроды – гной, шлаки, фекалии социума. Тут было ИХ царствие, тут не знали наказаний, тут жили по законам силы, подлости и ненависти. Этим кругом Империя ощетинивалась против всей прочей ойкумены, держала оборону и наносила удары.

Средний круг населялся людьми обыкновенными, ни в чем не чрезмерными, такими же, как мы с вами, – чуть похуже, чуть получше, еще далеко не ангелами, но уже и не бесами.

А в центре царил Мир Справедливости. «Полдень, XXII век». Теплый, приветливый, безопасный мир духа, творчества и свободы, населенный исключительно людьми талантливыми, славными, дружелюбными, свято следующими всем заповедям самой высокой нравственности.

Каждый рожденный в Империи неизбежно оказывался в «своем» круге, общество деликатно (а если надо – и грубо) вытесняло его туда, где ему было место – в соответствии с талантами его, темпераментом и нравственной потенцией. Это вытеснение происходило и автоматически, и с помощью соответствующего социального механизма (чего-то вроде полиции нравов). Это был мир, где торжествовал принцип «каждому – свое» в самом широком его толковании. Ад, Чистилище и

Рай. Классика.

А во-вторых, авторам нравилюь придуманная ими концовка. Там у них Максим Каммерер, пройдя сквозь все круги и добравшись до центра ошарашенно наблюдает эту райскую жизнь, ничем не уступающую земной, и, общаясь с высокопоставленным и высоколобым аборигеном, и узнавая у него все детали устройства Империи, и пытаясь примирить нетримиримое, осмыслить неосмысливаемое, состыковать нестыкуемое, слышит вдруг вежливый вопрос: «А что, у вас разве мир устроен иначе?» И он начинает говорить, объяснять, втолковывать: о высокой Теории воспитания, об Учителях, о тщательной кропотливой работе над каждой дитячьей душой…

Абориген слушает, улыбается, кивает, а потом замечает как бы вскользь:

„Изящно. Очень красивая теория. Но, к сожалению, абсолютно не реализуемая на практике“. И пока Максим смотрит на него, потеряв дар речи, абориген произносит фразу, ради которой братья Стругацкие до последнего хотели этот роман все-таки написать.

„Мир не может быть построен так, как вы мне сейчас рассказали, – говорит абориген. – Такой мир может быть только придуман. Боюсь, друг мой, вы живете в мире, который кто-то придумал – до вас и без вас, – а вы не догадываетесь об этом…“

По замыслу авторов, эта фраза должна была поставить последнюю точку в жизнеописании Максима Каммерера. Она должна была заключить весь цикл о Мире Полудня. Некий итог целого мировоззрения. Эпитафия ему. Или – приговор?..»

Впрочем, в земном мире, где жили и работали АБС, тем временем (имеется в виду время написания ОО) происходили события, которые не смог бы выдумать самый изощренный фантаст.

Комментарий БНС:

ОО – рекордно толстый роман АБС того времени – написан был на протяжении полугода. Вся дальнейшая история его есть мучительная история шлифовки, приглаивания, ошкуривания, удаления идеологических заусениц, приспособления, приведения текста в соответствие с разнообразными и зачастую совершенно непредсказуемыми требованиями Великой и Могучей

Цензурирующей машины.

«Что есть телеграфный столб? Это хорошо отредактированная сосна». До состояния столба «Обитаемый остров» довести не удалось, более того – сосна так и осталась сосной, несмотря на все ухищрения сучкорубов в штатском, но дров таки оказалось наломано предостаточно, и еще больше оказалось испорчено авторской крови и потрепано авторских нервов. И длилась эта изнурительная борьба за окончательную и безукоризненную идеологическую дезинфекцию без малого два годика.

Два фактора сыграли в этом сражении существеннейшую роль.

Во-первых, нам (и роману) чертовски повезло с редакторами – и в Детгизе, и в «Неве». В Детгизе вела роман Нина Матвеевна Беркова, наш старый друг и защитник, редактор опытнейший, прошедший огонь, воду и медные трубы, знающий теорию и практику советской редактуры от «А» до «Я», никогда не впадающий в отчаяние, умеющий отступать и всегда готовый наступать. В «Неве» же нас курировал Самуил Аранович Лурье – тончайший стилист, прирожденный литературовед, умный и ядовитый, как бес, знаток психологии советского идеологического начальства вообще и психологии А.Ф. Попова, главного тогдашнего редактора «Невы», в частности. Если бы не усилия этих двух наших друзей и редакторов, судьба романа могла бы быть иной – он либо не вышел бы вообще, либо оказался изуродован совсем уж до неузнаваемости.

Во-вторых, общий политический фон того времени. Это был 1968 год, «год Чехословакии», когда чешские горбачевы отчаянно пытались доказать советским монстрам возможность и даже необходимость «социализма с человеческим лицом», и временами казалось, что это им удается, что вот-вот сталинисты отступят и уступят, чашки весов непредсказуемо колебались, никто не знал, что будет через месяц – то ли свободы восторжествуют, как в Праге, то ли все окончательно вернется на круги своя – к безжалостному идеологическому оледенению и, может быть, даже к полному торжеству сторонников ГУЛАГа.

…Либеральная интеллигенция дружно фрондировала, все наперебой убеждали друг друга (на кухнях), что Дубчек обязательно победит, ибо подавление идеологического мятежа силой невозможно, не те времена на дворе, не Венгрия это вам 1956-го года, да и жидковаты все эти брежневы-сусловы, нет у них той старой доброй сталинской закалки, пороху у них не хватит, да и армия нынче уж не та… «Та, та у нас нынче армия, – возражали самые умные из нас. – И пороху хватит, успокойтесь. И брежневы-сусловы, будьте уверены, не дрогнут и никаким

дубчекам не уступят НИКОГДА, ибо речь идет о самом их, брежневых, существовании…»

…И мертво молчали те немногие, как правило, недоступные для непосредственного контакта, кто уже в мае знал, что вопрос решен. И уж конечно помалкивали те, кто ничего точно не знал, но чуял, самой шкурой своею чуял: все будет как надо, все будет как положено, все будет как всегда – начальники среднего звена, и в том числе, разумеется, младшее офицерство идеологической армии – главные редактора журналов, кураторы обкомов и горкомов, работники Главлита…

Чашки весов колебались. Никто не хотел принимать окончательных решений, все ждали, куда повернет дышло истории. Ответственные лица старались не читать рукописей вообще, а прочитав, выдвигали к авторам ошеломляющие требования, с тем чтобы после учета этих требований выдвинуть новые, еще более ошеломляющие.

В «Неве» требовали: сократить; выбросить слова типа «родина», «патриот», «отечество»; нельзя, чтобы Мак забыл, как звали Гитлера; уточнить роль Странника; подчеркнуть наличие социального неравенства в Стране Отцов; заменить Комиссию Галактической Безопасности другим термином, с другими инициалами…

В Детгизе (поначалу) требовали: сократить; убрать натурализм в описании войны; уточнить роль Странника; затуманить социальное устройство Страны Отцов; решительно исключить само понятие «Гвардия» (скажем, заменить на «Легион»); решительно заменить само понятие «Неизвестные Отцы»; убрать слова типа «социал-демократы», «коммунисты» и т.д.

Впрочем, как пел в те годы В. Высоцкий, «но это были еще цветочки».

Ягодки ждали нас впереди…

Понять сегодня, почему столь велики были цензурные придирки к ОО, – нетрудно. Ибо почти все в романе вызывает, пользуясь лексикой тогдашних идеологических охранников, «неконтролируемые ассоциации». Начиная с описания бытовых подробностей жизни на Саракше и заканчивая картинками нравов, царящих в тамошних коридорах власти. А поскольку пропагандистский аппарат, занимавшийся воспитанием советского человека, работал примерно теми же методами (разве что без башен), что на Саракше, – чего нельзя было не заметить, – не могла не закрасться мысль: что, если нравы, царящие в Политбюро, немногим отличаются от описанных? А если и

мотивы схожи?

Конечно, тогда – в начале 70-х и даже и в конце их – мы, читатели АБС, в большинстве своем не понимали, насколько внушаемая нам картина окружающего мира отличается от реальной. Ведь короткий период относительного информационного благоприятствования (после заключения соглашения в Хельсинки в 1975-м перестали глушить «Голос Америки» и «Би-Би-Си», хотя продолжали глушить «Немецкую волну» и «Свободу») закончился уже в 1979-м, после вторжения советских войск в Афганистан. И все «вернулось на круги своя» лишь через десять лет…

Ну а пока, в 1969 году, в «Неве» был напечатан знаменитый журнальный вариант ОО.

Комментарий БНС:

Несмотря на всеобщее ужесточение идеологического климата, связанное с чехословацким позорищем; несмотря на священный ужас, охвативший послушно вострепетавших идеологических начальников; несмотря на то что именно в это время созрело и лопнуло сразу несколько статей, бичующих фантастику Стругацких, – несмотря на все это, роман удалось опубликовать, причем ценою небольших, по сути, минимальных потерь. Это была удача. Более того – это была, можно сказать, победа, которая казалась невероятной и которой никто уже не ждал.

В Детгизе вроде бы дело тоже шло на лад. В середине мая АН пишет, что Главлит пропустил «Обитаемый остров» благополучно, без единого замечания. Книга ушла в типографию. Более того, производственный отдел обещал, что хотя книга запланирована на третий квартал, возможно, найдется щель для выпуска ее во втором, то есть в июне-июле.

Однако ни в июне, ни в июле книга не вышла. Зато в начале июня в газете «Советская Литература», славившейся своей острой и даже в каком-то смысле запредельной национально-патриотической направленностью, появилась статья под названием «Листья и корни». Как образец литературы, не имеющей корней, приводился там «Обитаемый остров», журнальный вариант. В этой своей части статья показалась тогда БНу (да и не ему одному) «глупой и бессодержательной», а потому и совсем не опасной. Подумаешь, ругают авторов за то, что у них нуль-передатчики заслонили людей, да за то, что нет в романе настоящих художественных образов, нет «корней действительности и корней народных». Эка невидаль, и не такое приходилось АБС о себе слышать!.. Гораздо больше взволновал их

тогда донос, поступивший в те же дни в ленинградский обком КПСС от некоего правоверного кандидата наук, физика и одновременно полковника. Физик-полковник попросту, с прямотой военного человека и партийца, без всяческих там вуалей и экивоков обвинял авторов опубликованного в «Неве» романа в издевательстве над армией, антипатриотизме и прочей неприкрытой антисоветчине. Предлагалось принять меры.

Невозможно ответить однозначно на вопрос, какая именно соломинка переломила спину верблюду, но 13 июня 1969 года прохождение романа в Детгизе было остановлено указанием свыше и рукопись изъяли из типографии. Начался период Великого Стояния «Обитаемого острова» в его детгизовском варианте.

Не имеет смысла перечислять все слухи, в том числе и самые достоверные, которые возникали тогда, бродили из уст в уста и бесследно исчезали в небытии, не получив сколько-нибудь основательных подтверждений. Скорее всего, правы были те комментаторы событий, которые полагали, что количество скандалов вокруг имени АБС (шесть ругательных статей за полгода в центральной прессе) перешло наконец в качество и где-то кем-то решено было взять строптивцев к ногтю и примерно наказать. Однако же и эта гипотеза, неплохо объясняя дебют и миттельшпиль разыгранной партии, никак не объясняет сравнительно благополучного эндшпиля.

После шести месяцев окоченелого стояния рукопись вдруг снова возникла в поле зрения авторов – прямиком из Главлита, испещренная множественными пометками и в сопровождении инструкций, каковые, как и положено, были немедленно доведены до нашего сведения через посредство редактора. И тогда было трудно, а сегодня и вовсе невозможно судить, какие именно инструкции родились в недрах цензурного комитета, а какие сформулированы были дирекцией издательства. По этому поводу существовали и существуют разные мнения, и тайна эта никогда теперь уже не будет разгадана. Суть же инструкций, предложенных авторам к исполнению, сводилась к тому, что надлежит убрать из романа как можно больше реалий отечественной жизни (в идеале – все без исключения), и прежде всего русские фамилии героев.

В январе 1970 АБС съехались у мамы в Ленинграде и в течение четырех дней проделали титаническую чистку рукописи, которую правильнее было бы назвать, впрочем, не чисткой, а поллюцией, в буквальном смысле этого неаппетитного слова.

Первой жертвой стилистических саморепрессий пал русский человек Максим Ростиславский, ставший отныне, и присно, и во

веки всех будущих веков немцем Максимом Каммерером. Павел Григорьевич (он же Странник) сделался Сикорски, и вообще в романе появился легкий, но отчетливый немецкий акцент: танки превратились в панцервагены, штрафники в блитцтрегеров, «дурак, сопляк!» – в «Dumkopf, Rotznase!» Исчезли из романа: «портянки», «заключенные», «салат с креветками», «табак и одеколон», «ордена», «контрразведка», «леденцы», а также некоторые пословицы и поговорки вроде «бог шельму метит». Исчезла полностью и без следа вставка «Как-то скверно здесь пахнет…», а Неизвестные Отцы Папа, Свекор и Шурин превратились в Огненосных Творцов Канцлера, Графа и Барона.

Невозможно перечислить здесь все поправки и подчистки, невозможно перечислить хотя бы только самые существенные из них. Юрий Флейшман, проделавший воистину невероятную в своей кропотливости работу по сравнению чистовой рукописи романа с детгизовским его изданием, обнаружил 896 разночтений – исправлений, купюр, вставок, замен… Восемьсот девяносто шесть!

Но это уже был если и не конец еще истории, то во всяком случае ее кульминация. Исправленный вариант был передан обратно на площадь Ногина, в Главлит, и не прошло и пяти месяцев, как получилось письмецо от АН (22.05.70):

> «…Пл. Ногина выпустила наконец ОО из своих когтистых лап. Разрешение на публикацию дано. Стало, кстати, понятно, чем объяснялась такая затяжка, но об этом при встрече. Стало известно лишь, что мы – правильные советские ребята, не чета всяким клеветникам и злопыхателям, только вот настрой у нас излишне критически-болезненный, да это ничего, с легкой руководящей рукой на нашем плече мы можем и должны продолжать работать. <…> Подсчитано, что если все пойдет гладко (в производстве), то книга выйдет где-то в сентябре…»

В сентябре книга, положим, не вышла, не вышла она и в ноябре. В январе 1971 года закончилась эта история – поучительная история опубликования развеселой, абсолютно идеологически выдержанной, чисто развлекательной повестушки о комсомольце XXII века, задуманной и написанной своими авторами главным образом для ради денег.

Интересный вопрос: а кто все-таки победил в этом безнадежном сражении писателей с государственной машиной? Авторам, как-никак а все-таки, удалось выпустить в свет свое детище, пусть даже и в сильно изуродованном виде. А вот

удалось ли цензорам и начальникам вообще добиться своего – выкорчевать из романа «вольный дух», аллюзии, «неуправляемые ассоциации» и всяческие подтексты? В какой-то мере – безусловно. Изуродованный текст, без всяких сомнений, много потерял в остроте своей и сатирической направленности, но полностью кастрировать его, как мне кажется, начальству так и не удалось. Роман еще долго и охотно пинали ногами разнообразные доброхоты. И хотя критический пафос их редко поднимался выше обвинений авторов в «неуважении к советской космонавтике» (имелось в виду пренебрежительное отношение Максима к работе в Свободном Поиске), несмотря на это, опасливо-недоброжелательное отношение начальства к «Обитаемому острову», даже и в «исправленной» его модификации, просматривалось вполне явственно. Впрочем, скорее всего, это была просто инерция…

В изданиях 90-х годов первоначальный текст романа в значительной степени восстановлен. Разумеется, невозможно было вернуть «девичье» имя Максиму Каммереру, урожденному Ростиславскому – за прошедшие двадцать лет он (как и «Павел Григорьевич» Сикорски) стал героем нескольких повестей, где фигурирует именно как Каммерер. Тут уж – либо менять везде, либо не менять нигде. Я предпочел – нигде. Некоторые изменения, сделанные авторами под давлением, оказались тем не менее настолько удачными, что их решено было сохранить и в восстановленном тексте – например, странно звучащие «воспитуемые» вместо банальных «заключенных» или «ротмистр Чачу» вместо «капитана Чачу». Но подавляющее большинство из девяти сотен искажений было, конечно, исправлено, и текст приведен к «каноническому виду».

…Я перечитал сейчас все вышеизложенное и ощутил вдруг смутное опасение, что буду неправильно понят современным читателем, читателем конца XX – начала XXI века. У которого могло возникнуть представление, что АБС все это время только тем и занимались, что бегали по редакциям, клянчили их ради бога напечатать, рыдали друг другу в жилетку и, рыдая, уродовали собственные тексты. То есть, разумеется, все это было на самом деле – и бегали, и рыдали, и уродовали, – но это занимало лишь малую часть рабочего времени. Как-никак, именно за эти месяцы написан был наш первый (и последний) фантастический детектив («Отель „У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА“»), начата и закончена повесть «Малыш», начат наш «тайный» роман «Град обреченный» и закончены в черновике три части его, задуман и начат «Пикник на обочине». Так что – рыдания рыданиями, а жизнь и работа шли своим чередом, и

некогда нам было унывать и ломать руки «в смертельной тоске».

«Жук в муравейнике» (1979)

Двадцать лет назад появление ЖвМ сперва разочаровало – а потом обрадовало. Поясню, почему разочаровало: с первых же строк печатавшегося в «Знание – сила» в далеком 1979 году текста, стало ясно: ежели это и давно ожидавшееся продолжение «Обитаемого острова» – то совсем не то, о котором мечталось. Чертовски хотелось узнать, что же происходило на Саракше после геройского подвига Каммерера по разрушению Центра, – а вместо этого АБС предлагают нам какую-то детективную историю, действие которой происходит на два десятка лет позже, и не на Саракше, а на Земле. Да еще изложенную чуть ли не в стиле «Семнадцати мгновений» с их регулярной «информацией к размышлению» и скурупулезно точным описанием времени и места действия – вплоть до минут и секунд…

Впрочем, разочарование было недолгим. И фантастически быстро сменилось другим разочарованием – по поводу того, что номера «Знание – сила» выходят недопустимо редко. Боюсь ошибиться, кажется – раз в две недели. А то и раз в месяц. В результате процесс ожидания очередного выпуска с продолжением превращался в душевную пытку.

Но все же период ожиданий закончился, «Жук» был прочитан и осмыслен – и уверенно причислен к лучшим, наиболее почитаемым и наиболее читаемым произведениям АБС (пардон за невольный каламбур), а потому – поставлен на книжную полку на одно из самых почетных мест. Естественно, в переплетенном журнально-вырезанном виде – отдельное издание появилось нескоро и было по первости почти недоступно.

Как свидетельствует БНС, первые наметки будущего ЖВМ появились в сентябре 1975-го.

Комментарий БНС:

Там есть уже и саркофаг с двенадцатью зародышами, и гипотезы, объясняющие этот саркофаг, и Лев, 20-ти лет, ученик-прогрессор, и Максим Каммерер – начальник контрразведки Опекунского совета, и еще множество обстоятельств, ситуаций и героев, вполне годящихся к употреблению. Сюжета, впрочем, пока нет, и совершенно неясно, каким именно образом должно развиваться действие… А потом планы резко меняются – мы начинаем писать сценарий для Тарковского, – и в работе над новой повестью наступает длительный перерыв.

На протяжении 1976-го мы несколько раз возвращаемся к этой повести, продолжаем придумывать детали и эпизоды, новых

героев, отдельные фразы, но не более того. Сюжет не складывается. Мы никак не найдем тот стержень, на который можно было бы нанизать уже придуманное, как шашлык нанизывают на шампур. Поэтому вместо настоящей работы мы конструируем (причем во всех подробностях) сюжет фантастического детектива, действие которого развивается на некоем острове в океане: масса трагических событий, тайны, загадки, многочисленные умертвия, в финале все действующие лица гибнут до последнего человека – подробнейшее расписание эпизодов, все готово для работы, осталось только сесть и писать, но авторы вместо того (а это уже ноябрь 1976) вдруг принимаются разрабатывать совсем новый сюжет, которого раньше и в замысле не было.

Это история нашего старого приятеля Максима, который со своим дружком голованом Щекном идет по мертвому городу несчастной планеты Надежда. В феврале 1977-го мы начинаем и единым духом (в один присест) заканчиваем черновик повести о Максиме и Щекне и тут же обнаруживаем, что у нас получилось нечто странное – нечто без начала и конца и даже без названия. Исполненные недоумения и недовольства собою, мы откладываем в сторону эту нежданную и нежеланную рукопись и возвращаемся к работе над сценариями.

(Забавно: тогда нам казалось, что мы ловко придумали «бешенство генных структур на Надежде», странную и страшную болезнь, когда ребенок за три года превращается в старика, – нам казалось это эффектной и оригинальной выдумкой. И только много лет спустя узнали мы о хорошо известном современной науке эффекте преждевременной старости – прогерии – и том, что сконструированные нами фантастические явления описаны еще в начале XX века под названием синдром Вернера. Воистину ничего нельзя придумать, все, что тобою придумано, либо существовало уже когда-то, либо будет существовать, либо существует сегодня, сейчас, но тебе неизвестно…)

Только в ноябре 1978 года возвращаемся мы к первому варианту – и, что характерно, сразу же начинаем писать черновик – видимо, количество перешло у нас наконец в качество, нам сделалось ясно, как строится сюжет (погоня за неуловимым Львом Абалкиным) и куда пристроить уже написанный кусок со Щекном на планете Надежда…

Понятно, что сюжет ЖВМ – это сюжет классического детектива. Детектива, у которого лишь в конце (как и полагается) все расставляется по своим местам, все предшествующие странности увязываются в жесткую и безукоризненно логичную

цепочку, у которого по ходу повествования (и даже по его окончании) читатель должен самостоятельно конструировать те или иные варианты ответов на возникающие вопросы. У которого, наконец, трагический финал – хотя впоследствии разными комментаторами не раз подчеркивалось: нет никаких доказательств того, что руководитель КОМКОНа-2 Рудольф Сикорски, он же Странник, он же Экселенц, убил Льва Абалкина, он же Гурон, шифровальщик штаба группы флотов «Ц» Островной Империи. Стрелял – да, но убил ли? Неизвестно. Ведь в Абалкина попали лишь три пули из пистолета «герцог» двадцать шестого калибра. С одной стороны – «восьмизарядной верной смерти», как назовет это оружие начальник отдела КОМКОНа-2 Максим Каммерер, он же Мак Сим. С другой стороны, когда в самого Максима на Саракше попало семь пуль – он пережил это без необратимых последствий для здоровья…

О вопросах, которые щедро разбросаны по тексту ЖВМ и остаются неразгаданными до конца повести, – отдельно. В начале 90-х годов БНС свел их в некую систему из одиннадцати пунктов, и после этого около года они активно обсуждались группой «Людены». Ответы были найдены – по крайней мере, БНС заявил, что вполне удовлетворен работой, проделанной люденами. Правда, отметил: людены еще не подошли к главному, фундаментальному вопросу повести. На который, впрочем, они рано или поздно наткнутся…

О «списке одиннадцати вопросов» поговорим чуть ниже, а пока – о главном вопросе. Том самом, фундаментальном.

Поскольку мнение самого БНС так и неизвестно (по крайней мере, мне) – придется додумывать за мэтра. И, пожалуй, единственное, что приходит в голову мне, – то, что этот Главный вопрос звучит так: что делать, столкнувшись с «прогрессорством» чужих на Земле? Как вести себя, если есть хоть малейшее опасение, что перед нами – не жук в муравейнике, а хорек в курятнике?

Рудольф Сикорски на страницах ЖВМ отвечает на этот вопрос – нет нужды полностью приводить нужные цитаты. И логика его безупречна – логика руководителя КОМКОНа-2, организации, отвечающей за безопасность земной цивилизации в целом. «Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флуктуациях – мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах…»

Но в своих делах Экселенц как минимум непоследователен.

Исходя из этой логики, саркофаг с «зародышами» следовало бы уничтожить непосредственно после обнаружения группой Следопытов Бориса Фокина. Потому что «серой» завоняло сразу. Разве из «саркофага» с человеческими зародышами, заложенного «неведомыми чудовищами» (так впоследствии сами авторы ЖВМ квалифицируют конструкторов саркофага, видимо – не будучи уверены, что это Странники), мог доноситься какой-то иной запах? Сера, конечно, со временем выветривается, но это – обычная сера. А тут речь явно шла о сере необычной… Но даже если отбросить незамедлительное уничтожение «саркофага» как слишком поспешное действие, – что мешало Экселенцу позднее, когда серой стало вонять все явственнее и явственнее, принять меры – а не отстраненно наблюдать за развитием событий? Оно конечно, в ЖВМ описывается некий «тупик», в который уперлись на Тагоре, где, найдя аналог саркофага, тут же его уничтожили, и делается вывод о том, что этот «тупик» мог оказаться следствием данных необратимых действий. Но «после того» вовсе не значит «вследствие того» – Экселенцу ли этого не знать?

На самом деле ответ на вопрос «что делать» вовсе не прост. То, что «саркофаг» – творение чужой цивилизации, – очевидно. То, что эта чужая цивилизация программировала создание простых наблюдателей в будущем Земли, – крайне маловероятно. Значит, программировались разведчики. Квартирьеры. Специалисты по активному воздействию. Какое именно воздействие программировалось – можно гадать, но нужно ли? Ведь логика конструкторов «саркофага» в любом случае иная, чем у землян. Значит, единственный выход – не допустить развития чужого Эксперимента до, возможно, необратимой стадии. Когда не поможет даже промышленное производство святой воды…

Есть, однако, и противоположные соображения – вытекающие из того же исходного посыла о чужих «прогрессорах». Ну, уничтожим «саркофаг», а что дальше? С одной стороны, если Странники хотят вреда землянам (или хотят «творить добро как они его понимают», что еще хуже) и при этом они не полные идиоты – вряд ли они не предусмотрели бы такой вариант. И не позаботились бы о «подстраховке». С другой стороны, что это за «прогрессоры» и чуть ли будущие диверсанты, судьба которых их создателями изначально поставлена в полную зависимость от землян – без их помощи они даже на свет появиться не могут. Так ли «программируют» тех, кто должен работать против Земли?

Знаменитый финал ЖВМ, кажется, свидетельствует в пользу первой системы аргументов. Но, может быть, это только кажется? Тем более что в «Волны гасят ветер» Леонид Горбовский (в знаменитой беседе в Краславе, лакуны в записи которой

впоследствии должен заполнить Тойво Глумов) высказывается однозначно: если Странники – сверхцивилизация, то неужели они не могли бы провести любую «спецоперацию» против Земли так, чтобы земляне этого даже не заметили?

Комментарий БНС:

Черновик мы закончили 7 марта 1979 года, решительно преодолев два возникших к концу этой работы препятствия. Во-первых, мы довольно долго не могли выбрать финал. Вариант гибели Льва Абалкина был трагичен, эффектен, но достаточно очевиден и даже банален. Вариант, когда Максиму удается-таки спасти Абалкина от смерти, имел свои достоинства, но и свои недостатки тоже, и мы колебались, не в силах сделать окончательный выбор, все время, по ходу работы, перестраивая сюжет таким образом, чтобы можно было в любой момент использовать ту или иную концовку. Когда все возможности маневрирования оказались исчерпаны, мы вспомнили Ильфа и Петрова. Были заготовлены два клочка бумаги, на одном написано было, как сейчас помню, «живой», на другом – «нет». Клочки брошены были в шапку АН, и мама наша твердой рукою извлекла «нет». Судьба концовки и Льва Абалкина оказалась решена.

(Дьявольские, однако, шутки играет с нами наша память. Предыдущий абзац я написал, будучи АБСОЛЮТНО уверен, что так оно все и было. И вот месяц спустя, просматривая рабочий дневник, я обнаружил вдруг запись, датированную 29.10.1975, из коей следует, что жребий – да, имел место, но решал он отнюдь не вопрос, будет ли концовка трагической – «со стрельбой» – или мирной. Совсем другую он проблему разрешал: как скоро Лев Абалкин узнает всю правду о себе. Рассматривалось три варианта:

> «1. Лев ничего не знает и ничего не узнает.
> 2. Лев ничего не знает, затем постепенно узнает.
> 3. Лев знает с самого начала.
> Мама выбрала (3) со стрельбой».

Вот тебе и на! Но ведь на самом-то деле АБС фактически писали вариант (2)! Правда, «со стрельбой». И на том спасибо. Ведь даже и месяц спустя в дневнике мы пишем: «М.б., кончить не смертью, а подготовкой к ней? Странник провожает его взглядом». Не-ет, всегда, с незапамятных времен, сомневался я как в достоверности истории вообще, так любых мемуаров в частности – и правильно, надо думать, сомневался… Оставляю, впрочем, предыдущий абзац без каких-либо изменений. Пусть вдумчивый читатель получит в свое распоряжение образец

мемуарного «прокола», характерного именно для данных комментариев. Может быть, это поможет ему оценить меру достоверности всего текста в целом.)

Теперь о другом препятствии, гораздо более серьезном. Мы прекрасно понимали, что у нас получается нечто вроде детектива – история расследования, поиска и поимки. Однако детектив обладает своими законами существования, в частности, в детективе не должны оставаться какие-либо необъясненности, и никакие сюжетные нити не имеют права провисать или быть оборваны. У нас же таких оборванных нитей оказалось полным-полно, их надобно было специальным образом связывать, а нам этого не хотелось делать самым решительным образом. Застарелая нелюбовь АБС к каким-либо объяснениям и растолкованиям текста вспыхнула по окончании повести с особенной силой.

1. Что произошло между Тристаном и Абалкиным там, на Саракше?

2. Как (и зачем) Абалкин оказался в Осинушке?

3. Зачем ему понадобилось общаться с доктором Гоаннеком ?

4. Зачем ему понадобилось общаться с Майкой?

5. Что ему нужно было от Учителя?

6. Зачем звонил он журналисту Каммереру?

7. Зачем ему понадобился Щекн?

8. Как удалось ему выйти на доктора Бромберга?

9. Зачем в конце повести он идет в Музей Внеземных культур?

10. Что, собственно, произошло там, в Музее?

11. И наконец, самый фундаментальный вопрос: почему он, Абалкин (если он, конечно, не есть в самом деле автомат Странников, а по замыслу авторов он, конечно, никакой не автомат, а несчастный человек с изуродованной судьбой), почему не пошел он с самого начала к своим начальникам и не выяснил по-доброму, по-хорошему всех обстоятельств своего дела? Зачем понадобилось ему метаться по планете, выскакивать из-за угла, снова исчезать и снова внезапно появляться в самых неожиданных местах и перед самыми неожиданными людьми?

Во всяком добропорядочном детективе все эти вопросы, разумеется, должно было бы подробно и тщательно разложить по полочкам и полностью разъяснить. Но мы-то писали не детектив. Мы писали трагическую историю о том, что даже в самом светлом, самом добром и самом справедливом мире появление тайной полиции (любого вида, типа, жанра) неизбежно приводит к тому, что страдают и умирают ни в чем не повинные люди, – какими благородными ни были бы цели этой тайной полиции и

какими бы честными, порядочнейшими и благородными сотрудниками ни была эта полиция укомплектована. И в рамках таким вот образом поставленной литературной задачи заниматься объяснениями необъясненных сюжетных второстепенностей авторам было и тошно, и нудно.

Сначала мы планировали написать специальный эпилог, где и будут поставлены все точки над нужными буквами, все будет объяснено, растолковано, разжевано и в рот читателю положено. Сохранился листочек с одиннадцатью сакраментальными вопросами и с припиской внизу: «30 апреля 1979 г. Вопрос об эпилоге – посмотрим, что скажут квалифицированные люди». На самом деле, я полагаю, вопрос об эпилоге был нами решен уже тогда, вне всякой зависимости от мнения «квалифицированных людей». Мы уже понимали, что написана повесть правильно: все события даны с точки зрения героя – Максима Каммерера – так, что в каждый момент времени читателю известно ровно столько же, сколько и герою, и все решения он, читатель, должен принимать вместе с героем и на основании доступной ему (отнюдь не полной) информации. Эпилог при такой постановке литературной задачи становился абсолютно не нужен. Тем более что, как показал опыт, «квалифицированные люди» оборванных нитей либо не замечали вовсе, либо, заметив, каждый по-своему, но отнюдь не без успеха связывали их сами.

На самом деле ответы на большинство из вопросов рассыпаны в неявном виде по всему тексту повествования, и внимательный читатель без особенного труда способен получить их вполне самостоятельно. Например, любому читателю вполне доступно догадаться, что в Осинушке Абалкин оказался совершенно случайно (уходя от слежки, которая чудилась ему в каждом встречном и поперечном), а к доктору Гоаннеку он обратился в надежде, что опытный врач-профессионал без труда отличит человека от робота-андроида.

Использовать эти мои комментарии для объяснений необъясненного означало бы фактически дописать тот самый эпилог повести, от которого авторы в свое время отказались. Потому я и не стану ничего здесь объяснять, оставив повесть в первозданном ее виде в полном соответствии с исходным замыслом авторов.

Ответы на все указанные вопросы (в трактовке группы «Людены») вряд ли надо приводить в этой книге – скорее всего, они интересуют лишь о-очень узкий круг фанатичных поклонников, и не просто поклонников, но и исследователей творчества АБС. Но один ответ все же приведем – хотя и он

предназначен для тех читателей, которые достаточно плотно «включены» в Миры Братьев Стругацких и которым не надо напоминать суть дела и объяснять, скажем, кто такой Тристан…

Итак, что на самом деле произошло с Тристаном? БНС по поводу этого вопроса замечает:

> «Принципиально особенным является первый вопрос. Чтобы ответить на него, недостаточно внимательно читать текст – надо ПРИДУМАТЬ некую ситуацию, которая авторам, разумеется, известна во всех деталях, но в повести присутствует лишь как некое древо последствий очевидного факта:
>
> Абалкину откуда-то (ясно откуда – от Тристана) и каким-то образом (каким? в этом и состоит загадка) удается узнать, что ему почему-то запрещено пребывание на Земле и запрет этот каким-то образом связан с КОМКОНом-2 (отсюда – бегство Абалкина с Саракша, неожиданный и невозможный звонок его Экселенцу, вообще все странности его поведения). Разумеется, я мог бы здесь изложить суть этой исходной сюжетообразующей ситуации, но мне решительно не хочется этого делать. Ведь ни Максим, ни Экселенц ничего не знают о том, что произошло между Тристаном и Абалкиным на Саракше. Они вынуждены только строить гипотезы, более или менее правдоподобные, и действовать, исходя из этих своих гипотез. Именно процедура поиска и принятия решений как раз и составляет самую суть повести, и мне хотелось бы, чтобы читатель строил СВОИ гипотезы и принимал СВОИ решения одновременно и параллельно с героями – на основании той и только той информации, которой они обладают. Ведь знай Экселенц, что на самом деле произошло с Тристаном на Саракше, он воспринимал бы поведение Абалкина совершенно иначе, и у повести нашей было бы совсем другое течение и совершенно другой, далеко не столь трагичный конец».

В трактовке «Люденов» ответ (вкратце) выглядит так. На месте, где предполагалась его встреча с Абалкиным, Тристан был захвачен контрразведчиками Островной Империи, заподозрен в шпионаже и подвергнут пыткам. В результате этих пыток, возможно с применением химических препаратов, он мог начать бредить, причем на родном немецком языке. Появившийся на месте встречи Абалкин-Гурон не мог не быть привлечен для дешифровки этого бреда. В результате чего вполне мог узнать,

что ему, во-первых, категорически запрещено возвращаться на Землю, во-вторых – что по некоему номеру спецканала, известному только Тристану и Экселенцу, можно что-то выяснить. Само собой, переводить все это контрразведчикам Империи Абалкин не стал, но воспользовался первым же поводом для того, чтобы покинуть Островную Империю и принять меры для прояснения ситуации.

Если же говорить о последнем, одиннадцатом, вопросе (именуемом АБС фундаментальным) – почему Абалкин, попросту говоря, не пошел жаловаться по начальству, а вместо этого начал метаться по планете и совершать необъяснимые и необратимые поступки – ответ на него несложен. Абалкин – «прогрессор» и свои проблемы привык решать типично «прогрессорским» методом. То есть в одиночку и так, чтобы сразу отделить своих от чужих. Что есть, согласно Стругацким, одно из главнейших качеств Прогрессора – умение безошибочно отделять своих от чужих. Кроме этого, Абалкин очень хорошо знает, каково его родное начальство и к чему привели, например, его многочисленные жалобы в прежние годы – когда он хотел работать по призванию, а его безжалостно отпихивали в нужную начальству сторону. То есть подальше от Земли.

Комментарий БНС:

Чистовик мы добили окончательно в конце апреля 1979 года и тогда же – но никак не раньше! – приняли новое название «Жук в муравейнике» вместо старого «Стояли звери около двери». От исходного замысла остался только эпиграф. За него, помнится, нам пришлось сражаться буквально не на жизнь, а на смерть с окончательно сдуревшим идиотом-редактором из Лениздата, которому втемяшилось в голову, что стишок этот авторы на самом деле придумали, переиначив (зачем?!) какую-то богом забытую маршевую песню гитлерюгенда (!!!). Причем эту – истинную – причину редакторской активности мне сообщил по секрету «наш человек в Лениздате», а в открытую речь шла только о нежелательных аллюзиях, акцентах и ассоциациях, каким-то таинственным образом связанных со злосчастным «стишком маленького мальчика».

Из письма БН от 9.09.82: «…В общем, битых полтора часа мы с Брандисом (который также был вызван, как составитель и автор предисловия) доказывали этому дубине, что нет там никаких аллюзий и что не ночевали там ни акценты, ни ассоциации, ни прочие иностранцы, а есть там, напротив, только Одержание и Слияние… Скажи мне: почему они всегда одерживают над нами победы? Я полагаю, потому, что им платят за то, чтобы они

напирали, а нам за то, чтобы мы уступали…»

Отстоять эпиграф так и не удалось. С трудом удалось оставить в тексте сам стишок, основательно его, впрочем, изуродовав. (Никогда в жизни не согласились бы мы на такое издевательство, но повесть шла в сборнике вместе с произведениями других авторов, и получалось так, что из-за нашего «капризного упрямства» страдают ни в чем не повинные собратья-писатели).

Но, несмотря на мелкие огрехи, цензурные придирки и прочие «радости жизни», ЖВМ занял свое прочное место в Мире Полудня. И одновременно стал связующим мостиком от «Обитаемого острова» к «Волны гасят ветер». Где авторы завершили трилогию о Максиме Каммерере – правда, на довольно грустной ноте. Как напишет БНС, «повесть „Волны…“ оказалась итоговой. Все герои наши безнадежно состарились, все проблемы, некогда поставленные, нашли свое решение (либо – оказались неразрешимыми), мы даже объяснили (вдумчивому) читателю, кто такие Странники и откуда они берутся во Вселенной, ибо людены наши – это Странники и есть, точнее, та раса Странников, которую породила именно цивилизация Земли, цивилизация Homo sapiens (как называется в Большой науке вид, к которому все мы имеем честь принадлежать)…»

«Хромая судьба» (1967–1982)

«Хромая судьба» – второй, после «Града обреченного», и он же – последний роман АБС, который они, по собственному признанию, совершенно сознательно писали «в стол», понимая, что у него нет никакой издательской перспективы. Действительно, довольно трудно представить себе издание ХС (естественно, вместе с «Гадкими лебедями») году эдак в 1983-м. В самый (как казалось тогда) разгар застоя, когда страной правил недавний председатель КГБ, а Политбюро ЦК КПСС в целях увековечения памяти Л.И. Брежнева постанавливало, как шутили тогда, присвоить его имя Ю.В. Андропову. Когда в магазинах проводили облавы на предмет обнаружения улизнувших с работы граждан, когда сбивали южнокорейский «Боинг», когда Сахаров уже сидел в горьковской ссылке и когда вовсю пылал пожар «освободительной» войны в Афганистане.

Время было мерзейшее – как сейчас помню. Все мы пребывали в полной уверенности, что кремлевские старцы будут и далее сменять друг друга на троне и надо только внимательно следить – кто будет возглавлять комиссию по организации похорон очередного вождя (это, как известно, было вернейшей приметой – точнее, Знаком, безошибочно указывавшим на очередного Генерального секретаря). Было понятно, что после Андропова грядет либо Черненко, либо Гришин, а вот Романову, видимо, придется подождать – непозволительно молод. Но настанет и его черед (о чем мы, жившие в Ленинграде под его мудрым руководством, размышляли со скрежетом зубовным)…

И в это время – «Хромая судьба»? Помилуйте, о чем речь? С ее-то откровенными издевательствами над социалистическим реализмом и структурами, оный соцреализм производящими? С беспощадно точным описанием творческих мук писателя, пытающегося «встроиться» в застойную эпоху и ей хотя бы формально соответствовать, держа при этом (как многие из нас, впрочем) фигу в кармане? С упоминанием, наконец, того, что писатель вообще может писать «в стол», иметь дома в ящике стола что-либо тайное, заветное, сокровенное, но не предназначенное для открытой советской печати? А как же провозглашенная на весь мир свобода творчества? Сразу, правда, вспоминается известное: «А правда ли, что советские писатели пишут по указке партии? – Нет, неправда! Они пишут по указке сердца! А сердца преданы партии…»

Комментарий БНС:

История написания этого романа необычна и достаточно сложна, так что приступая сейчас к ее изложению, я испытываю определенные трудности, не зная, с чего лучше начать и в какой последовательности излагать события.

Во-первых – название. Оно было придумано давно и предназначалось для совсем другой повести – «о человеке, которого было опасно обижать». Эту повесть мы обдумывали на протяжении многих лет, то приближаясь к ней вплотную, то отдаляясь, казалось бы, насовсем, и в конце концов АН написал ее сам, в одиночку, под псевдонимом С. Ярославцев и под названием «Дьявол среди людей». Первоначальное же ее название – «Хромая судьба» – мы отдали роману о советском писателе Феликсе Сорокине и об унылых его приключениях в мире реалий развитого социализма.

Роман этот возник из довольно частного замысла: в некоем институте вовсю идет разработка фантастического прибора под названием Menzura Zoili, способного измерить ОБЪЕКТИВНУЮ ценность художественного произведения. Сам этот термин мы взяли из малоизвестного рассказа Акутагавы, и означает он в переводе что-то вроде «Измеритель Зоила», где Зоил – это древнегреческий философ, прославившийся в веках особенно злобной критикой Гомера, так что имя его стало нарицательным для обозначения ядовитого, беспощадного и недоброжелательного критика вообще. Первое в нашем рабочем дневнике упоминание о произведении с таким названием относится аж к ноябрю 1971-го года! Но тогда задумывалась пьеса, а не роман.

Самые же первые подробные обсуждения именно романа состоялись, судя по дневнику же, только в ноябре 1980-го, потом снова возник перерыв длиной почти в год, до октября 1981-го, и только в январе 82-го начинается обстоятельная работа над черновиком. К этому моменту все узловые ситуации и эпизоды были определены, сюжет готов полностью и окончательно сформулировалась литературная задача: написать булгаковского «Мастера-80», а точнее, не Мастера, конечно, а бесконечно талантливого и замечательно несчастного литератора Максудова из «Театрального романа» – как бы он смотрелся, мучился и творил на фоне неторопливо разворачивающихся «застойных» наших «восьмидесятых». Прообразом Ф. Сорокина взят был АН с его личной биографией и даже, в значительной степени, судьбой, а условное название романа в этот момент было – «Торговцы псиной» (из все того же рассказа Акутагавы: «С тех пор как изобрели эту штуку, всем этим писателям и художникам, которые торгуют собачьим мясом, а называют его бараниной, всем им –

крышка…»).

Обработка черновика закончена была в октябре 1982 г., и тогда же совершилось переименование романа в «Хромую судьбу», и эпиграф был найден – мучительно грустная и точная хокку старинного японского поэта Райдзана об осени нашей жизни. (Мало кто это замечает, а ведь «Хромая судьба» – это прежде всего роман о беспощадно надвигающейся старости, от которой нет нам ни радости, ни спасения, – «признание в старости», если угодно…)

Но вовсе не сами, как выражаются авторы, «унылые приключения» Феликса Сорокина в мире реалий развитого социализма представляют наивысший интерес в ХС. Хотя с годами я и перечитываю эту часть «Хромой судьбы» с не меньшим удовольствием, чем в первый раз. И время от времени обнаруживаю что-то любопытное и даже неожиданное. Скажем, совсем недавно, зайдя в магазин, увидел вдруг на полке с восточными сладостями… «Ойло Союзное»! На вид – что-то среднее между пастилой и халвой. И тут же вспомнил одного из героев ХС, носившего именно такое прозвище. А в прошлом году из ответов БНС на вопросы по Интернету узнал, что в Канске Красноярского края АНС прослужил довольно долгое время в качестве преподавателя в школе военных переводчиков. И изображенные в ХС сцены сожжения императорской библиотеки – это описание реальных событий…

Однако куда любопытнее другая часть ХС – посвященная другому писателю, Виктору Баневу. Тоже живущему в тоталитарной стране, – которую, впрочем, по причине ее явной «зарубежности» можно было таковой если не называть, то по крайней мере изображать. И видящим перед собой, в общем, похожие проблемы. Короче говоря, «встроенная» в ХС повесть «Гадкие лебеди».

О ГЛ в 70-х годах ходили легенды – повесть, написанная в конце 60-х годов, была известна только в самиздатовском варианте. Иногда – в опубликованной в «Посеве» версии, тайком привезенной кем-либо из-за рубежа под угрозой ответственности за «антисоветскую агитацию». Правда, как говорят авторы, «органы» не слишком рьяно за ней охотились – поскольку «Гадкие лебеди» проходили по разряду «упаднических», а не антисоветских. Но сам факт публикации в «антисоветском» издательстве «Посев» не мог рассматриваться иначе, как нечто недопустимое. Да и содержание повести было, мягко говоря, невосторженным. За такой образ мыслей при дворе епископа и боевого магистра раба божьего Рэбы давали как минимум пять

розог без целованья…

Достаточно вспомнить ТАКОЕ, сразу и надолго запомнившееся:

> «Продаваться надо легко и дорого. Чем талантливее твое перо, тем дороже оно должно обходиться власть имущим».

Или:

> «Скажите, вы сперва пишете, а уже потом вставляете национальное самосознание?»

И ответ Банева: мол, читаю речи нашего президента, потом включаю телевизор и слушаю речи президента, включаю радио и слушаю речи президента… и когда начинает рвать – тогда берусь за дело…

А чего стоит эпизод, когда будущий писатель Банев во время военного парада позволяет себе неслыханное вольнодумство – демонстративно вытереть платком с лица брызги президентской слюны? Считая впоследствии это самым храбрым поступком в жизни – не считая случая, когда он один дрался с тремя танками сразу. Кстати, по первоначальному замыслу, как говорит БНС, Банев должен был быть капитаном пограничных войск…

> «Именно то, что наиболее естественно, менее всего подобает человеку»…
>
> «Настоящая жизнь есть способ существования, позволяющий наносить ответные удары»…
>
> «Будущее не собиралось никого карать. Будущее никого не собиралось миловать. Оно просто шло своей дорогой»…

И наконец – лучший, наверное, из афоризмов братьев Стругацких:

> «Будущее создается тобой, но не для тебя».

Собственно, от фантастики в ХС – только один сюжет (пусть и главный в повести). Это – сюжет с «мокрецами», Человеками Будущего (выражение БНС), воспитывающими необыкновенных детей по научной методике Будущего, во имя Будущего и для нужд Будущего. Работающих при этом, как сказали бы сейчас, «под колпаком» спецслужб – надеясь тем самым пройти по лезвию бритвы: и угодить господину генералу Пферду и его сослуживцам, – и получить возможность продолжать свой

Эксперимент. Но, естественно, навлекая тем самым на себя «праведный гнев» окружающих…

Финал этого «прорыва будущего в настоящее» хорошо известен – правда, менее известно, что заключительный эпизод «Гадких лебедей» был дописан авторами почти в «последний день творенья». Как говорит БНС, от первого варианта текста веяло такой «безнадежностью и отчаянием», что авторы попытались «разбавить» это, дописав последнюю главу, где Будущее, выметя все поганое и нечистое из настоящего, является читателю в виде этакого Homo Novus, всемогущего и милосердного одновременно. В первом же варианте повесть кончалась сценой в ресторане и словами Голема:

«… бедный прекрасный утенок».

В новом же варианте новые Всадники Апокалипсиса – Бол-Кунац, Ирма и другие – остаются победителями. Правда, финал, как это часто бывает у Стругацких, – открытый. Ибо что будет дальше – Там, За Горизонтом, – неведомо.

Комментарий БНС:

Журнальный вариант ХС появился только в 1986 году, в ленинградской «Неве», – это было (для нас) первое чудо разгорающейся Перестройки, знак Больших Перемен и примета Нового времени. И именно тогда впервые встала перед нами проблема совершенно особенного свойства, казалось бы, вполне частная, но в то же время настоятельно требующая однозначного и конкретного решения.

Речь шла о Синей Папке Феликса Сорокина, о заветном его труде, любимом детище, тщательно спрятанном от всех и, может быть, навсегда. Работая над романом, мы, для собственной ориентировки, подразумевали под содержимым Синей Папки наш «Град обреченный», о чем свидетельствовали соответствующие цитаты и разрозненные обрывки размышлений Сорокина по поводу своей тайной рукописи. Конечно, мы понимали при этом, что для создания у читателя по-настоящему полного впечатления о второй жизни нашего героя – его подлинной, в известном смысле, жизни – этих коротких отсылок к несуществующему (по понятиям читателя) роману явно недостаточно, что в идеале надобно было бы написать специальное произведение, наподобие «пилатовской» части «Мастера и Маргариты», или хотя бы две-три главы такого произведения, чтобы вставить их в наш роман… Но подходящего сюжета не было, и никакого материала не было даже на пару глав, так что мы сначала решились скрепя сердце пожертвовать для святого дела двумя первыми главами «Града

обреченного» – вставить их в «Хромую судьбу», и пусть они там фигурируют как содержимое Синей папки. Но это означало украсить один роман (пусть даже и хороший) ценой разрушения другого романа, который мы нежно любили и бережно хранили для будущего (пусть даже недосягаемо далекого). Можно было бы вставить «Град обреченный» в «Хромую судьбу» ЦЕЛИКОМ, это решало бы все проблемы, но в то же время означало бы искажение всех и всяческих разумных пропорций получаемого текста, ибо в этом случае вставной роман оказывался бы в три раза толще основного, что выглядело бы по меньшей мере нелепо.

И тогда мы вспомнили о старой нашей повести – «Гадкие лебеди».

Писались «Гадкие лебеди» для сборника наших повестей в «Молодой Гвардии». Этот сборник («Второе нашествие марсиан» плюс «Гадкие лебеди») был даже объявлен в плане 1968-го, кажется, года, но вышел он в другом составе: вместо «Лебедей» поставлены там были «Стажеры». «Лебеди» – не прошли.

Второй и последний вариант «Гадких лебедей» был закончен в сентябре 1967 года и окончательно отклонен «Молодой Гвардией» в октябре. Больше никто ее брать не захотел. Повесть перешла на нелегальное положение.

1.10.68 – БН: «…Люди, приехавшие из Одессы, рассказывают, что там продается с рук машинопись ГЛ – 5 руб. штука. Ума не приложу, каким образом это произошло. Я давал только проверенным людям».

БН сильно подозревал в потере бдительности и в распространении АНа, АН – БНа. Но дело было в другом: рукопись шла в нелегальную распечатку прямо в редакциях, куда попадала вполне официально и откуда, растиражированная, уходила «в народ». Авторы не сразу поняли, что происходит, но и поняв, отнюдь не смутились и продолжали давать рукопись все в новые и новые редакции – у нас это называлось «стрелять по площадям», на авось, вдруг где-нибудь, как-нибудь, божьим попущением и проскочит.

Не проскочило. Сейчас уже невозможно вспомнить, в каких именно журналах побывала рукопись. Сохранились отдельные об этом упоминания в письмах и в дневниках. Но рукопись легла на полку. Теперь уже прочно. Надолго. Авторы временно перестали трепыхаться и совать ее туда-сюда. Они еще не знали тогда, а судьба этой их повести уже была решена, и на много лет вперед. В ноябре 1972 г. АН передал БНу с оказией письмо, содержащее отчет о своей встрече с пресловутым, ранее уже упоминавшимся в связи со «Сказкой о Тройке», товарищем Ильиным (бывшим генералом КГБ, а в те времена – секретарем Московской

писательской организации по организационным вопросам).

24.11.72 – АН: «…В понедельник 13-го я был у Ильина. Перед этим (вот совпадение!) я отнес в „Мир“ рецензию, и тут Девис, криво ухмыляясь и глядя в угол, рассказал: во Франкфурте-на-Майне имела состояться выставка книгопродукции издательств ФРГ, всяких там ферлагов. От нас выставку посетили Мелентьев (ныне зам. председателя ГК по печати) и руководство „Мира“ и „Прогресса“.

Добрались до стенда издательства «Посев». Выставлено пять книг: Исаич «1914», двухтомник Окуджавы, реквизированный Гроссман, «Семь дней творения» В. Максимова и Мы с Тобой – ГЛ. Поверх всего этого – увеличенные фотопортреты авторов вышеперечисленных и якобы надпись: «Эти русские писатели не примирились с существующим режимом». <…> Ну, прямо от Девиса пошел я, судьбою палимый, к Ильину. Думаю, быть мне обосрану, а нам – битыми. АН нет. Встретил хорошо, даже за талию, по-моему, обнял, не за стол – в интимные угловые креслица усадил и принялся сетовать на врагов, которые нас так спровоцировали. Ласков был до чрезвычайности. Коротко, все сводится к тому, что нам надобно кратко и энергично, с политическим акцентом отмежеваться. Эту бумагу должен составить ты, перешлешь ее мне (это не опасно, сам понимаешь), а я уж понесу ее Ильину и буду тянуть…»

(Странно читать это сегодня, правда? Письмо из другого времени и с другой планеты… Дабы усилить это ощущение, не могу удержаться, чтобы не процитировать из того же письма кусочек, прямого отношения к литературе не имеющий: «…Как стало достоверно известно, Петр Якир, просидев на площади около месяца, вдруг затребовал свидания с дочерью и, оное получив, велел передать ей, что в корне изменил свои убеждения и просит всех прежних своих сторонников своим сторонником его, Петра Якира, не считать. После этого он принялся закладывать ВСЕХ. Повторяю: ВСЕХ. <…> Прошу тебя иметь это в виду и, если есть у тебя основания, сделать выводы…»)

Разумеется, БН немедленно набросал и переслал в Москву текст решительного отмежевания от «акции, произведенной без ведома и согласия авторов, явно преследующей провокационные политические цели и являющей собою образец самого откровенного литературного гангстеризма». Или что-то в этом же роде, не помню точно, в каком именно виде это оказалось опубликовано в «Литературной газете», а в архиве сохранился только самый первый черновик.

На этой истерически высокой ноте эпопея «Гадких лебедей» обрела свой заслуженный конец. Отныне (и присно, и во веки

веков) ни о какой публикации названной вещи не могло быть и речи. Она теперь уж окончательно оказалась занесена в черные списки и сделалась «табу» для любого издательства в СССР, а равно и в странах социализма.

Согласитесь, повесть с такой биографией вполне годилась на роль содержимого Синей папки. «Гадкие лебеди» входили в текст «Хромой судьбы» естественно и ловко, словно патрон в обойму. Это тоже была история о писателе в тоталитарной стране. Эта история также была в меру фантастична и в то же время совершенно реалистична. И речь в ней шла, по сути, о тех же вопросах и проблемах, которые мучили Феликса Сорокина. Она была в точности такой, какой и должен был написать ее человек и писатель по имени Феликс Сорокин, герой романа «Хромая судьба». Собственно, в каком-то смысле он ее и написал на самом деле.

Предложенный ленинградской «Неве» вариант «Хромой судьбы» уже содержал в себе «Гадких лебедей». Впрочем, из этой первой попытки ничего путного не получилось. Я, разумеется, рассказал (обязан был рассказать!) историю «Лебедей» главному редактору журнала, и тот пообещал выяснить ситуацию в обкоме (1986 год, самое начало, перестройка еще пока только чадит и дымит, никто ничего не знает, ни внизу, ни на самом верху, все возможно – в том числе и мгновенный поворот на сто восемьдесят градусов). Видимо, «добро» получить ему не удалось, «Хромая судьба» вышла без Синей папки, да еще вдобавок основательно покуроченная в тупых шестернях бушующей вовсю антиалкогольной кампании имени товарища Лигачева.

Но уже в 1987-м журнал «Даугава» рискнул напечатать «Лебедей» (пусть даже и под ублюдочным названием «Время дождя»), и ничего ужасного из этого не проистекло – небеса не обрушились и никакие карающие молнии не ударили в святотатцев: времена переменились наконец, и ранее запрещенное сделалось разрешенным. И – о смех богов! – сделавшись разрешенным, запрещенное сразу же стало всем безразлично. Так что и появление в 1989 году полного текста «Хромой судьбы» в великолепном издании ленинградского отделения «Советского писателя» не произвело ни шума, ни сенсации и вообще вряд ли даже было замечено читающей публикой. Новые времена внезапно наступили, и новый читатель возник – образовался почти мгновенно, словно выпал в кристаллы перенасыщенный раствор, – и возникла потребность в новой литературе, литературе свободы и пренебрежения, которая должна была прийти на смену литературе-из-под-глыб, да так и не пришла, пожалуй, даже и по сей день.

Нам хотелось написать человека талантливого, но безнадежно задавленного жизненными обстоятельствами, его основательно и навсегда взял за глотку «век-волкодав», и он на все согласен, почти совсем уже смирился, но все-таки позволяет иногда давать себе волю – тайно, за плотно законопаченными дверями, при свечах, потому что, в отличие от булгаковского Максудова, отлично знает и понимает, что сегодня, здесь, сейчас, можно, а чего нельзя и всегда будет нельзя… Феликс Сорокин представлялся нам этаким «героем нашего времени», и, может быть, он и был таковым в каком-то смысле, но вот время – прямо у нас на глазах! – переменилось, а вместе с ним и многие-многие наши представления, и героями стали совсем другие люди, а наш Феликс Сорокин как тип, как герой канул в небытие – во всяком случае, мне очень хочется на это надеяться.

А вот у романа его, у «Гадких лебедей», по-моему, актуальность отнюдь покуда не пропала, потому что проблема будущего, запускающего свои щупальца в сегодняшний день, никуда не делась, и никуда не делась чисто практическая задача: как ухитриться посвятить свою жизнь будущему, но умереть при этом все-таки в настоящем. И чем стремительнее становится прогресс, чем быстрее настоящее сменяется будущим, тем труднее Виктору Баневу оставаться в равновесии с окружающим миром, в перманентном своем состоянии неослабевающего футурошока. Всадники Нового Апокалипсиса – Ирма, Бол-Кунац и Валерьяне – уже оседлали своих коней, и остается только надеяться, что Будущее не станет никого карать, не станет никого и миловать, а просто пойдет своей дорогой».

В «Гадких лебедях» Будущему дали пойти своей дорогой – точнее, не смогли ему в этом помешать. И Виктору Баневу с Дианой осталось только наблюдать, как это Будущее вступает на территорию, оставленную в панике бежавшим Настоящим. Впоследствии нечто подобное АБС назовут «вертикальным прогрессом» – когда появятся «Волны гасят ветер» и идея Странников, точнее – люденов, покидающих Землю в своем «вертикальном» развитии. А затем в заочную дискуссию со Стругацкими вступит тогда еще начинающий красноярский писатель, а ныне – автор бестселлеров, заполнивших книжные лотки по горизонтали и вертикали, Александр Бушков.

В самом начале 90-х годов появится его повесть «Великолепные гепарды», где тоже будут действовать «аномальные дети», именуемые «ретцелькиндами». Но там с этими детьми будут поступать вовсе не так, как в «Гадких лебедях», – и будут не созерцать приход Будущего, а активно

этому приходу противодействовать. И, по традиционной для Бушкова логике «добра с кулаками», ретцелькиндов насильно вывезут в разные стороны из города – причем поодиночке, ибо два и более ретцельткинда способны превращать в свое подобие окружающих детей, один же – постепенно теряет свои чудесные свойства. И все это будет происходить на фоне (опять же, типичных для Бушкова) приключений главного героя – полковника некоей Международной Службы Безопасности Антона Кропачева по прозвищу Голем (кстати, одного из героев «Гадких лебедей» тоже зовут Голем, хотя роль у него, мягко говоря, иная), борящегося с наступлением Чужого из всех своих полковничьих сил, успевая при этом покорять женщин, поддерживать друзей и устрашать врагов.

Конечно, это – принципиально иная этическая конструкция, чем у братьев Стругацких. Которую короче всего можно определить как «Если враг не сдается – его уничтожают». Есть «мы», которые по определению – добро, и есть «они», которые по определению – зло, враждебные нам и подлежащие уничтожению огнем и мечом без сомнений и колебаний. Характерная фраза героя Бушкова: «Чем большим разумом наделено создание, служащее злу, тем быстрее оно должно быть уничтожено». Куда уж тут морали героев «Гадких лебедей» или «Жука в муравейнике»!

Сам БНС определяет эту этику как «этику незрелого ума». Этику малого опыта. Эмбрион этики, из которого может вырасти этика носителя разума, а может ничего не вырасти. Этику, свойственную людям молодым, по-настоящему не битым жизнью, и дурно воспитанным – в том смысле, что не существует у них сопереживания чужой боли, и чужому горю, и чужой смерти. Того сопереживания, которое для АБС – естественно. И которое отличает их от авторов «супербестселлеров», о которых через десяток лет вспомнят разве что библиофилы…

«Град обреченный» (1975)

К пониманию «Града обреченного» надо идти долго – не такая это вещь, чтобы сразу раскрыть перед читателем свою суть и свои секреты. Помню как сейчас публикацию первой книги ГО в журнале «Нева» в 1988 году – журнал этот тогда был одним из наиболее читаемых и наиболее почитаемых. И не то чтобы оппозиционным, но – проникнутым типичным для конца 80-х мягким вольнодумством.

Тогда еще не позволялось сомневаться – но уже позволялось обсуждать. Еще не позволялось пересматривать – но уже позволялось рассматривать с другого ракурса. Еще не позволялось посягать на основы – но уже позволялось строить на этих основах не то, что полагалось строить прежде. Тогда были популярны апелляции к «истинному Ленину», спектакли типа «Перечитывая заново» и «Синие кони на красной траве» и фильмы типа «Покаяние», а вершиной свободомыслия считались статьи Гавриила Попова в «Науке и жизни» и Николая Шмелева и Андрея Нуйкина – в «Новом мире». А уж когда вышла (в начале 1989 года) знаменитая, а нынче – почти совершенно забытая статья Сергея Андреева в «Неве» «Структура власти и задачи общества» – автора немедленно выдвинули в народные депутаты СССР на первых свободных выборах…

«Град» пал на благодатную почву – поскольку прекрасно «встраивался» именно в эту атмосферу. Встраивался в те времена, которые АБС охарактеризуют впоследствии как «дьвольски многообещающие, но и какие-то неверные, колеблющиеся и нереальные, как свет лампады на ветру». «Град» смотрелся и как потрясающе актуальный роман, и как только что написанный. Пройдет несколько лет – и мы узнаем, что на самом деле он был создан почти полтора десятилетия назад…

Комментарий БНС:

Впервые идея «Града» возникла у нас еще в марте 1967 года, когда вовсю шла работа над «Сказкой о Тройке». Это было в Доме творчества в Голицыно, там мы регулярно по вечерам прогуливались перед сном по поселку, лениво обсуждая дела текущие, а равно и грядущие, и во время одной такой прогулки наткнулись на сюжет, который назвали тогда «Новый Апокалипсис» (о чем существует соответствующая запись в рабочем дневнике). Очень трудно и даже, пожалуй, невозможно восстановить сейчас тот облик «Града», который нарисовали мы себе тогда, в те отдаленные времена. Подозреваю, это было нечто

весьма не похожее на окончательный мир Эксперимента, достаточно сказать, что в наших письмах конца 60-х встречается и другое черновое название того же романа – «Мой брат и я». Видимо, роман этот задумывался изначально в значительной степени как автобиографический.

Ни над каким другим нашим произведением (ни до, ни после) не работали мы так долго и так тщательно. Года три накапливали – по крупицам – эпизоды, биографии героев, отдельные фразы и фразочки; выдумывали Город, странности его и законы его существования, по возможности достоверную космографию этого искусственного мира и его историю – это было воистину сладкое и увлекательное занятие, но все на свете имеет коней, и в июне 1969-го мы составили первый подробный план и приняли окончательное название – «Град обреченный» (именно «обреченный», а не «обречённый», как некоторые норовят произносить). Так называется известная картина Рериха, поразившая нас в свое время своей мрачной красотой и ощущением безнадежности, от нее исходившей.

Черновик романа был закончен в шесть заходов (общим счетом – около семидесяти полных рабочих дней), на протяжении двух с четвертью лет. 27 мая 1972 г. поставили мы последнюю точку, с облегчением вздохнули и сунули непривычно толстую папку в шкаф. В архив. Надолго. Навсегда. Нам было совершенно ясно, что у романа нет никакой перспективы.

Нельзя сказать, чтобы мы питали какие-либо серьезные надежды и раньше, когда только начинали над ним работу. Уже в конце 60-х, а тем более в начале 70-х, ясно стало, что роман этот опубликовать нам не удастся – скорее всего, никогда. И уж во всяком случае – при нашей жизни. Однако в самом начале мы еще представляли себе развитие будущих событий достаточно оптимистично. Мы представляли себе, как, закончив рукопись, перепечатаем ее начисто и понесем (с самым невинным видом) по редакциям. По многим и по разным. Во всех этих редакциях нам, разумеется, откажут, но предварительно – обязательно прочтут. И не один человек прочтет в каждой из редакций, а, как это обыкновенно бывает, несколько. И снимут копии, как это обыкновенно бывает. И дадут почитать знакомым. И тогда роман начнет существовать. Как это уже бывало не раз – и с «Улиткой», и со «Сказкой», и с «Гадкими лебедями»… Это будет нелегальное, бесшумное и тайное, почти призрачное, но все-таки существование – взаимодействие литературного произведения с читателем, то самое взаимодействие, без которого не бывает ни литературного произведения, ни литературы вообще…

Но к середине 1972-го даже этот скромный план выглядел

уже совершенно нереализуемым и даже небезопасным. История замечательного романа-эпопеи Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», рукопись которого прямо из редакции тогдашнего «Знамени» была переправлена в «органы» и там сгинула (после обысков и изъятий чудом сохранилась одна-единственная копия, еще немного – и роман вообще прекратил бы существование, словно его никогда и не было!), – история эта хорошо нам была известна и служила сумрачным предостережением. Наступило время, когда рукопись из дома выносить не рекомендовалось вообще. Ее даже знакомым давать сделалось опасно. И лучше всего было, пожалуй, вообще помалкивать о ее существовании – от греха подальше. Поэтому черновик мы прочли (вслух, у себя дома) только самым близким друзьям, а все прочие интересующиеся еще много лет оставались в уверенности, что «Стругацкие – да, пишут новый роман, давно уже пишут, но все никак не соберутся его закончить».

А после лета 1974-го, после «дела Хейфеца-Эткинда», после того как хищный взор компетентных органов перестал блуждать по ближним окрестностям и уперся прямиком в одного из соавторов, положение сделалось еще более угрожающим. В Питере явно шилось очередное «ленинградское дело», так что теоретически теперь к любому из «засвеченных» в любой момент могли ПРИЙТИ, и это означало бы (помимо всего прочего) конец роману, ибо пребывал он в одном-единственном экземпляре и лежал в шкафу, что называется, на самом виду. Поэтому в конце 1974-го рукопись была БНом срочно распечатана в трех экземплярах (заодно произведена была и необходимая чистовая правка), а потом два экземпляра с соблюдением всех мер предосторожности переданы были верным людям – одному москвичу и одному ленинградцу. Причем люди эти были подобраны таким образом, что, с одной стороны, были абсолютно и безукоризненно честны, вне малейших подозрений, а с другой – вроде бы и не числились среди ближайших наших друзей, так что в случае чего к ним, пожалуй, не должны были ПРИЙТИ. Слава богу, все окончилось благополучно, ничего экстраординарного не произошло, но две эти копии так и пролежали в «спецхране» до самого конца 80-х, когда удалось все-таки «Град» опубликовать.

Первое впечатление о «Граде» было у меня (как сейчас помню) достаточно прохладным. Да, интересно. Да, мастерски написано. Да, эффектно «закрученный» сюжет. Но… Ответов куда меньше, чем вопросов. Отсутствие мало-мальски симпатичных героев. Абсолютно открытый финал. И ощущение какого-то недоумения – что же все-таки важного хотели сказать нам

Стругацкие? В чем глобальная идея «Града»?

Понимание этой идеи придет нескоро – подтвердившись впоследствии авторским мнением о том, что главная задача «Града» – показать, как под давлением жизненных обстоятельств кардинально меняется мировоззрение человека, как переходит он с позиций твердокаменного фанатика в состояние человека, словно бы повисшего в безвоздушном идеологическом пространстве, без какой-либо опоры под ногами. «Жизненный путь, – отметит БНС, – близкий авторам и представлявшийся им не только драматическим, но и поучительным. Как-никак, а целое поколение прошло этим путем за время с 1940 по 1985-й год.»

Но для того, чтобы это понимание пришло, надо было тщательно изучить мир Эксперимента. Вжиться в него, пройдя вместе с Андреем Ворониным его «Via Dolorosa», тернистый путь по различным «отражениям» (как сказал бы принц Корвин в «Хрониках Эмбера»). Мусорщик Воронин – следователь Воронин – редактор Воронин – советник Воронин…

По мере изучения и вживания, обнаруживались все новые и новые фразы и абзацы, на которых вдруг останавливался взгляд. Причем с каждым годом это были все новые и новые фразы.

> «Непонимание рождает неверие, и как плохо, что у большинства нет настоящей идейной закалки и убежденности в неизбежности светлого будущего».
>
> «Слишком много тайн развелось в последнее время в нашей маленькой демократической общине».
>
> «Во имя общественного блага мы обязаны нарушить любые писаные и неписаные законы».
>
> «В такие дни пресса должна способствовать смягчению ситуации, а не обострению ее».
>
> «А хорошо бы сейчас пойти в мэрию, взять господина мэра за седой благородный загривок, ахнуть мордой об стол: „Где хлеб, зараза? Почему солнце не горит?“ и под ж… – ногой, ногой, ногой…»

А были еще песня Галича, которую исполнял Изя Кацман («ставший вдруг странно серьезным») про пророка, которого упекли в республику Коми. И обращение Фрица Гейгера к Изе «мой еврей» – сразу же вызывавшее в памяти культовую одно время «Иудейскую войну» Фейхтвангера, в которой именно так император Тит обращался к тезке Изи – Иосифу бен Маттафию, он же Иосиф Флавий. И сам Изя, поучающий редактора «Городской газеты» Воронина – мол, что вы боитесь, никто вас не тронет, ведь вы всего лишь желтоватая, оппозиционная, либеральная газетка. Вы просто перестанете быть либеральными

и оппозиционными…

Комментарий БНС:

Даже сама первая публикация «ГО» (в ленинградском журнале «Нева») прошла не просто, а сопровождалась какими-то нервными и судорожными действиями: роман был разбит на две книги, подразумевалось, что книга первая написана давно, а вот книга вторая закончена, якобы, только что; почему-то казалось, что это важно и помогает (каким-то не совсем понятным образом) забить баки ленинградскому обкому, который в те времена уже не сжимал более издательского горла, но по-прежнему когтистой лапой придерживал издателя за полу; «первую книгу» выпустили в конце 88-го, а «вторую» – в начале 89-го, даты написания в конце романа поставили какие-то несусветные…

Сильно подозреваю, что современный читатель совершенно не способен понять, а тем более прочувствовать всех этих страхов и предусмотрительных ухищрений. «В чем дело? – спросит он с законным недоумением. – По какому поводу весь этот сыр-бор? Что там такого-разэтакого в этом вашем романе, что вы накрутили вокруг него весь этот политический детектив в духе Джона Форсайта?» Признаюсь, мне очень не просто развеять такого рода недоумения. Времена изменились настолько, и настолько изменились представления о том, что в литературе можно, а что нельзя…

Вот, например, у нас в романе цитируется Александр Галич («Упекли пророка в республику Коми…»), цитируется, естественно, без всякой ссылки, но и в таком, замаскированном виде это было в те времена абсолютно непроходимо и даже попросту опасно. Это была бомба – под редактора, под главреда, под издательство. Вчуже страшно представить себе, что могли бы сделать с издателем власть имущие, проскочи такая цитатка в печать…

А чего стоит наш Изя Кацман – откровенный еврей, более того, еврей демонстративно вызывающий, один из главных героев, причем постоянно как мальчишку поучающий главного героя, русского, и даже не просто поучающий, а вдобавок еще регулярно побеждающий его во всех идеологических столкновениях?..

А сам главный герой, Андрей Воронин, комсомолец-ленинец-сталинец, правовернейший коммунист, борец за счастье простого народа – с такою легкостью и непринужденностью превращающийся в высокопоставленного чиновника, барина, лощеного и зажравшегося мелкого вождя, вершителя человечьих судеб?..

А то, как легко и естественно этот комсомолец-сталинец становится сначала добрым приятелем, а потом и боевым соратником отпетого нациста-гитлеровца, – как много обнаруживается общего в этих, казалось бы, идеологических антагонистах?..

А крамольные рассуждения героев о возможной связи Эксперимента с проблемой построения коммунизма? А совершенно идеологически невыдержанная сцена с Великим Стратегом? А циничнейшие рассуждения героя о памятниках и о величии?.. А весь ДУХ романа, вся атмосфера его, пропитанная сомнениями, неверием, решительным нежеланием что-либо прославлять и провозглашать?

Сегодня никакого читателя и никакого издателя всеми этими сюжетами не удивишь и, уж конечно, не испугаешь, а тогда, двадцать пять лет назад, во время работы над романом авторы повторяли друг другу как заклинание:

«Писать в стол надобно так, чтобы напечатать этого было нельзя, но и сажать чтобы тоже было вроде бы не за что». (При этом авторы понимали, разумеется, что посадить можно за что угодно и в любой момент, например, за неправильный переход улицы, но рассчитывали все-таки на ситуацию «непредвзятого подхода» – когда приказ посадить еще не спущен сверху, а вызревает лишь, так сказать, внизу).

«Как жить в условиях идеологического вакуума? Как и зачем?» Мне кажется, этот вопрос остается актуальным и сегодня тоже – причина, по которой «Град», несмотря на всю свою отчаянную политизированность и безусловную конъюнктурностъ, способен все-таки заинтересовать современного читателя, – если его, читателя, вообще интересуют проблемы такого рода…

Мир загадочного Эксперимента – может быть, единственный из «миров братьев Стругацких», где нет ни одного положительного героя. Где фантасмагорическая география Города, расположившегося на уступе между непреодолимой пропастью и непреодолимой стеной, сочетается с не менее фантасмагорическим обществом, населенным беглецами из разных времен, решившимися променять его на возможность участия в Эксперименте. И где, как выясняется, каждый из беглецов становится отнюдь не экспериментатором, а подопытным кроликом, ибо Эксперимент ведет не он, а его ведут над ним…

Герои «Града» вряд ли вызывают сочувствие – но они непрерывно вызывают интерес. И наблюдать их в круговороте запрограммированных Наставниками социальных превращений

(сегодня ты низшая каста, а завтра – высшая; сегодня – мусорщик, завтра – товарищ министра) оказывается дьявольски любопытно. Одни воспринимают это как должное: и безусловный приоритет «общественного блага» над личным, и невозможность понять истинную Цель Эксперимента, и принудительное перемещение с одной общественной «ступеньки» на другую. К таким относятся и Андрей Воронин, воспитанный на штампах сталинской эпохи, и Фриц Гейгер, воспитанный на столь же твердокаменных штампах эпохи гитлеровской. И тому и другому «вдолбили», по выражению Изи Кацмана, что «если нет идеи, за которую стоит умереть, то тогда жить и не стоит вовсе». Понятно, что потрясающее внутреннее родство идеологий этих двух эпох, неумолимо вытекающее из описанного в «Граде» (как и то, сколь легко впоследствии Воронин и Гейгер находят общий язык и прекрасно сотрудничают), не могло не быть расценено цензурой как тягчайшая крамола, столь же неумолимо должная привести к запрету печатать «Град». Другие – такие, как Ван – пытаются сопротивляться Эксперименту, периодически отбывая наказание за нежелание менять профессии по приказу «распределительной машины». И категорически не хотят признавать, что Эксперимент может от них чего-то «требовать», а они обязаны этому подчиняться. Недаром тихий и покорный Ван с неумолимой твердостью объясняет Андрею, что единственная величайшая ответственность, которая лежит на нем, – это его жена и ребенок. И вразумляет собеседника, не желающего понять его логику: «Ты пришел сюда строить, а я сюда бежал. Ты ищешь борьбы и победы, а я ищу покоя»… Ну а третьи – как наиболее положительный из героев (или «наименее отрицательный») Изя Кацман – относятся к Эксперименту совершенно иначе. Скептик и циник, Изя пытается понять и объяснить то, что по условиям задачи необъяснимо в принципе – суть Эксперимента. То, что, по признанию самого БНС, и есть так называемая «Главная Тайна Города». Отвечая на один из вопросов, заданных в Интернет-конференции, Борис Натанович скажет:

> «Как легко заметить, понятия „Главная Тайна Города“ в романе нет. Я придумал это понятие исключительно (если не ошибаюсь) для того, чтобы объяснить „что было в папке у Изи Кацмана“. Разумеется, по большому счету именно цель Эксперимента есть ГТГ. То же, о чем мы все время говорим, есть на самом деле некая частная особенность существования людей в Городе, не слишком важная в глобальном смысле, но весьма – на мой взгляд – существенная для каждого из

них персонально. Космография здесь, конечно, ни при чем – она ведь никак (или очень мало) не влияет на образ жизни подавляющего большинства „горожан“».

И добавит:

«Жизнь каждого из нас есть по сути своей Эксперимент. И не то ведь важно, ЧТО с нами происходит, а то важно, КАКИМИ мы становимся. Или НЕ становимся… Впрочем, в отличие от „УЛИТКИ“ „Град“ не содержит сюжетообразующей философской или социальной идеи (гипотезы, теории). Он задумывался и реализован был как притча о существовании человека в реальном мире XX столетия – путь от фанатика к свободомыслящему, скорбный, как выясняется, путь, ибо фанатизм лишает свободы, но зато дает внутреннюю опору, а свободомыслие приводит в ледяную пустоту, делает беззащитным и одиноким. Благо тому, кто, потеряв одну опору под ногами, находит другую (как Изя нашел для себя Храм Культуры), а что делать тем, кто поумнел достаточно, чтобы разувериться в нелепых догмах своей юности, но недостаточно, чтобы найти новую систему нравственности и новую цель существования? Сколько кругов надо ему еще пройти, чтобы обрести все это?»

В итоге ГТГ, она же Цель Эксперимента так и останется неизвестной – и, возможно, каждый из читателей «Града» пытается эту цель сформулировать для себя сам. Что, собственно, и требовалось от него, – читателя, – авторами…»

Глава третья
НЕВЕСЕЛЫЕ БЕСЕДЫ ПРИ СВЕЧАХ

За десять лет нашего знакомства с Борисом Натановичем мы беседовали на самые разные темы очень много раз. Большая часть этих бесед записывалась на диктофон и публиковалась – грешно было бы не использовать такой шанс. В общей сложности в моем архиве хранится более четырех десятков записей. Полтора десятка наиболее характерных из них отобраны для этой книги. Как мне кажется, они дают неплохое представление о том, что в разные годы волновало Бориса Натановича и что он думал о происходящем «с Родиной и с нами». Перечитывая заново эти «невеселые беседы при свечах», могу лишь удивляться – насколько злободневны многие рассуждения, высказанные, казалось бы, в совсем другую эпоху…

«Главное – чтобы не пролилась кровь»

С писателем Борисом Натановичем СТРУГАЦКИМ беседуют Борис ВИШНЕВСКИЙ и Юрий КАРЯКИН

5 марта 1992 г., Санкт-Петербург

Частично опубликовано в газете «Вечерний Петербург» 2 июня 1992 года. Полностью не публиковалось нигде.

Комментарий, это – первое интервью, взятое мной у БНС буквально через неделю после того, как Константин Селиверстов познакомил нас в кафе старого Дома писателей на улице Воинова. Беседа состоялась дома у БНС 5 марта 1992 года, и речь шла о событиях, наиболее тогда животрепещущих. Два с небольшим месяца как началась «гайдаровская» реформа, ценники в магазинах менялись с пугающей быстротой, и лейтмотив разговора был очевиден. Тогда еще трудно было предположить, что спор этот растянется на долгие годы, в течение которых и Борис Натанович, и я будем доказывать друг другу противоположное: мэтр так и останется принципиальным сторонником «гайдаровских» методов реформ, я же так и останусь их принципиальным противником…

Сегодняшнему читателю, возможно, уже не все будет понятно из этого разговора – какие-то проблемы ушли на второй план, какие-то фобии оказались ложными, а каких-то вскоре ставших предельно актуальными проблем мы тогда еще не замечали.

И все же разговор этот – как представляется – примечательный «слепок» эпохи. Март 1992-го, еще не прошла эйфория августовской победы 1991-го и еще не пришло понимание того, что впереди – тяжелые времена, которые разведут многих вчерашних соратников по разные стороны баррикад.

Б.С. Я бы предложил построить наш разговор как дискуссию. Если вы будете нудно задавать вопросы, а я буду не менее нудно читать лекцию в ответ, – это будет скучно. Давайте о чем-нибудь поспорим.

Б.В. С удовольствием. Если вы согласны, можно начать с экономики. У меня, честно говоря, довольно скептическое отношение к многому из того, что делает «Гайдар и его команда». Вы, насколько я знаю, иного мнения…

Б.С. Егор Тимурович, с точки зрения дилетанта, не делает абсолютно ничего такого, что не предлагалось бы два-три года назад. Обо всем этом писали. Либерализация цен, демонополизация, товарная интервенция за счет кредитов,

повальная приватизация – ничего принципиально нового я здесь не вижу. Разница в том, что если бы все эти реформы начались два года назад, они протекали бы не так болезненно, как сейчас. Но и об этом нас предупреждали! Начальство затянуло эти реформы и довело нас до того, что мы вынуждены делать операцию без наркоза. Так что – вот мое отношение к этому вопросу.

Б.В. Кажется, возникает повод поспорить.

Б.С. Давайте.

Б.В. Демонополизация, приватизация, товарная интервенция – ведь ничего этого, по сути дела, нет! Наблюдается только один эффект: освобождение цен, при котором монополисты так ими и остались. Те, кто мог бы этот монополизм преодолеть, – развивающиеся предпринимательские структуры – задавлены непомерными налогами, о чем они криком кричат на всех углах. Правительство говорит: будем налоги снижать, мы поняли, что производство не развивается. А раньше правительству это было непонятно? Очень многое из того, что, на уровне здравого смысла, следовало бы делать, – не делается, и даже не объясняется почему…

Б.С. На некоторые вопросы я и сам бы хотел бы получить ответ. По поводу налогов – я своими ушами слышал разъяснение Гайдара, в самом начале, когда обсуждался этот чудовищный налог на добавленную стоимость. Было сказано: правительство прекрасно понимает, что, устанавливая чрезвычайно высокие налоги, оно ограничивает предпринимательскую деятельность. Это – азы. Но кризисная экономика не регулируется налогами, она практически не реагирует на размер налога. Высокий налог, как я понял, правительство назначило просто потому, что больше неоткуда взять деньги. Поскольку объявлены были мощные социальные программы, их надо было чем-то «сбалансировать». И тогда же было сказано, что эти высокие налоги – явление временное, пройдет квартал-другой, и они будут снижены…

Комментарий автора: увы, «временное», как это часто бывает, превратилось в постоянное. Не то что квартал-другой – десять лет прошло со дня этой беседы до момента написания книги. А налоги все так же высоки…

Б.В. Борис Натанович, представьте себе, что в вашей семье кончаются деньги. Книги вдруг перестают печатать…

Б.С. Да, это знакомая ситуация, мы пережили это!

Б.В. … И вы оказываетесь перед выбором – что делать? Завтра надо пойти и купить что-то на обед. «На стороне» временно не

заработать. Что вы предпримете?

Б.С. Продавать имеющееся имущество!

Б.В. Вот мы и выходим на проблему приватизации. Существует огромная «махина» государственного имущества. Земля, основные фонды предприятий, незавершенные объекты, концессии на разработку месторождений… Казалось бы – продавайте это направо и налево! В том числе – за валюту; предложений масса – только выбирай! Нет, все это игнорируется. Почему?

Б.С. Боря, я – не правительство! Я и сам задаю себе этот вопрос. Почему этого не делали правительства Рыжкова и Павлова – я очень хорошо понимаю. Они не хотели выпускать из рук контроль над богатствами! Это были коммунисты, с классическим большевистско-коммунистическим подходом к этому вопросу. Они не столько хотели рыночной экономики, сколько видимости рыночной экономики. Почему сейчас этого не происходит – я, честно говоря, не знаю сам. Ведь у каждого предприятия накоплено огромное количество запасов! Взятые в свое время «на всякий случай», по дешевке, а сейчас – лежащие «мертвым грузом», благо за это платить не надо. Мне кажется, что прижимая предприятия «к стенке» отсутствием наличных денег, правительство хочет их заставить выбросить на рынок эти запасы. Но почему само правительство не продает, например, землю?

Б.В. Яркий пример – у нас: городской Совет не может преодолеть противодействие областного, который «уперся рогом» – и ни в какую!

Б.С. Это естественно – люди, обладающие реальной властью, не хотят ее отдавать. В конечном счете я уверен, что на каждый из наших вопросов, которые мы здесь поставили, ответ будет одинаковый: кто-то не хочет отдавать власть!

Ю.К. Не кажется ли вам, что ситуация, когда нечего есть и приходится распродавать домашнее имущество, длится у нас уже лет 60? Как известно, в сталинское время распродавали лес. Есть такое мнение, что «косыгинская» реформа 65-го года не пошла только потому, что геологам посчастливилось найти нефть в Западной Сибири. В результате мы начали «качать» нефть на Запад, получать нефтедоллары, и оказалось – можно прожить и без реформы, ничего не меняя. То есть мы на протяжении десятков лет распродавали имущество. Сейчас новое правительство решило – все, хватит! Хватит изображать, что мы – передовая страна мира, в принципе ничего не делать, а лишь проедать то, что мы имеем. Сейчас есть возможность продавать за ту же валюту и землю, и заводы. Мы распродадим опять и опять останемся голодными, потому что не научились работать. Самое

главное сейчас – не кормить людей рыбой, а научить эту рыбу ловить!

Б.С. Все эти вопросы – почему тормозится приватизация, демонополизация, распродажа богатств, на которых мы могли бы сейчас строить новую экономику, – стоят перед вами точно так же, как и передо мной. Когда речь шла о старом, коммунистическом правительстве – ясно было, что они не заинтересованы ни в приватизации, ни в демонополизации, ни в том, чтобы что-нибудь кому-нибудь продавать, – это все принадлежало им! И никому они это отдавать не хотели! И, видимо, и сегодня остаются очень мощные силы, которые держатся за землю, фабрики и заводы…

Ю.К. Может быть, приватизация – не такая простая вещь, как нам кажется с первого взгляда? Мы все больны одной старой болезнью – хотим получить все и сразу!

Б.С. Есть две, по крайней мере, позиции. Одна – будем называть ее условно «пияшевской» – предлагает «обвальную» приватизацию, и для простоты – раздать всем все даром. Другая – близка к тому, о чем вы оба говорите. Но пока мы будем все предусматривать, пока мы думаем – что справедливо, а что нет – все стоит. А что это значит? То, что с каждым днем наше положение становится все хуже и хуже, и кончится все это какой-то катастрофой! Будет либо социальный взрыв с приходом к власти тоталитарных сил, либо будет все-таки «обвальная» приватизация, потому что мы дотянем до того, что придется это делать именно обвально.

Ю.К. Иногда мои знакомые, люди грамотные, спрашивают меня как депутата – почему не идет приватизация? Думаю, потому, что мы до сих пор не можем решить – по какому пути идти? Так же и у правительства. Может быть, прав Василий Леонтьев, – который говорит: неважно, по какому – начните по любому, через 5 лет все равно все выровняется!

Б.С. Я – принципиальный противник любых посткоммунистических, то есть старых коммунистических, структур, которые «врастают» в нынешнюю жизнь. Но в рыночной экономике могут существовать только те структуры, которые приносят пользу другим. Какая разница, кто производит то молоко, которое я покупаю, – фермер, совхоз, даже фашист какой-нибудь, – в данном случае мне важно, чтобы было молоко! Поэтому я с Леонтьевым согласен абсолютно.

Ю.К. Даже если пойти по этому пути, то есть согласиться на номенклатурную приватизацию, – возникает целая куча вопросов. Кому отдать собственность?

Б.С. Поскольку я не являюсь работником производства, мне

это глубоко все равно! Но пока политики произносят речи о справедливости, положение в экономике становится все хуже и хуже. Почему? Да просто потому, что в нашем мире можно оставаться на месте только в том случае, если ты бежишь! Как у Алисы в Стране Чудес: если ты бежишь – ты остаешься на месте, если ты стоишь – тебя уносит в прошлое.

Ю.К. Вам не кажется, что именно от этого появляются мысли о «твердой руке»: хорошо бы появился такой большой начальник, который бы сказал – и все стали делать!

Б.С. Мысль о «твердой руке» – это вообще любимая мысль всякого народа, который вышел из недр тоталитарного строя. Дело в том, что каждый человек, побывавший в условиях несвободы и оказавшийся вдруг на свободе, испытывает сладкую тягу к клетке! Хорошо известный эффект, который всегда имел место, это характерно не только для нашей страны. Помните, с какой радостью в Германии после Веймарской республики кинулись под тяжелую руку фюрера? Почему? Да потому что Германия – вчерашняя империя, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Имперское мышление, холуйство, холопство… Представление о том, что начальник все знает, – это же в крови и в плоти нашей! И не только нашей – любого вышедшего из феодализма народа. Мы тоже очень недалеко от этого ушли, мы вообще свободы и не вдыхали как следует…

Б.В. Борис Натанович, какую газету ни откроешь, начинают учить: вот, посмотрите, как было в Чили, Южной Корее, Испании, – можно навести порядок в экономике только при помощи диктатуры! Очевидно, что это – тот самый возврат к прошлому, которого допустить бы не хотелось! Как перешагнуть тот барьер, после которого этот возврат станет невозможным?

Б.С. Знаете, это те болезни, которые лечатся только временем. Мы сейчас балансируем на грани пропасти, вернее – на узком карнизе, но в любой момент можем «ссыпаться» обратно. А можем не ссыпаться. Зависит это от миллиона причин. Конечно, экономика – вопрос номер один, и если не удастся в ближайшие год-полтора как-то стабилизировать ситуацию, чтобы хоть в чем-то наступило улучшение – до тех пор пока это не сделано, мы будем балансировать «на грани».

Б.В. Вам не кажется, что реальной угрозы поворота назад уже нет?

Б.С. Нет, не кажется. Угроза никуда не исчезла. Только теперь речь не о том, что танки выйдут на улицы. Речь о том, что на улицу выйдут обманутые демагогами люди! Те самые люди, которым нечем стало платить за хлеб и молоко… Ведь мы все люди, все мы человеки – когда наваливается на нас нищета,

голод, беспросветность, мы дуреем, мы делаемся глупыми от страха за себя и за детей наших… И вот тут они ждут нас – Повелители Дураков. Все эти новоявленные Львы Троцкие, Бенито Муссолини, Адольфы Гитлеры. Ничего нет у них за душой – ни любви, ни ума, ни доброты, ни чести – одна только клокочущая ненависть. И ничего они внушить нам не умеют, кроме ненависти и злобы. Но ах как сладко они умеют нам петь – какие мы умные, какие мы сильные, какие мы смелые и гордые, как много нам полагается, и как мало нам достается, и как просто можно все исправить, если вернуться назад, к истокам всех наших былых побед!.. А мы, ослепленные страхом и обидой, как часто мы не понимаем, что тянут они нас не к истокам побед, а к миру всеобщей ненависти, к огромной, как река, крови! Великий грех берут на себя люди, которые сейчас кричат о ненависти и о возврате назад. Кто-то из них, может быть, не осознает, к чему призывает, а кто-то, вероятно, крови не боится, особенно – чужой… Нам всем сейчас следует понять, что, оставаясь в рамках реформы, мы движемся в единственно правильном направлении! Движение к рыночной экономике – это единственное бескровное движение!

Ю.К. Вы не боитесь, что в условиях рыночной экономики значительное число людей не сможет найти источников существования?

Б.С. Я в это, честно говоря, не верю. Не понимаю, почему ваше или мое поколение должно быть хуже приспособлено к жизни, чем поколение наших родителей. Я вспоминаю – было очень трудно нам, денег не было, работать приходилось по 12–16 часов, на износ, – и как-то выжили! Я уже не говорю про военные времена, про время эвакуации, про послевоенное время, когда покупка брюк – это было такое же торжественное событие, как в наше время покупка цветного телевизора. Торжество и сатурналии!

Ю.К. Я боюсь за людей старшего возраста, которые всю жизнь маялись и к концу жизни получили то же самое…

Б.С. Вы имеете в виду пенсионеров? Можно сказать только одно: судьба была к ним жестока! Хотя я, например, не жалуюсь. Мы прожили много хороших дней, несмотря на все неприятности. И то, что приходится кончать свою жизнь, ничего не накопив, – конечно, очень грустно и печально, тут нечего сказать в утешение, но судьба такая у страны!

Б.В. Борис Натанович, а что такое – социальная справедливость?

Б.С. На мой взгляд, социальная справедливость – не совсем то, что нам прививали на протяжении многих лет. На мой взгляд,

это «кто не работает, тот не ест», «сколько заработал – столько и получи». Однако новое поколение – 20–30-летних, – они выросли в совершенно новой ситуации и такого понятия не исповедуют! Они стоят на собственных ногах, у них свои пословицы – «хочешь жить – умей вертеться», очень правильная мысль! Они понимают, что даром ничего не получат, всего надо добиваться. А наше поколение, уходящее… Мы уходим, и единственное, о чем мы можем мечтать, – чтобы этот уход не был слишком жестоким…

Б.В. Борис Натанович, помните, до путча – нам казалось, что развитию событий в «нужную» нам сторону постоянно кто-то мешает. Путч провалился – но «тормоз» не исчез!

Б.С. Тормоз – это тысячи и тысячи людей, для которых реформа означает конец всего: конец карьеры, конец безбедного существования, конец всего их образа жизни. Для того чтобы экономические и политические проблемы наши были решены быстро, эти десятки тысяч людей должны в одночасье переменить свою психологию или быть уволены с постов, которые они занимают! Но ни то ни другое, к сожалению, в одночасье сделать невозможно.

Б.В. Борис Натанович, ведь едва ли что-то способно в глазах людей нынешнюю власть дискредитировать больше, чем то, что они видят: вчерашние руководящие коммунисты почти все остались! Более того – многие даже повысились! Не следует ли все-таки пойти по пути запрета на профессии?

Б.С. Все мои социальные рефлексы – жутковатые рефлексы человека, выросшего и воспитанного в условиях тоталитаризма, – конечно же, требуют и запрета на профессии, и беспощадной расправы с участниками ГКЧП, и хорошего кляпа в глотку хрипунов, призывающих вернуться в прошлое… Но, слава богу, и у меня, и, главное, у власть имущих хватает воображения, чтобы понять: этот путь – и есть один из способов возвращения в прошлое! Уже хотя бы потому, что люди, которые будут все эти экзекуции совершать, – через 2–3 месяца станут такими же, какими были те, с кем они расправлялись. Это – страшный закон: если ты берешь на вооружение методы своего врага – ты перестаешь от него отличаться. Ты становишься таким же, как он!

Б.В. Не страшнее ли для общества вариант, когда мы их всех оставляем? Может быть, как предлагают уже, провести суд над КПСС – чтобы законным путем изгнать их со своих постов?

Б.С. Я против расправы над отдельными людьми, но я всецело за то, чтобы проводить суды над структурами! Это совершенно разные вещи. Конкретных людей можно судить лишь в том случае, если они изобличены в конкретных преступлениях. Нельзя судить людей только за то, что они субъективно

враждебны демократии или являются противниками новой экономики. Иное дело – суд над КПСС как над структурой! Он необходим уже хотя бы для того, чтобы понять законы ее существования и не допустить появления чего-либо подобного впредь. Морального осуждения здесь недостаточно, необходимо осуждение юридическое – структуры такого типа должны быть раз и навсегда поставлены вне закона. Сейчас, сегодня это очень важно.

Б.В. Борис Натанович, в глазах довольно многих людей вселение нашего мэра в Смольный со всей его командой и, более того, – то, что у него там «под крылом» приличное количество людей из обкомовской «обоймы», выглядит как издевательство или насмешка. Да и фигура мэра, как вы понимаете, не очень однозначная. Что вы о нем думаете?

Б.С. То, что он не сумел подобрать себе аппарат уважаемых и профессионально подготовленных людей одновременно, – это факт. То, что при нем продолжают безбедно существовать люди из прошлых партийных структур, – это всем очевидно, но, видимо, он просто не мог найти среди своего окружения людей, достаточно профессионально подготовленных! Можно упрекать его в том, что он недостаточно серьезно отнесся к своему выдвижению на пост мэра, не пришел с готовой командой людей и «новых», и профессионально подготовленных…

Б.В. При характере Собчака уважающие себя люди с ним работать просто не пойдут – потому что он относится к ним, как барин к нерадивым холопам! И приходится набирать тех, для кого такое отношение высшего к низшему естественно и привычно. А таких можно найти только из старой системы!

Б.С. Борис, наверное, вы правы – вы глубже изучали этот вопрос. Я подозревал, что многие проблемы упираются просто в личные качества. Но почему вообще возник конфликт с Петросоветом? Собчак пришел к власти для того, чтобы показать – как на самом деле должно быть устроено городское управление. Горсовет, который ведает бюджетом и законодательством в городе, и мэрия, которая занимается исполнением «законов», созданных Петросоветом. Мэром должен быть человек, который управляет городом, следит за порядком, делает все для того, чтобы жителям было хорошо, а всем «врагам порядка» было плохо. Но моих ожиданий Собчак как мэр не оправдал. Оставаясь очень крупным политиком, он вел себя не как мэр города – как министр иностранных дел города Питера! Тут он сделал очень много. Что же касается распрей с Петросоветом – Собчак пришел тогда, когда стало ясно, что Советы не могут управлять городами, городом должна управлять исполнительная власть.

Б.В. Борис Натанович, единственное, что сегодня отличает мэрию от прежнего исполкома, – единоличность принятия решений мэром. Председатель исполкома такого права не имел, все полагалось решать голосованием – хотя всегда голосовали за то, что предлагал председатель. Но сейчас мэрия превратилась в «государство в государстве»! Она хочет жить только по тем законам, которые сама для себя напишет, стремится избежать любого контроля за своей работой.

Б.С. Но мэрия не имеет права писать законы! Это дело Совета!

Б.В. Зато она успешно их не исполняет… Знаете, любой перекос – в любую сторону – очень опасен. В том числе и то, что Совет пытается подмять исполнительную власть под себя, начиная распоряжаться чем-то… Но сейчас пошел «маятниковый эффект»: крен в другую сторону – неоправданного усиления исполнительной власти. Я понимаю, что мэрии Совет вообще не нужен! Она прекрасно без него обойдется! Обойдутся ли жители?

Б.С. А законы?

Б.В. Зачем? Мэрия сама себе все напишет…

Б.С. Откровенно говоря, эта борьба, колебания власти от Совета к мэру и от мэра к Совету меня мало волнует. Хотя, казалось бы, должна сильно волновать – она отражается непосредственно на мне как на жителе города!

Б.В. Вам как жителю города совершенно безразлично, как устроена власть! Вам важно, чтобы вам была обеспечена нормальная жизнь, чтобы в городе был порядок…

Б.С. Все это – естественные колебания. Когда старая структура развалилась, а новая создается на наших глазах, естественно колебательное движение – как у всякой системы, которая вышла из равновесия. И я совершенно спокоен: все будет хорошо! Меня больше волнуют другие проблемы – «глобального» масштаба! Что будет с экономической реформой?

Б.В. Тогда вот вам «глобальный» вопрос. Несколько лет назад у каждого из нас, наверно, была частица «имперского» – если не мышления, то сознания, что мы живем в огромной и великой стране. Теперь все это рухнуло. Как вам кажется, чем все это кончится?

Б.С. Я бы не назвал это ощущение, что живешь в огромной стране, имперским мышлением, у меня и сейчас есть ощущение, что я живу в огромной стране, это ощущение никуда не делось. Имперское же мышление – по крайней мере, российское имперское мышление – это нечто совсем иное: я живу не просто в огромной стране, я живу в стране, перед которой содрогается весь мир, живу пусть, может быть, и небогато, паршиво на самом деле

живу, но мир передо мной дрожит!..

Б.В. Как бы она случайно не осердилась и кнопочку не нажала…

Б.С. Именно к этому нас и призывают Повелители Дураков. Пусть снова возникнет на теле планеты гигантская, до зубов вооруженная держава, которую все боятся! Пусть не уважают, ненавидят пусть – лишь бы боялись! Вот это и есть имперское мышление – очень опасное и очень неприятное, на мой взгляд. Что же касается окраин, которые избрали свой путь, то для меня это совсем не было неожиданностью. Даже в самые глубокие застойные времена я был убежден, что СССР в том виде, в котором он сложился, – неестественное для 20-го века образование, такие сверхимперии в 20-м веке существовать неспособны!

Б.В. Они могут держаться только силой!

Б.С. Только силой! Штыками и тайной полицией! И как только исчезнут штыки и тайная полиция – все немедленно начнет разваливаться. Мне было это совершенно ясно и в 1970-м, и в 1980-м, и в 1985-м… Так оно и вышло. Конечно, мне неприятно, что моя любимая Прибалтика, без которой я не мыслю себе летнего отпуска, стала заграницей. Что фактически становится заграницей Украина, а там живут родители моей жены. Что все мы остались без Крыма, без Черноморского побережья, и так далее, и так далее… Но эти ощущения мои не есть проявление имперского мышления! Я просто потерял некий мир, в котором я живу 60 лет и к которому я привык. Теперь этот мир исчез. Это грустно, печально, в каком-то смысле обидно, но это естественно! Иначе это и быть не могло, и молить бога надо только об одном: чтобы не пролилась кровь. Я снова и снова это повторяю. Все не страшно – страшно, если прольется кровь. Страшно, если найдутся люди, которые снова захотят объединить все это искусственным путем, а следовательно – с помощью силы, штыками и тайной полицией, а это – кровь! Вот этого я действительно боюсь. Но реально, мне кажется, все стабилизируется. Мне совершенно ясно, что СНГ – в том или ином виде – обязательно будет существовать, в этом заключена экономическая необходимость, потому что мы экономически друг без друга существовать не можем. Мы больше никому в мире не нужны – только сами себе! Из самых общих соображений ясно, что на территории бывшего СССР будет существовать совокупность государств, которые будут экономически и политически тяготеть друг к другу и жить в тесном сотрудничестве на протяжении многих лет.

Ю.К. Не считаете ли вы, что многонациональные государства

обречены рано или поздно на распад? США создавались не как однонациональное государство, но по сути они им являются. В Европе же – все государства практически однонациональны. США – государство искусственное, они исторически образовывались из эмигрантов, которые перемешивались в «котле», а в Европе, где население стабильное, в каждом регионе – свой народ, образовались именно мононациональные государства. Многонациональные же рано или поздно распадались – как Австро-Венгерская империя…

Б.С. Речь не о том, должны ли распадаться многонациональные государства, а о том, могут ли существовать искусственно образованные государства, состоящие из небольшого числа мононациональных территориальных образований. Это – очень трудный вопрос. Но я не вижу никаких причин, по которым это было бы невозможно. У меня нет научно выверенных аргументов, я же не специалист, но есть ощущение, что Россия в нынешнем виде все-таки уцелеет. В этих границах Россия устоит, и я надеюсь, что без особой крови. Политика не любит парадоксов. Политика тяготеет к очевидному. А то, что отделение, скажем, Татарстана – нонсенс, это очевидно, это прекрасно понимает 70–80 процентов населения, вовсе не являющиеся ни политологами, ни специалистами по национальному вопросу. Не надо быть профессионалом, чтобы интуитивно ощущать полную бессмысленность выделения, скажем, Якутии, Татарстана, образования Иркутской республики…

Б.В. В Татарстане уверяют: завтра мы отделимся от России, нефть и газ будем оставлять себе и жить, как Кувейт или Арабские Эмираты… При этом никто не задумывается, что все остальное им придется везти из той же России!

Б.С. Да и нефть им придется перевозить по воздуху…

Б.В. Но смотрите: более всего бьют себя кулаком в грудь и кричат о независимости в тех республиках, где правят перекрасившиеся коммунисты! Понятно, что для них эта социальная мимикрия никакой трудности не представляет – будет выгодно, они себя объявят хоть огнепоклонниками…

Б.С. Это меня не так волнует, как события ближайшего времени – эта «красно-коричневая» волна, которая поднимается. Очень боюсь, что обнищавший народ поверит этим людям. Боюсь 100-тысячных демонстраций. Боюсь, что нервишки не выдержат у правительства Москвы, Петербурга, начнут глупости вытворять по отношению к этим демонстрантам. Боюсь, что найдутся негодяи среди красно-коричневых, которые спровоцируют вмешательство!

Б.В. Хочется процитировать Валерию Новодворскую:

«Диктатура – это когда запрещают демократов, а демократия – это когда запрещают демократы…» Кажется, что существует «вирус власти», поражающий лиц, занимающих руководящие посты, независимо от того, какие взгляды они имели до того!

Б.С. Меня это совершенно не удивляет! Иначе не удержаться у власти. Но меня больше беспокоят красно-коричневые – потому что они крови не боятся и даже считают ее пролитие определенной доблестью! Что касается ныне власть имущих – от них требуется только одно: сохранять спокойствие. Относительно событий 23-го февраля в Москве[3] – я с большим интересом жду, что решат по этому поводу прокуратура и суд. Законны ли были действия правительства Москвы о запретах и ограничениях? Но и организаторы митингов несут полную ответственность за все, что происходит! Эти люди должны были просто трупами лечь на дороге толпы, не допустить контактов между толпой и ОМОНом! Они должны были умереть, но не допустить беспорядков! Ведь я по-прежнему уверен: главное – не допустить пролития крови, не допустить к власти Повелителей Дураков. Потому что единственное, что может остановить шествие экономических законов, – кровь. Кровь застилает глаза разуму, кровь порождает ненависть, а ненависть убивает все, что есть в людях разумного, доброго и вечного. Вот почему мне отвратителен национализм, любой, всегда и везде: национализм – это обязательно ненависть к другому народу или к другим народам. Не любовь к своему – а ненависть и презрение к другому. Где национализм, там кровь, где кровь, там конец разуму, там вспыхивает огонь безумия и все экономические законы перестают действовать, а политика из искусства возможного превращается в служанку войны. Ах, если бы можно было, оставаясь в рамках закона, заткнуть глотку националистам всех стран! Но это, как показывает опыт, практически невозможно. К сожалению, похоже, в каждом из нас сидит националист, и это так удобно бывает власть имущим!.. Но мне совершенно ясно: справимся с национализмом, – справимся с распадом, и все обойдется, хотя нервы нам все это и попортит изрядно… Самое замечательное, что несмотря ни на что – «караван идет»! Вы только оглянитесь – какой путь пройден за последние пять лет. Произошли вещи совершенно невероятные, мы живем в другой стране! Когда вспоминаешь, что 1-й съезд был всего лишь в 1989-м году, не верится!

Б.В. Как будто прошло сто лет!

Б.С. Это было безумно давно! Да, может быть, и люди почти те же управляют – но страна другая, все другое, цели другие, надежды другие, даже страхи – другие!

Б.В. Ощущение, что изменился масштаб времени, оно пошло

быстрее!

Ю.К. Слушая I съезд, ведь мы не верили своим ушам! Что-то невероятное!

Б.В. Да еще 19-я партконференция – помните?

Б.С. Какие выступления! Казалось, сейчас после них должны тут же подойти… экономисты в штатском…

Б.В. …Да под белы рученьки – из зала!

Ю.К. И этот отставной Ельцин, которого выгнали, – он, оказывается, не расстрелян – он речь произносит на всю страну!

Б.С. …Он остался членом ЦК! Мы, помнится, философствовали на кухнях – почему Михаил Сергеевич его министром сделал, не для того ли, чтобы оставить в ЦК и опираться на Ельцина в борьбе с консерваторами?

Б.В. А самый храбрый человек в стране был Леонид Иванович Абалкин, который посмел публично не согласиться с Михаилом Сергеевичем… Интересно – что будут говорить о нынешнем времени через 3-4 года?

Б.С. Нет ничего более трудного, чем делать прогнозы на 3-4 года! Вот на 100 лет – пожалуйста…

Б.В. Борис Натанович, «ловлю на слове»: а что будет через 100 лет? На что из того, что вы написали, это будет похоже?

Б.С. На «Хищные вещи века».

Б.В. Не дай бог!

Б.С. Почему? Очень неплохое общество, если подумать. Очень справедливое: каждому свое, каждый волен заниматься тем, что ему нравится и что ему по силам.

Б.В. Лучше бы было похоже на «Полдень, XXII век»!

Б.С. Боюсь, что это нереально. Это общество может возникнуть лишь в том случае, если человечество разработает систему высокой педагогики, если мы научимся с детства определить и «поставить» в человеке его главный талант. Чтобы не было людей заброшенных, ущербных, ощущающих свою никчемность, ищущих утешения там, где его нет и быть не может, – в насилии, в наркотиках, в извращениях…

Б.В. Чтобы «никто не уходил обиженный»?

Б.С. В конечном итоге да! Чтобы каждый, склонный от природы стать «out law» – «вне закона», мог получить социальную нишу, где он не мешал бы, а помогал обществу и чувствовал бы себя нужным и «единственным». Тогда возможен «Полдень», иначе – «Хищные вещи века», что, повторяю, – тоже не так уж плохо! Там каждый выбирает себе тот образ жизни, который ему по душе и по силам. Это – свобода!

Б.В. А вы сами – в мире какой из ваших книг хотели бы жить?

Б.С. Конечно, «Полдень»! Этот мир и был написан специально

– как мир, в котором мы хотели бы жить.

Б.В. Борис Натанович, много лет хорошая фантастика была «отдушиной» в тоталитарном мире, «глотком свободы». Теперь этот мир рухнул – не утратит ли свое значение фантастика?

Б.С. Вопрос этот, мне кажется, следует ставить по поводу литературы вообще, а не только по поводу фантастики. Как известно, «поэт в России – больше, чем поэт». И действительно, так в России и сложилось – по крайней мере, со времен Пушкина. И писатель уж два века в России больше, чем писатель. На Западе писатель – это человек, доставляющий сравнительно узкому кругу читателей эстетическое наслаждение или, скажем, развивающий некие социально-философические идеи! А в России каждый хороший писатель нес глоток кислорода человеку, задыхающемуся в атмосфере несвободы… А сейчас атмосфера очистилась! Что бы ни говорили про перестройку – она освободила печать. Она освободила народ от государственной идеологии, каждый волен теперь думать так, как ему нравится, и говорить то, что ему хочется. В этих условиях старая роль литературы изменяется радикально. Сегодня в России поэт – не больше, чем поэт! Поэт – это поэт, и не более того. Но и не менее, разумеется! Обязанности его – «глаголом жечь сердца людей» – никто не отменял…

Б.В. Но фантастика – специфический жанр! Отнюдь не вся литература была «отдушиной»!

Б.С. А я обо всей и не говорю… Я говорю о хорошей литературе! Впрочем, плохая литература – это не литература, а макулатура… Когда десять лет назад я читал Окуджаву, чудом вышедшего из печати, Юрия Трифонова, Фазиля Искандера, чудом пробившихся сквозь цензуру, – это было прекрасно, это был глоток кислорода! Они несли идеи – те самые, что осеняли и меня, они исповедовали нравственность, которую и я как читатель, как человек исповедовал, и я видел: я не один! Они поддерживали во мне мое мировоззрение! В этом и было главное назначение свободной литературы России – поддерживать демократическое мировоззрение! А сейчас такая роль хотя и осталась – но это мировоззрение поддерживается уже и самой жизнью! Для этого уже не надо книг – есть газеты, журналы, митинги, телевизор…

Б.В. Борис Натанович, последний вопрос. Не осталось ли каких-то замыслов, которые возникли еще с Аркадием Натановичем и которые вы планируете довести до конца?

Б.С. Замыслы-то есть, конечно. Буду ли я их доводить до конца – другое дело. Сейчас мне об этом очень тяжело думать. Последние годы нам и вдвоем-то не очень хотелось писать.

Интереснее было читать и писать публицистику. А художественную литературу – даже вдвоем – писать не очень хотелось. Сегодня, когда я остался один, – совсем уж мало желания этим заниматься… Хотя замыслы, конечно, остались, они никуда не делись, более того – они, сукины дети, эти замыслы, по-прежнему появляются в голове! Но захочу ли я этим обстоятельством воспользоваться?.. Не знаю. Просто не знаю.

Б.В. Борис Натанович, существует огромное количество людей, которые никогда не смирятся с мыслью, что ничего нового не будет!

Б.С. Я понимаю, и благодарю вас за эти добрые слова, но что получится и получится ли что-нибудь вообще – не знаю…

Империя наносит ответный удар

С писателем Борисом Натановичем СТРУГАЦКИМ беседуют Борис Вишневский, Константин Селиверстов и Юрий Флейшман

10 июня 1992 г., Санкт-Петербург

Опубликовано в газете «Петербургский литератор», июнь 1992 г.

Примечание: беседа эта была организована специально для «Петербургского литератора», но во многом оказалась продолжением предыдущей. Что ж, некоторые из опасений БНС оправдались – хотя опасность пришла не с той стороны, с какой он ее предвидел…

– Борис Натанович, в ваших книгах есть очень много любопытных предсказаний. И они довольно часто сбываются. Создается впечатление, что Вы все уже давно «просчитали» заранее. И все-таки, какое событие из происшедших за последние годы оказалось для вас неожиданным?

– Во-первых, я хотел бы внести поправку. Мне кажется, нет никаких оснований говорить, что мы так уж много предвидели. Действительно, два, может быть – три серьезных исторических события нам предсказать удалось, но не больше. Я вот только что перечитал «Отягощенные злом». Действие этой повести мы перенесли на 40 лет вперед, в начало 30-х годов XXI века. Писалось все это в 86–87-х годах. Замечательно: у нас там есть ГОРКОМ! У нас там фигурирует «ПЕРВЫЙ» этого горкома! Хотя я с некоторым удовлетворением отметил, что при этом в повести не сказано, горком какой именно партии имеется в виду. Совершенно не исключено, что это – горком какой-нибудь Демократической Партии Радикальных Реформ, например, или что-нибудь в этом же роде. А может быть, и опять коммунистической партии… Вот я читаю сейчас о перестановках в правительстве, наблюдаю все эти осатанелые митинги под кровавыми знаменами и думаю, не могу не думать: а ведь чем черт не шутит! Ведь настроение у людей настолько черное, все и всем настолько недовольны… и демократы наши оказались настолько беспомощны у кормила власти… а демагоги наши красно-коричневые обещают так много, так быстро и ведь совсем задаром… И я подумал: вот это вот – тот самый случай, когда лучше уж оказаться плохим пророком, чем хорошим.

А ведь когда мы писали эту повесть (всего-то пяток лет назад!), мы были совершенно уверены, что коммунистическая партия вечна. Что если она и уйдет с политической арены в

нашей стране, то очень и очень нескоро…

– Вы не исключаете возможности «поворота назад». В какой форме?

– Я сам ломаю голову над этим вопросом. И конечно, никакого определенного ответа у меня нет. Все может повернуться совершенно неожиданным образом. Я сейчас перечитываю замечательную книгу Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха». Когда читаешь там описание обстановки – социальной, экономической, политической, которая предшествовала приходу к власти коричневых в Германии, – иногда обливаешься холодным потом при мысли о том, насколько все это похоже на нас… А через страницу вдруг с облегчением переводишь дух: нет, все-таки непохоже, все-таки у них там было по-другому… Вообще, можно только поражаться, насколько все на свете правые – имперцы, националисты, ультрапатриоты, называйте их как хотите, – насколько все они похожи друг на друга, будь то Германия, Россия или Франция, девятнадцатый век, начало двадцатого, конец двадцатого… Обязательно: милитаризация, мундиры, сапоги, значки, лычки, страстное желание принять стойку «смирно» и поставить в эту стойку окружающих; агрессивность, прямо-таки клокочущая ненависть по любому поводу, истеричность – до визга, до пены на губах; и патологическая лживость, и полное отсутствие чувства юмора, и полное отсутствие элементарного благородства в речах и поступках, и, конечно же, антисемитизм, слепой, запредельный, зоологический… Здесь – сходство полное и угнетающее…

Сейчас лидеры ряда политических партий и газеты соответствующего направления упорно проповедуют идею всеобщего поражения в стране сегодня, всеобщего кризиса, всеобщего позора. Идет нагнетание страшненькой удушающей атмосферы, для которой, на мой взгляд, никаких особенных оснований и нет. Да, бесспорно, имеет место экономический кризис. Да, тяжелый, да, мучительный. Но явление это не такое уж уникальное и редкостное в человеческой истории. Экономика наша больна, это неприятно, даже опасно, но ничего позорного в этой болезни нет. Несомненно, имеет место распад империи. Но если не давать волю истерике, а отнестись к этому историческому процессу без предвзятости, то ничего катастрофического и страшного вы не увидите. Потому что гибель империи вовсе не есть гибель народов. Империи возникают и рушатся, а народы продолжают жить. Возникают новые независимые государства, которые вполне способны сосуществовать, как самые добрые соседи. Да, распалась вбитая нам в головы и в души лживо-порочная идеология и ушла в небытие. Так радоваться бы надо

этому обстоятельству!

– Вы считаете, что в стране все хорошо?

– Конечно, не считаю. Но считаю, что ничего такого уж кошмарно страшного и непоправимого в стране не происходит. Но правым силам НУЖНО создать такую атмосферу в сознании людей, чтобы в очередях, в переполненном транспорте, на «блошиных рынках» люди говорили бы друг другу: «Все! Докатились! Дальше некуда! Позор стране, позор правительству!..» – и так далее и тому подобное… И это в точности напоминает пропаганду правых в Германии в самом начале 20-х. Пропаганда «позора нации» была тем удобрением, на котором взросли страшные ядовитые коричневые сорняки, задушившие Веймарскую республику… И я спрашиваю себя: так что же нужно для того, чтобы вызрел правый переворот? Необходимы ли для этого действительный позор и поражение страны во всем или для этого достаточно МНИМОГО ПОЗОРА, существующего только в истерических речах красно-коричневых лидеров и в газетных статьях? Я не знаю, но готов допустить, что мнимого позора достаточно. Ведь в конце концов, возвращаясь к фашистской Германии: позор военного поражения страна испытала в 1918 году, а Гитлер пришел к власти в 1933-м! За эти 15 лет позор уже, казалось бы, пережили, пережили чудовищную гиперинфляцию, совершенно несравнимую с той, которую мы переживаем сейчас (доллар стоил 4 миллиарда марок!), путчи всевозможные пережили… Казалось бы, все уже «устаканилось», демократическая Веймарская республика укрепилась – но разразился экономический кризис 1929–1930 годов, и коричневые поднялись во весь рост! И – как будто никакой стабилизации не было, как будто только вчера Германия потерпела военное поражение, как будто не успели уже стабилизировать марку… Снова оказались они на плаву со своими злобными лозунгами, со своими призывами к Великой Германии «от моря и до моря»…

Существуют идеи, которые опасны сами по себе, идеи, пробуждающие в добром гражданине зверя, круто замешанные на ненависти, чреватые кровью и смертью. Такова идея РЕВАНШИЗМА. Такова идея ИМПЕРИИ. Такова идея НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕВОСХОДСТВА. Пока они живут – они грозят правым переворотом! А живы они, пока существуют люди, пропагандирующие эти идеи. Пока существуют газеты, книги, поддерживающие это мировоззрение… А потому: нетрудно себе представить, что мы стабилизируем рубль; что демократическое правительство окрепнет – пусть даже оно будет не совсем демократическим, а более технократическим… Но вот стоит в этих вполне благоприятных условиях разразиться

действительному кризису перепроизводства (что теоретически возможно, он и сейчас у нас тлеет – из-за нехватки денежной массы), и они все встанут во весь свой рост.

– В начале беседы Вы упомянули о «беспомощности демократов». Что Вы под этим подразумеваете?

– Я имею в виду совершенно очевидные вещи. Если бы демократы попытались произвести путч 19 августа 1991 года (с тем же результатом), то все бы они сейчас уже давным-давно гнили в концлагере. Все газеты были бы закрыты, запрещены, все глотки, изрыгающие демократические истины – «ложные истины», – были бы заткнуты. И это было бы естественно и понятно всем, в том числе и затыкаемым демократам. Когда же путч поднимают правые силы, находящиеся в оппозиции, демократы вынуждены – если они хотят оставаться демократами – продолжать проводить политику свободы слова, плюрализма мнений и т.д. В этом смысле демократия, если ее не поддерживает благосостояние народа, обнаруживает свою ужасающую слабость и беспомощность. Демократия оказывается беспомощным заложником своих собственных политических принципов!

– После того как путч рухнул, Ельцин закрыл коммунистические газеты, прославлявшие ГКЧП. И кто возмутился первым? Демократы! Еще не обидели ни одного коммуниста, а демократы уже играли в политическое донкихотство, требуя на митингах – не допустить «охоты на ведьм»!

– Самое замечательное не то, что демократы возмутились. Самое замечательное – то, что коммунисты НЕ возмутились, они восприняли бы все эти запреты как должное! Демократы уже кричали вовсю, предупреждая о недопустимости «охоты на ведьм», а коммунисты только еще слабо попискивали на эти темы или вообще помалкивали. Должно ли было демократам, которые осудили действия Ельцина, сохранять интеллигентность в условиях политической борьбы с прожженными циниками и политическими бандитами – это вопрос! И вопрос вовсе не сугубо теоретический. Это вопрос политической практики. Дело в том, что политика обладает определенной внутренней логикой. Иногда она кажется жутко аморальной. Это происходит потому, что основа любой политической логики – это полное отсутствие каких-либо НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ. Политика может быть и подлой, и гнусной, и грязной – какой угодно. Но она не имеет права быть глупой, она не должна приводить к поражению. Вот в конечном итоге единственное требование, которое извечно предъявляется к любой политике. Если политика не приводит к

поражению – значит, это хорошая политика. А какова же цена победоносной политики? Это уж как получится – ответит вам политик-профессионал.

Впрочем, когда речь идет о завтрашнем дне той или иной политики, чрезвычайно трудно что бы то ни было рассчитать. Вот, например, печально знаменитый Жириновский. Казалось бы, он отшлифовал совершенно безошибочный набор обещаний, которые должны приманить на его сторону абсолютное большинство! И при этом отработал и выковал для себя неоднократно проверенный имидж классического Повелителя Дураков. Казалось бы, дело в шляпе и победа – в кармане. Но тут начинают действовать неустранимые и роковые факторы: вполне определенная внешность, неподходящее отчество, никуда не годное происхождение («мать русская, отец – юрист»)… А ведь Жириновский – это случай, так сказать, образцово-показательный. Куда труднее взвесить плюсы-минусы таких имперских лидеров, как Павлов, Бабурин, Стерлигов… И вот хотя все социологические расчеты показывают, что на стороне красно-коричневых от силы 25 процентов, но начинается предвыборная кампания – и что-то происходит. И это «что-то» переворачивает все расчеты вверх тормашками. Очень хочу, чтобы эти слова мои не оказались пророческими…

– К тому же эти опасения сейчас усугубляются резким снижением уровня жизни…

– Я сильно подозреваю, что у правительства нет другой возможности проводить реформу. Нельзя одновременно выполнять две задачи: и стабилизировать экономику, и сохранять при этом достаточно высокий уровень жизни. Слишком далеко зашла болезнь.

– Борис Натанович, реформа так же необходима, как операция, которая хотя и болезненна, но без нее можно умереть. Но уже давно при операциях применяют обезболивание! Существует огромная махина государственной собственности. Почему ее не распродают направо и налево, чтобы наполнить бюджет и смягчить издержки экономической реформы?

– Я сторонник «обвальной» приватизации. Но ведь очень многие считают, что она приведет к самым разнообразным негативным последствиям, среди коих важнейшую роль играет возможный захват собственности номенклатурой и теневой экономикой. Но проблема приватизации сегодня – это не экономическая, это социально-политическая проблема. Помните бессмертное учение о надстройке и базисе? Так вот, в результате всех предшествующих событий, начиная с 1985 года, мы начисто смели надстройку, которая была создана в стране за 70 лет. Все

надстроечные институты сменились – власть другая, правительство другое, партии совершенно новые возникли, культура изменилась, весь менталитет общества стал иным… И вот теперь мы добрались до базиса, до базальтового основания общества, до того фундамента, на котором стояли все эти 75 лет. Базис, как известно, – это отношения собственности. Если сможем мы их изменить, если сумеем переменить хозяина у госсобственности, если создадим мощный социальный слой собственников – слой толщиною во многие десятки миллионов человек, – вот только тогда у нас в стране ситуация станет воистину необратимой. До тех же пор, пока 90–95% всей собственности продолжает принадлежать государству – можно в любой момент повернуть назад, вернуться в старый, добрый, уютный, вонючий закуток, в котором мы провели 70 лет… Именно поэтому месяц за месяцем проходят после августовской победы, а по-настоящему существенных изменений так и не происходит: базальтовая непробиваемая толща перед реформаторами – миллионы начальников, миллионы «совков», отлично понимающих, что этот рубеж – последний, и готовых на все, чтобы не позволить сделать ситуацию по-настоящему необратимой.

В конечном итоге все, что происходит в той или иной стране, определяется не желаниями отдельных людей, а общим настроем многих десятков миллионов. И этот общий настрой рассчитать, вычислить, смоделировать практически невозможно – можно разве что только угадать его. Кажется, у Толстого очень точно сказано, что история есть равнодействующая миллионов воль. И никогда история не движется в том направлении, в котором хочет ее двигать отдельный человек или даже группа людей, – она движется туда, куда, казалось бы, не хочет никто… Вот причина, по которой невозможно УПРАВЛЯТЬ историей. Именно поэтому никакие революционеры и реформаторы НИКОГДА не достигают той цели, к которой стремились изначально…

«Политик – это профессия, которой нельзя научиться»

С писателем беседует Борис ВИШНЕВСКИЙ

1 апреля 1993 г., Санкт-Петербург

«Невское время», 21 апреля 1993 года (с сокращениями)

Комментарий: разговор этот состоялся в начале апреля 1993-го, а 25 апреля, если читатель еще помнит, проходил референдум – о доверии Ельцину, о доверии съезду народных депутатов, о доверии социально-экономическому курсу президента и правительства и о досрочных перевыборах Ельцина и съезда. Это был еще не разгар «войны властей», а лишь первое ее сражение. Но уже тогда те, кто в 1989–1992 годах называл себя демократами, стали делиться на собственно демократов и «реформаторов», на сторонников разделения властей – и на сторонников безусловного приоритета исполнительной власти, которой власть законодательная мешает проводить нужные реформы…

В итоге референдум дал странные результаты: Ельцину доверяем, его курсу – доверяем, а вот досрочных выборов – не хотим. Правда, эти результаты каждая из воюющих сторон впоследствии истолковала по-своему.

Как может видеть читатель, мы с Борисом Натановичем несколько расходимся во взглядах на «войну властей», ее причины и возможные следствия…

– Борис Натанович, что Вас больше всего беспокоит сегодня?

– То, что угроза нового тоталитаризма стала реальностью. Всякий тоталитаризм, фашизм, в частности, становится реален тогда, когда он создал свои параллельные структуры внутри демократического государства, – именно это мы сейчас и наблюдаем. Компартия разрешена, она начала самовосстанавливаться – мы и ахнуть не успеем, как ее первичные организации будут воссозданы по всей стране и возникнет та самая структура, на которую можно будет опереться при конституционном перевороте. Ситуация до боли напоминает то, что происходило в Германии 1933 года: нацисты одержали победу на выборах в парламент, но эта победа ничего бы не решила сама по себе, если бы заранее не была бы создана инфраструктура национал-социалистической рабочей партии во всех городах, во всех землях, по всей провинции. Все было уже готово для того, чтобы взять власть – мирно, бескровно, вполне легально. Так

погибла Веймарская республика, а мир был поставлен на край пропасти.

– Может быть, за последние 3–4 года у нас выработался иммунитет против коммунистической идеологии и власти?

– Я надеюсь на это, однако надо иметь в виду, что компартия, скорее всего, придет к власти под совсем другими, «розовыми», лозунгами и – особенно поначалу – не будет пользоваться своими обычными приемами. Лозунги будут социал-демократические, а во главе встанут не Ампилов и не Нина Андреева (эти люди не могут рассчитывать на широкую поддержку), а такие, как вкрадчивый, велеречивый и умелый Лукьянов; знаменитый наш борец с теорией относительности, вполне интеллигентный профессор Денисов и им подобные. Уставший и отчаявшийся народ может сказать: вот она наконец-то желанная «середина»!.. Долго «социал-демократы» не удержатся, они не способны вести настоящую, жесткую и кровавую борьбу за власть, но проложить дорогу для истинных коммунистов во всей их красе – могут.

– Видимо, досрочные выборы так или иначе неизбежны. Не угрожает ли демократам – учитывая скверную ситуацию в экономике, которая навряд ли скоро улучшится, – сокрушительное поражение, после которого новый парламент окажется таким, что нынешний будет вспоминаться с тоской и умилением?

– Главными соперниками демократов на ближайших выборах будут все-таки еще не коммунисты, а государственники, выступающие под лозунгом «Великое Государство от тайги до британских морей». Демократам придется туго не только потому, что авторитет их подорван экономическим кризисом. Им предстоит выработать и выдвинуть достойную альтернативу привычным, «вечным» российским, великорусским лозунгам государственников. Великое государство – да, но КАКОЕ именно великое государство? Государство свободы, процветания, высокой культуры – или великая «военно-мужицкая держава» (выражение любимого мной Алексея Толстого), наводящая ужас на соседей и на весь цивилизованный мир? Государство, которому завидуют, государство, вызывающее желание подражать, оказывающее на мир мощное влияние через свою экономику и культуру, – или государство, вызывающее страх и ненависть, ощетинившееся ракетами, авианосцами и жерлами пушек? Приходится признать: положение государственников проще – мы все еще на 9/10 в прошлом и только на 1/10 в будущем. Экономика – в прошлом: ВПК в любой момент готов со слезами радости на глазах вновь начать штамповать без счета гребные винты для подлодок и танковые перископы. Политика тоже в прошлом: демагогия,

непримиримость и боевая коммунистическая ярость гораздо более у нас в чести, чем разумный анализ ситуации и деловая дискуссия по существу. Спроси у любого на улице: что такое великое государство? Ответит: то, которого боятся. А если не боятся – значит, не великое… И ничего тут не поделаешь: так нас учили. И как объяснить теперь любому и каждому, что если государственники придут к власти, – это война, кровь, катастрофа? Под лозунгом «за великую Россию» они объявят войну всем сопредельным странам, всему ближнему зарубежью: ведь вернуть эти территории без войны у них не получится!..

– Сегодня много говорят, что, поддерживая президента в его конфликте со съездом, мы выбираем «меньшее из двух зол», что, критикуя президента, мы «льем воду на мельницу красно-коричневых» и так далее. Не кажется ли Вам, что даже меньшее из двух зол все равно остается злом, а не становится добром?

– Кажется. И тем не менее я не могу позволить себе забыть, с кем и с чем конкретно сражается сейчас президент. Кто такие все эти люди, клянущиеся у микрофонов и во время пресс-конференций своей приверженностью конституции и правопорядку? Ведь это все крутые государственники и коммунисты, верные идейные наследники политиков, для которых цель оправдывает ЛЮБЫЕ средства, которые во имя ДЕРЖАВЫ, ИДЕИ и, конечно же, НАРОДА в любой момент готовы растоптать закон, конституцию, права человека, самого человека (и делали это уже неоднократно). Да, сейчас они громко кричат о конституционности и правопорядке, но лишь потому, что лишены реальной силы, нет у них «больших батальонов», нет у них родимой тайной полиции, не могут они ввести в Кремль все эти бронетранспортеры и грузовики мотопехоты, которые все время им чудятся во время съездов… И не зря все это им чудится: будь их воля, они бы давно уже забили Москву десантниками, и загнали бы «так называемых демократов» в КПЗ, и заткнули бы кляпом глотку ненавистной им независимой прессы, так что мы и не узнали бы из газет, что произошло нарушение всех правовых норм, а узнали бы только, что состоялось наконец «святое волеизъявление народа»… Нет уж, лучше авторитарное правление президента, провозглашающего (и обеспечивающего пока!) свободу слова, чем «конституционное» правление этих сомнительных «друзей народа»…

– «Несовместимость» президента и съезда сегодня очевидна. Но тем не менее, может быть, президенту следовало вести себя с депутатами иначе – не друзей превращать во врагов, а наоборот? Или на всех депутатов должностей в исполнительной власти не хватило?

– После седьмого съезда президент постоянно демонстрирует готовность к компромиссу и постоянно наталкивается на бескомпромиссность непримиримых. Они понимают: еще год-два, и – как только кризис удается остановить – последние шансы на победу и власть у них исчезают. Для них компромисс – это поражение, им нужна только победа. И я полагаю, что президент рано или поздно от демонстраций должен будет перейти к делу, иначе возникнет слепой и глухой пат. С одной стороны – президент, не признающий депутатов, с другой – депутаты, объявившие импичмент президенту. С одной стороны – президент, реализующий исполнительную власть со всеми ее атрибутами, но не легитимный (в рамках нынешней уродливой конституции), с другой – полностью (в этих рамках) легитимный съезд, лишенный каких бы то ни было рычагов управления. Страшно подумать, что может произойти в этой патовой ситуации – ведь силовые структуры могут и поколебаться в своем нейтралитете! Там могут найтись люди, которые захотят делать собственную политику. Какой-нибудь полковник решит, что его час наконец настал…

– И пора становиться генералом…

– … и двинет свой полк на помощь легитимной, но бессильной законодательной власти. Это будет началом конца. А потому сейчас у исполнительной власти задача не нарушить конституцию, а как-то обойти ее, пользуясь тем, что она полна противоречий…

– Вас не удивляет, что любой разговор сегодня сбивается на политику?

– У нас в стране процент людей, готовых с азартом высказывать свое мнение о политике, ненормально высок – не меньше, наверное, чем процент футбольных болельщиков. Что же, высказать мнение – право каждого. Но вот занятие политикой – это совсем другое дело. Политик – это профессия, которой нельзя научиться! Писатель, изобретатель, политик… Это – от бога, либо дано тебе, либо нет…

– Как талант у Шолом-Алейхема…

– Да. И эта профессия требует совершенно особой системы нравственности. Политика – это весьма специфическая область человеческой деятельности, политика не бывает нравственной или безнравственной, политика бывает результативной или безрезультатной. И любая политика строится по принципу «цель оправдывает средства». Значит ли это, что ЛЮБЫЕ средства хороши для достижения благородной цели? Нет. Политические средства допустимы, если они идут на пользу делу, но не переходят простого и ясного предела: не нарушают прав человека.

Для меня не существует политиков, перед которыми бы я преклонялся, для меня существует некий курс, который должен проводиться: экономическая реформа, политическая реформа, безусловное обеспечение свободы слова и печати. И я буду поддерживать того, кто этот курс проводит. Но политика не бывает доброй или злой, честной или подлой. Она бывает или верной, или неверной – как шахматная игра.

– А если я стащил ладью у отвернувшегося противника?

– Это уже не шахматы, это другая игра!

– Не выступил ли президент сейчас в роли О. Бендера? Парламент ему: «у нас все ходы записаны! у нас конституция!» А в ответ: «Контора пишет!»

– Нет, президент правил игры не нарушал. И вообще, у меня такое впечатление, что на бедного президента громадной тысячной толпой навалились депутаты и, опираясь на противоречивые статьи конституции, делают что хотят. А президент только отбивается…

– Не сам ли президент изо всех сил создает у Вас (и не только) это впечатление? На Руси любят несправедливо обиженных! Эффект-то чисто количественный: мы видим на экране одного президента и тысячный съезд, но власти у них поровну. Хасбулатов на собрании трудового коллектива правительства и администрации президента тоже выглядел бы ведущим неравный бой…

– Я твердо знаю, что сделал президент. Он сдвинул с места громаду реформ, то, что до него НИКТО не решался сделать: провел либерализацию цен, начал приватизацию, регулярно защищает свободу слова… Что делает съезд? Регулярно выступает против либерализации, тормозит приватизацию и непрерывно грозит свободе слова. Соответственно я к ним и отношусь. И съезд опасен даже не тем, что он что-то там грозит затормозить, а тем, что из этой политической язвы растет РЕСТАВРАЦИЯ. Ведь задача тех государственников и коммунистов, которые задают тон на съезде, – восстановление великой империи, восстановление Союза – чрезвычайно понятна громадному большинству населения! Недавно Зюганов сформулировал и лозунг: что-то вроде «православие, самодержавие, народность». Все может вернуться на круги своя – люди для занятия должностей у них готовы…

– Тем более что огромное большинство номенклатурщиков спокойно служит в исполнительной власти, даже кабинетов не поменяв. Долго ли им перейти к «старым новым» хозяевам?

– Сразу после путча я говорил в интервью Константину Селиверстову: «Нарыв прорвался, но гной не вытек!» Тысячи и

десятки тысяч чиновников и военных должны были быть уволены со своих постов. Этого не произошло…

– В марте 1992-го президент заявил: «Не допущу избиения опытных кадров!»

– Тогда он, видимо, еще надеялся на компромисс. Но рано или поздно ему придется пойти ва-банк, если он действительно хочет остановить реставрацию. Боюсь, что другого пути у него нет. Я против АНТИКОНСТИТУЦИОННЫХ действий, но боюсь, ему придется пойти на НЕконституционные. Или президент «обойдет» конституцию, или проиграет Новую Россию. Идеальный вариант здесь – досрочные выборы профессионального Верховного Совета. Это, правда, тоже неконституционное решение, но, в конце концов, главное – не нарушать прав человека, я снова и снова это повторяю. И не должно быть спуску тем, кто нарушает закон, тем, кто призывает к насилию, кто разжигает межнациональную вражду. Но – только через суд!

– Если говорить о досрочных выборах – Вы не думаете, что печальный пример Литвы, где абсолютно легитимно перекрасившиеся коммунисты пришли к власти, а демократы из «Саюдиса» остались за бортом, настораживает? Не получим ли мы в конце этого или начале следующего года еще худший парламент, чем нынешний?

– Это будет зависеть от формулы выборов и от структуры нового парламента. Однако я почти уверен, что ТАКОГО съезда, такого влияния «красно-коричневых» у нас уже не будет. Если корпус кандидатов в депутаты подберется по принципу «профессионализм плюс готовность к реформам», то мы можем получить очень приличный парламент из людей деловитых и умеренных – технократов и прагматиков. Как-никак, все известные мне социологические опросы явно демонстрируют преимущество сторонников новой России перед консерваторами и реакционерами.

– Восприняли бы Вы как нарушение прав человека идею запрета на профессии для бывшей партноменклатуры? Или хотя бы моратория на занятие должностей на госслужбе?

– Не воспринял бы. Но оценил бы как поступок нецелесообразный. Я не увязываю накоротко политических убеждений человека с его способностью эффективно делать дело. Особенно если политические эти убеждения носили в прошлом чисто формальный характер, а нынешняя деятельность человека далека от политики. Да, с правовой точки зрения такой указ бы меня не взволновал. Но, с другой стороны, я лично знаю многих бывших коммунистов (точнее – партийцев), которые вполне могут успешно работать в рамках демократии. Наверно, нужен какой-то

более гибкий механизм, нежели формальный запрет. Смешно же предполагать, что среди беспартийных процент людей умных, честных и энергичных был существенно выше.

– Речь о номенклатуре – там требовались особые качества. И потом, не кривя душой: в партию шли в основном за карьерой, а продвижение «наверх» происходило отнюдь не по признакам профессионализма.

– Да, я понимаю это. Хотя людей, которые НЕ вступали в КПСС по идейным соображениям, было ничтожно мало. Я и сам мог бы быть членом КПСС, если бы мне предложили это сделать до XX съезда. Только после того, как я много узнал и основательно все продумал (перестал разделять эту идеологию), я уже не смог бы сделать такого шага, это было бы бесчестно. Что же касается «карьеры», то в карьеризме же нет ничего априорно плохого, «сделать карьеру» – цель не хуже любой другой, тут важно только, чтобы средства оставались в рамках нравственности и порядочности.

– Не кажется ли Вам, что сейчас мы живем, как в «Обитаемом острове» после уничтожения башен? Некое лучевое голодание – одни рвутся на митинги, другие тоскуют о сильной руке, и многие бродят в растерянности, привыкнув жить под идеологическим наркозом…

– Я бы назвал это состояние идеологическим похмельем. Старая идеология рухнула, новой нет. Поэтому, между прочим, многим так не нравится ТВ и вообще средства массовой информации: там разброд мнений, а люди привыкли, что сказанное по ТВ или написанное в газете – истина в последней инстанции.

– Вы известны как специалист по прогнозам. Какие из них за последнее время были неудачными?

– Я вовсе не считаю себя специалистом по прогнозам. Я скорее любитель и ошибаюсь всю жизнь. Самая последняя моя «промашка» – то, что касалось путча и его результатов. Мне было совершенно ясно, что путч неизбежен, и я нисколько не удивился, когда он произошел. Мы с Аркадием Натановичем даже успели написать пьесу «Жиды города Питера», где описали (в аллегорической форме, разумеется) этот путч, причем правильно угадали, что наше поколение шестидесятников в большинстве своем примет его со склоненной головой. В отличие от поколения молодого, которое на этот путч, как говорится, «положит крестообразно и кольцеобразно». Но мы не угадали, что все кончится так быстро. Я был уверен, что это – долгая и тошная история на 2–3 года, а кончилось все за три дня. Тут я дал такую же промашку, как и с перестройкой вообще, – 10 лет назад мне

казалось, что я не доживу ни до каких перемен, что компартия вечна, что выход – только в гигантской войне, а раз так, то уж лучше то гниющее болото, в котором мы сидим.

Я, как истый шестидесятник, – пессимист, и в оптимистических ситуациях я проигрываю. А там, где вещи смотрятся оптимистически, – я становлюсь страшно суеверным и боюсь накликать беду. Вот и сейчас я заставляю себя быть пессимистом – идет скатывание страны к прошлому! Слишком много людей захотело назад, и голоса их звучат сегодня громче, чем голоса сторонников реформ, которые вынуждены оперировать сложными экономическими понятиями – в отличие от их оппонентов с их простейшими лозунгами: отобрать, поделить, разгромить, посадить… Но есть, разумеется, основания и для оптимизма: уже существует достаточно большой социальный слой людей, вошедших в новый образ жизни. Их не более 20–25%, но они активны, и они будут активно защищать себя и новый курс. Вторая надежда – деидеологизация молодежи. Те, кому сейчас, скажем, меньше сорока, равнодушны и к Ельцину, и к Хасбулатову, они живут своей жизнью и делают свое дело. А кроме того, историческая правота – за реформами и реформаторами…

– Борис Натанович, но если большинство в обществе желает вернуться назад, то как раз съезд, а не президент выражает волю народа…

– Это очень важный вопрос! И дьявольски сложный. С одной стороны, демократия – это по определению воля большинства. С другой – если бы человечество всегда следовало воле большинства, мы до сих пор жили бы в пещерах и охотились бы друг на друга с луком и стрелами. Очевидно, необходим некий разумный компромисс между волей большинства и потребностями энергичного, целеустремленного, образованного меньшинства. Ведь цивилизацию развивает не большинство, а подавляющее (и подавляемое) меньшинство! Выньте из человеческой истории пять-десять сотен людей, имена которых занесены во все энциклопедии, и мы разом окажемся в каменном веке!..

– Знаете, очень похоже на аргументы большевиков – они тоже «знали, как надо», 70 лет затаскивая нас, неразумных, силой в светлое будущее. Как-то не хочется повторения…

– Повторения и мне не хочется. Не могу не отметить, однако, что тогда нас «тащили» в направлении, противоположном развитию цивилизованных стран, а сейчас речь о том, чтобы вернуться обратно в нормальный мир, встать на уже испытанный и проверенный путь.

– Ходят упорные слухи, что Вы что-то пишете. Это правда? И что именно, если не секрет?

– На эти вопросы я не отвечал никогда раньше, не отвечаю и сейчас. Да, пишу. Пытаюсь писать. Медленно и трудно. И не знаю, сумею ли закончить.

– Не давно ли это ожидаемое продолжение «Обитаемого острова» – о приключениях Максима Каммерера в Островной империи?

– Мне неинтересно сегодня писать о Максиме Каммерере.

– Вас как настоящего писателя должно беспокоить, будет ли это интересно читать. Если провести референдум среди любителей фантастики – писать Вам это или не писать, – ответ будет однозначный…

– Именно поэтому такие референдумы и не имеют никакого смысла…

«Дорога в десять тысяч ли начинается с первого шага»

С писателем Борисом СТРУГАЦКИМ беседует Борис ВИШНЕВСКИЙ

11 мая 1993 г., Санкт-Петербург

Частично опубликовано в «Смене» 8 июня 1993 года

Комментарий: беседа эта состоялась уже после референдума 25 апреля, что же касается основной темы, в ней затронутой, – она, увы, актуальна до сих пор. И до сих пор одна часть интеллигенции считает возможным поддерживать власть, и не только поддерживать, но порой и прославлять – в форме откровенно постыдной. Другая же часть такой точки зрения не придерживается, более того – полагает, что свобода слова (в благодарность за которую ей, интеллигенции, следовало бы власть поддерживать) есть не более чем иллюзия. Точнее, она есть не более чем свобода поддерживать власть и критиковать ее оппонентов.

Просматривая эту беседу через семь лет, трудно не отметить: коммунистический реванш, которого так опасался все эти годы Борис Натанович, так и не наступил – точнее, наступил, но вовсе не в той форме, в которой он его опасался. Боюсь, что ежели бы тогда, в мае 1993-го, я попытался предсказать Борису Натановичу, что вторым по счету российским президентом станет полковник КГБ, он либо не поверил бы, либо расценил бы это именно как реванш…

– Борис Натанович, задавая тему для беседы – «интеллигенция и власть», не скрою, что перед референдумом 25 апреля поведение многих представителей интеллигенции выглядело уж очень «верноподданным» по отношению к президенту…

– Кто-то заметил, что интеллигенция всегда выступает против любой власти и против любого правительства. Они несовместны – интеллигенция и власть, интеллигент и политик. Главная задача политика – удержать власть. Все прочее для него – вторично. Если он перестал стремиться к выполнению этой задачи – значит, он перестал быть политиком, ибо власть для политика – воздух, без которого он превращается в труп. Главная же задача интеллигенции – искать истину и говорить правду, превращать истину в правду. Это – не одно и то же: правда – это сформулированная истина, ставшая всеобщим достоянием.

Истина – как железная руда, а правда – изделие из этого железа… Так вот: придерживаться истины и держаться за власть – это задачи если и не совсем противоположные, то уж во всяком случае «перпендикулярные», в подавляющем большинстве случаев они не совпадают.

Для политика правда – это одно из возможных средств достижения цели: если полезно сказать именно правду, политик скажет правду, если же нет – в ход пойдут неправды соответствующих калибров и степеней загрязненности. А поскольку «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», политик, как правило, предпочитает неправду (во время одной телепередачи я слышал, как некий ветеран со знанием дела объявил своему интеллигентствующему оппоненту: «На правде молодежь не воспитаешь!»). Для интеллигента же говорить неправду – все равно что сукно жевать: отравиться не отравишься, но очень уж противно. И вот именно поэтому, мне кажется, интеллигенция и власть обычно находятся во взаимном неудовольствии.

– Отчего же у нас возник и расцветает махровым цветом пропрезидентский «одобрямс»?

– Надо вспомнить, что, может быть, впервые в истории государства Российского во главе его стоит человек, который не только сам не затыкает интеллигенции рот, но еще и заявляет во всеуслышанье, что никому не позволит этого делать!

– И за это качество (абсолютно нормальное в нормальном государстве, а вовсе не заслуживающее восхищения) интеллигенция готова восхвалять власть круглые сутки?

– Интеллигенция наша (подчеркиваю – НАША) готова прославлять такую власть точно так же, как задыхающийся в астматическом приступе человек прославляет того, кто дает ему кислород. Ибо возможность думать так, как считаешь правильным, и говорить во всеуслышанье то, что думаешь, – это и есть кислород интеллигенции! И сегодня, впервые в истории, во главе России стоят люди, не перекрывающие этот кислород. Никому. Вплоть до парадоксов: они не перекрывают его даже тем, кто выступает самым недопустимым и оскорбительным образом непосредственно против них… Так что любовь интеллигенции к нынешнему правительству совершенно понятна. Тем, кто дал ей свободу, интеллигенция способна простить очень многое – и провалы в экономике, и падение жизненного уровня, и погибшие накопления к старости, – все можно отдать в обмен на кислород… Это одна сторона вопроса. Но есть и вторая: мало того, что эта власть обещает свободу и дает ее, – интеллигенция наблюдает противостояние этой власти с людьми, которые и не

скрывают своего намерения этот кислород перекрыть при первой же возможности, забить старый добрый кляп в глотку средствам массовой информации и всякому, кто позволит себе умничать и диссидентствовать. Так чего же вы хотите? Интеллигенция поставлена в безвыходное положение: или она, преодолевая естественную свою неприязнь к властным структурам, всеми силами и способами будет поддерживать (в целом) нынешнюю власть, либо она будет привычно поносить ее – и лить воду на мельницу тех, кто, одержав победу, заткнет ей, интеллигенции, глотку по возможности навсегда…

– Вы не помните, как наших диссидентов коммунистическая власть обвиняла в том, что они «льют воду на мельницу американского империализма»? А нынешняя власть использует тонкую тактику: контролируя телевидение и радио, она намеренно предоставляет слово для своей критики только одиозным фигурам: Невзорову, Бабурину, Макашову, Павлову… Невзоров противен – но он-то имеет возможность критиковать власть, тем самым лишь укрепляя ее. Зато никто из «нормальных» политиков слова для критики президентской команды на телевидении не получит, ведь сразу рухнет миф о том, что «против» – только «красно-коричневые»!

Никогда не верил в реальность угрозы – для меня и для моей страны – «американского империализма». Своими глазами вижу страшную, абсолютно реальную угрозу коммунистического реванша со всеми вытекающими из него последствиями. Все перечисленные вами люди – отнюдь не есть какие-нибудь телевизионные фантомы или пропагандистские мальчики для битья, – это совершенно реальные политические фигуры, преследующие вполне определенные политические цели и ничуть не скрывающие ни своих убеждений, ни намерений – вполне плотоядных. Если интеллигенция из чувства брезгливости или высокомерия своего не сделает ВСЕ, чтобы не допустить их к власти, она получит то, чего заслуживают брезгливые и высокомерные глупцы…

– Не кажется ли Вам, что власть сегодня крайне нуждается в поддержании постоянной иллюзии «красной опасности»? Причем настолько, что многое следовало бы организовать, если бы оно не происходило на самом деле? Естественно, что напуганная этим «призраком коммунизма» интеллигенция начинает шарахаться в сторону славословий власти, якобы единственно способной спасти от этого призрака страну…

– Красно-коричневая опасность – отнюдь не призрак. Это реальность – жестокая и опасная. Не забывайте: треть страны на референдуме 25 апреля проголосовала ПРОТИВ – против

президента, против реформ, против новой России. И еще одна треть то ли промолчала, то ли отмахнулась с раздражением. Именно в таких вот ситуациях неустойчивого равновесия сил и приходят к власти нацисты и красные радикалы. Так что, может быть, впервые в истории у нашей интеллигенции появилась возможность воевать за «свое» правительство, которое противостоит нацистам и коммунистическим реваншистам. И она делает это с энтузиазмом, и готова ждать и терпеть, и закрывает глаза на многие недостатки и просчеты, которые не простила бы правительству Рыжкова – Павлова.

– Далеко не уверен, что многие «прогибающиеся» перед президентом и его командой (и, соответственно, поносящие парламент) делают это бескорыстно. Кому будет отдано предпочтение при распределении дотаций Министерства печати – проправительственным «Известиям» или пропарламентской «Российской газете»? Но все-таки нет ли противоречия: Вы сами полагаете главным свойством интеллигенции – говорить то, что думаешь. Но, выходит, сегодня большая часть интеллигенции накладывает на себя «обет молчания», когда речь идет о критике президента, – даже тогда, когда его неправота очевидна, дабы не оказаться «в одной лодке» с «красно-коричневыми»?

– Думаю, что противоречия на самом деле нет. Во-первых, совершенно не вижу я этих ваших интеллигентов, «наложивших на себя обет молчания». Где вы таких раздобыли, молчаливых? По-моему, сегодня только ленивый не ругает исполнительную власть. Во-вторых, не забывайте, что интеллигенция и красно-коричневые говорят на разных языках. Есть язык критики, и есть язык брани. И те и другие могут быть недовольны президентом, но причины недовольства и, главное, форма выражения этого недовольства совершенно различны! Можно, например, ругать президента за то, что реформа проводится не так, как хотелось бы, но при этом одни говорят: «Президент! Нельзя быть таким вялым! Извольте принимать решения!», а другие вопят: «Долой оккупационное правительство Ельцина!» При этом и первые, и вторые недовольны, по сути, одним и тем же: спадом производства, инфляцией и снижением жизненного уровня. И те и другие хотят выбраться из ямы, в которую угодили, но одни хотят выбраться на дорогу вперед, а другие – на дорогу назад. Одни доверяют исполнительной власти, другие сами хотят такою властью стать. Одни, будучи людьми воспитанными, бранят ситуацию в рамках парламентских, другие, будучи распоясавшимися вчерашними холопами, в выражениях не стесняются. Но никто не молчит. Что характерно.

– Обратите внимание: среди интеллигенции в ряды тех, кто

привлечен «на подмогу» президенту, подавляющую часть составляют как раз «шестидесятники», всю жизнь проведшие – по Вашему же недавнему выражению – «со склоненной головой». Сегодня они получили свой маленький «глоток свободы», многие из них ощутили себя властителями дум, но ведь так очевидно, что кран на кислородном шланге не сломан, не уничтожен – его только слегка приоткрыли. И власть, которая держит руку на этом кране, в любой момент может его перекрыть. Так не наивна ли надежда на доброго властителя, дарующего свободу? Сегодня дал – завтра заберет…

– Свобода, которая просуществовала достаточно долго, перестает зависеть от властителя. Попробуйте отобрать свободу в США или Англии! Да, там свобода существует 100–200 лет, а у нас – только один-два года, но – «дорога в десять тысяч ли начинается с первого шага». Сегодня этот шаг сделан, и теперь надо продержаться, чтобы были сделаны второй, третий… а там, глядишь, процесс станет уже необратим.

– Возможен ли еще «поворот назад»?

– Конечно. Но только насильственным путем, только через террор. Придется сажать в тюрьму десятки и сотни людей… Скажем, журналисты, которые уже глотнули свободы, эту свободу теперь не отдадут ни по указу, ни по приказу. Они будут бастовать, устраивать демонстрации, шуметь, вопить на весь мир, и уговорить их замолчать, одуматься, прикусить язык будет уже невозможно. Останется только один способ: запугать, да так, чтобы застыли от ужаса! Наше поколение – шестидесятников, поколение людей с переломленным хребтом, – нас припугнуть несложно, мы – пуганые, а вот новые, 30-летние, они же настоящего страха не знают, они не понимают даже, что это такое: молчаливо терпеть и терпеливо молчать. Их придется запугивать заново, и запугать будет ой как не просто. Да в человеческих ли силах повторить такое сегодня? И время не то, и люди не те, а главное – нет под рукой идеи, ради которой можно было бы на все это пойти, которая освящает любое злодеяние и любому палачу предоставляет возможность ощущать себя борцом за счастье народное. Нет сегодня такой идеи. И слава богу.

«Шестидесятники – это большевики»

Шестидесятники и нынешние сорокалетние – те, кто завтра придет на смену сегодняшним властителям. Что у них общего и в чем различие? На эту тему беседуют писатель Борис Стругацкий и депутат Санкт-Петербургского городского Совета, заместитель председателя Политсовета движения «Демократическая Россия» Андрей Болтянский

14 июня 1993 года, Санкт-Петербург

Комментарий: отчаянно жаль, что этот разговор, в котором я был не участником, а лишь внимательным наблюдателем, так и не удалось нигде опубликовать – хотя бы в сокращении. Прошло лишь три месяца – и незримые баррикады, которые обсуждались в этом разговоре, стали реальностью. Наступила «черная осень 1993-го», разгон и расстрел парламента Ельциным, а затем – долгая эпоха авторитаризма, длящаяся и по сей день…

А.Б. Борис Натанович, достаточно очевидно, что у шестидесятников и у сегодняшних 35–40-летних СТРАТЕГИЧЕСКОЕ понимание целей общественного развития совпадают; а вот реакция на КОНКРЕТНЫЕ события – например, отношение к противостоянию президента и съезда, к известному «указу об особом управлении», к референдуму 25 апреля, к президентскому варианту конституции, отношение к нынешнему мэру города часто противоположно. Думается, важно понять – с чем это связано? Меня, например, не перестает удивлять готовность шестидесятников прощать нынешним правителям практически все: многочисленные ошибки, непрофессионализм, постоянное стремление подмять под себя закон. Возможно, это связано с внутренним – «генетическим» – страхом шестидесятников перед прошлой системой, боязнью того, что может стать еще хуже?

Б.С. Разница, возможно, в том, что мы по-разному представляем себе, что в сегодняшней политической ситуации является главным, а что – нет. Ведь шестидесятник сочетает в себе удивительным образом совершенно противоположные представления! С одной стороны, он глубоко убежден в том, что всякая политика есть дело грязное и что без грязи политику делать нельзя. Ведь политика – прежде всего борьба за власть…

А.Б. Но борьба за власть – лишь часть политики, самое сложное начинается потом, когда надо распорядиться завоеванной властью…

Б.С. В представлении шестидесятников, полученная власть –

дело еще более грязное: получив власть, ты в принципе меняешь цель своей жизни. Теперь у тебя главная задача – эту власть удержать… Но, возвращаясь к позициям шестидесятников: с одной стороны – политика грязное дело, это необходимость лгать все время, потому что правдой ничего не добьешься, только ложью. А с другой стороны – политикой заниматься надо! И, понимая, что нет политики без грязи, шестидесятники понимают, что не может быть жизни без политики.

А.Б. Безусловно, в политике немало ситуаций, когда говорить правду трудно и, скажем, для карьеры было бы много полезнее если уж не солгать, то хотя бы промолчать. Поскольку у нынешних власть предержащих на первом, втором и третьем местах верность, преданность и лояльность, где-то на четвертом – профессионализм, ну а человеческая порядочность и вовсе из списка выпадает. Но во многом такая шкала ценностей порождена предыдущей системой, а мировая история дает достаточное число примеров, когда крупные политики были и по-человечески людьми вполне достойными.

Б.С. Мы очень мало знаем о крупных политиках… Из опыта своего могу утверждать, что, говоря, скажем, о Джефферсоне или Франклине Рузвельте, – мы высокого мнения о РЕЗУЛЬТАТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ этих политиков. Но это абсолютно не означает, что результаты были достигнуты чистыми руками, с ясной улыбкой на устах и без грязных мыслей или намерений.

А.Б. А хрестоматийный пример политика, который хотя и не обладал властью, но, безусловно, политическим деятелем являлся, – Андрей Дмитриевич Сахаров? Да, я согласен с тем, что реальную политику трудно делать в белых перчатках. Но тезис о том, что средства не менее важны, чем цель, является для меня глубоко принципиальным.

Б.С. Вы совершенно правы с одной стороны и совершенно неправы с другой. Во-первых, Андрей Дмитриевич Сахаров НЕ БЫЛ политиком! Это – типичный ПРОРОК, это – Будда, Иисус, но не политик. Он никогда НЕ СТРЕМИЛСЯ к власти и уже поэтому не может считаться политиком. Он никогда НЕ ИМЕЛ власти, и мы ничего не знаем о том, как бы он повел себя, получив ее. Две самые важные ипостаси политика – когда он добивается власти и когда он ее получает. И нет ни той, ни другой!

А.Б. Это как раз принципиально! Вы на самом деле полагаете, что если человек подался в политику, то его «нравственная ипостась» должна быть «обрублена»?

Б.С. Не так! Мы можем называть человека политиком в одном из двух случаев: либо он имеет целью получить власть, либо он ее удерживает.

А.Б. Не вполне согласен с вами. К примеру, тот же Будда, безусловно, в широком смысле был политиком – не упрощенного, а более глобального типа. То же самое можно сказать и об Иисусе. Ведь он не остался в пустыне, а пришел проповедовать в Иерусалим; и совершенно не случайно окружающие называли его Царем иудеев. И я полагаю, что в будущем как раз потребуются политики, у которых доминирующим будет не столько стремление к власти ради власти, сколько стремление к более глобальному влиянию на общество – когда власть лишь средство, а не цель.

Б.С. Может быть, следует договориться о терминах? Кого считать политиком и что считать политикой? Можно ли считать политикой влияние на души людей?

А.Б. Мне кажется, Вы сводите роль политика к администратору, что принципиально неверно. Разве влияние на общественное мнение – не политика? Те же Лев Толстой и Александр Солженицын оказывали на него громадное влияние и, безусловно, являются не только литераторами, но и мыслителями, если угодно, общественными деятелями.

Б.С. Наверно, можно понимать политику и так обобщенно, и тогда мои суждения теряют категоричность. Есть политика как стремление к власти над телами и душами людей – то, что вы называете административной властью, и есть политика как стремление влиять на ход событий вообще – в самом широком смысле этого слова.

А.Б. Не кажется ли Вам, что если рассматривать политика только как администратора, то в эту сферу деятельности будет приходить далеко не лучшим человеческий материал? Принципиально важно, однако, чтобы в политику приходили лучшие – пусть даже они и будут стремиться по необходимости и к обладанию какой-то административной властью тоже. Слишком уж многое в нашей стране зависит от людей, имеющих реальную власть.

Б.С. Каждая из наших «ветвей власти» – есть СИЛА! Исполнительная – просто отдание приказов, прямое управление людьми. Законодательная – создание правил, по которым осуществляется это управление, и контроль за исполнительной. И судебная – опять же, СИЛОЙ заставляет «слушаться» двух первых властей. Можно ли это сравнивать с управлением душами? Так вот, давайте подумаем: какое насилие над собой должен произвести шестидесятник, чтобы согласиться участвовать во всем этом? Стать народным депутатом, готовить законы и не только высказывать идеи – но и отстаивать их! Следовательно, либо шестидесятники должны отказаться от попыток участвовать

во власти, либо – поставить на себе крест как на людях определенного склада. А это для них очень важно. Они ведь большевики – шестидесятники…

А.Б. Любопытное признание!

Б.С. Это безусловно так! Если шестидесятник скажет себе – Федя, НАДО, – то он сбросит с себя эту шелуху, сгнившие листья нравственности, которые мешают, растопчет свою душу, наступит себе на горло – и прекрасно будет работать во власти. Но только он уже перестанет быть самим собой…

А.Б. К великому сожалению, при всей моей искренней симпатии к поколению шестидесятников, многие из них действительно большевики в душе. Но в данном случае дело не в этом. Приход шестидесятников в союзный парламент был все же заметен и, несомненно, полезен обществу. Выступления Евтушенко, Адамовича, Афанасьева слушала вся страна. Например, одной своей фразой об «агрессивно-послушном большинстве» Афанасьев, возможно, достиг большего общественного эффекта, чем всеми своими историческими статьями. Или Бурлацкий – при всех претензиях к нему – активно участвовал в принятии закона о въезде и выезде… Возможность влиять на принимаемые законы – очень важна, и важно, как мне кажется, чтобы приходящие в политику и во власть люди думали не только об административной ее ипостаси, но и об этом влиянии. Впрочем, если не возражаете, давайте обсудим один вполне конкретный вопрос. Я имею в виду любовь шестидесятников к нынешнему президенту. Временами эта любовь выливается в просто-таки неприлично верноподданнические проявления…

Б.С. У нас есть президент, который постоянно демонстрирует стремление к проведению реформ, и есть парламент, который постоянно угрожает повернуть назад. Конечно, шестидесятник не дурак – он прекрасно понимает, что вокруг президента тоже собрались не ангелы, но один из признаков шестидесятника – и один из признаков большевизма – постоянная ситуация выбора! Шестидесятник привык делать выбор между черным и белым…

А.Б. Делить страну, в которой живешь, на своих и чужих, постоянно видя перед собой баррикады, это ведь и есть большевизм! «Кто не с нами – тот против нас»…

Б.С. Шестидесятник прекрасно понимает, что это подлый принцип, уголовный по сути своей. Но реальная жизнь устроена так, что иначе не бывает…

А.Б. Давайте разберемся спокойно. Вы говорите: у нас есть парламент, который зовет назад. Честно говоря, я тоже далеко не в восторге от нынешнего состава парламента. Но это тот

парламент, который принял программу приватизации (от которой исполнительная власть все время пытается отклониться, от этой программы куда-то в сторону). Это тот парламент, который ввел российский суверенитет, который после 104-й статьи конституции, гласящей о всевластии съезда (кстати, принята она была тогда, когда председателем парламента был Ельцин), принял 3-ю статью, закрепляющую разделение властей. Тот, который избрал Ельцина, который в августе 91-го практически единодушно встал на защиту демократии. Это абсолютно те же люди! Теперь – о черном и белом. Не кажется ли Вам, что «красно-коричневая угроза» подбрасывается обществу вполне осознанно? В том же парламенте, мне ничуть не симпатичном, эти взгляды разделяют от силы четверть депутатов. Ведь почему многие голосуют за Ельцина? Потому, что иначе якобы придут красно-коричневые. Но все последние социологические опросы дают коммунистам вместе с националистами 15–20 процентов. Это исключает не то что приход их к власти – даже по-настоящему серьезное влияние на будущие парламентские решения. Далее: нынешние красно-коричневые исключительно ВЫГОДНЫ нынешнему правительству. Если бы их не было, то банкротство Правительства стало бы заметно через 2-3 месяца. А так постоянно муссируется один и тот же тезис: если не мы, то эти! Посмотрите, кто придет, если вы не будете нас поддерживать! Вот, например, как только начинает падать интерес к Невзорову – сразу начинаются попытки его закрыть, неуклюжие какие-то и, очевидно, ставящие задачу реанимации интереса к нему. Ведь ни малейшего труда не составило бы – не закрыть его, а перенести на час ночи, и пусть себе вещает. Нет, дали самое популярное время! Теряют интерес к газете «День» – начинаются попытки закрыть, чтобы восстановить его… То, что власти сознательно поддерживают миф о «красно-коричневой опасности», – настолько очевидно, что не вызывает у нас сомнений. И здесь власть достаточно просто «играет» на этом генетическом страхе шестидесятников перед прошлым, который перевешивает здравый смысл. Вы говорите – выбор между черным и белым. Но выбирать Вам предлагают между совсем черным, мерзким и таким же черным – вместо того чтобы хотя бы однажды избрать хотя бы что-то серое…

Б.С. Ваш первый тезис: парламент не так уж плох и не так опасен. И второй тезис – конечно, чисто большевистский: перед нами гигантский заговор власти, все понимающей, обладающей полнотой информации и сил, и ее тонкий расчет и план, который реализуется. Все это – ГИПОТЕЗЫ. Я не скрываю, что они выглядят правдоподобно, но можно против этих гипотез

выдвинуть другие – не менее правдоподобные.

А.Б. Вы говорите, что президент постоянно отстаивает свободу печати и СМИ, а парламент постоянно на нее покушается. Но не кажется ли Вам, что у Вас СОЗДАЛИ такое мнение? Президент достаточно жестко подчинил себе подавляющую часть СМИ, а его команда при этом еще (по принципу «держи вора!») обвиняет оппонентов в покушении на свободу слова. Такими покушениями объявляются любые попытки протестовать против монополии на СМИ у исполнительной власти, против искажений в описании работы и позиции даже очень несимпатичного парламента, попытки создать равные условия на телевидении для различных политических сил… Скажем, перед референдумом 25 апреля на подвластном исполнительной власти ТВ вытворялось такое, что в любой цивилизованной стране было бы чудовищным нарушением свободы слова! Например, то, что действует исключительно на подсознание: на 30 секунд появляется заставка: «Да, да, нет, да». И так раз 5–10 в день… Парламент обвиняют в покушениях на свободу слова за попытки создать наблюдательные советы на ТВ. Но они существуют в подавляющем большинстве демократических стран! В них входят представители разных фракций, и задача их – обеспечить представление на ТВ всех точек зрения.

Б.С. Я же прекрасно понимаю, какие фракции составляют большинство в нашем парламенте. Если эта идея проходит, то наблюдательный совет будет состоять из красно-коричневых…

А.Б. И поэтому Вы предпочитаете, чтобы гарантом свободы слова был добрый президент? А что Вы будете делать, когда президент будет реакционером, а парламент демократическим, – потребуете срочно создать эти наблюдательные советы? Кроме этого, «красно-коричневых», даже по Вашей оценке, не более трети! При этом, скажем, фракция «Смена – новая политика», которую Вы относите к «красно-коричневым», на выборах спикера в 1991 году выступала против Хасбулатова – а вся нынешняя «Дем. Россия» активно поддерживала Руслана Имрановича, уверяя: кто не с нами и Хасбулатовым, тот за Бабурина…

Б.С. Все, что вы говорите, – повторяю еще раз – выглядит вполне правдоподобно и подтверждается фактами. Но не составляет никакого труда выдвинуть гипотезу, которая те же факты объясняет иначе. На мой взгляд, красно-коричневые – не марионетки, управляемые «заговорщиками» из правительства, они реально существуют и находят поддержку в менталитете огромного большинства государственных чиновников. Посмотрите, скажем, на суды, которые раз за разом отклоняют иски против фашистов. При чем тут сценарии правительства? Оно

не способно ни на какие сценарии…

А.Б. Способно, способно…

Б.С. Оно способно лишь на то, чтобы на жалобы интеллигенции – куда же вы смотрите – отвечать: да ну их, еще возиться с этими фашистами, они не такие и страшные. А вот если взяться за дело по-настоящему – такая вонь поднимется, такие демонстрации… Зачем нам это надо? Вот эта гипотеза кажется более правдоподобной.

А.Б. Что же, давайте и я выскажу гипотезу о том, почему правительство и президент так яростно борются с представительной властью. Дело в том, что у депутатов доступ к информации значительно больший, чем у любого гражданина. Именно поэтому демократическим оппонентам правительства из числа депутатов телеэкран никогда не дадут! Потому что люди сразу увидят, что против политики нынешнего правительства выступают не только национал-патриоты и коммунисты, но и люди с отчетливыми демократическими взглядами, которые способны критиковать эту политику гораздо аргументированное и жестче, чем карикатурные фигуры вроде Анпилова или Стерлигова. И от них уже не отмахнешься ярлыками «красно-коричневых», придется спорить по существу! Ведь в чем удобство деления на черных и белых? «Черные» не могут быть правы просто по определению, все, что они говорят, – ложь, зачем вдумываться в суть вопроса, если оппоненты вымазаны грязью еще до начала дискуссии?

Б.С. Мысли о том, что реформы идут медленно, что приватизация носит номенклатурный характер, я часто встречаю в газетах – в «Известиях», в «МН», «Невском времени», других. Почему же они не «пробиваются»?

А.Б. Это правительству не страшно. Основное для него – и Вы сами это говорите, когда формулируете свою точку зрения о политике, – УДЕРЖАНИЕ ВЛАСТИ. Их основной тезис – «если не мы, то красно-коричневые» – совершенно ложен! Уже существует громадное количество политических сил, которые не относятся ни к красно-коричневым, ни к «верноподданным». На будущих выборах, как мне кажется, не проголосуют ни за нынешнюю власть, ни за красно-коричневых, потому что нынешние – точно такие же большевики. Делать выбор между коммунистами и большевиками – увольте, не хочу…

Б.С. Мне совершенно ясно, что вести реформы иначе нельзя. Вы говорите, что приватизация проводится в интересах номенклатуры. Но как же ее иначе можно было вести в наших конкретных условиях? Если люди НЕ ХОТЯТ быть собственниками?

А.Б. И тут отчасти Вы правы. Но только отчасти. Все-таки обладание собственностью достаточно важно, и многие это понимают: оно дает определенную НЕЗАВИСИМОСТЬ… Но главное не это: реальный передел собственности происходит, и если разобраться, какую политику проводит нынешнее правительство, – то оно стремится удержать власть именно с целью этого передела в нужную сторону. Поскольку они прекрасно понимают, что удержаться у власти бесконечно долго им не удастся, они пытаются закрепить свое пребывание у власти конституционным путем, образовать касту правителей – олигархию. И это не менее, а более опасно, чем «красно-коричневая угроза», которая является мифической и искусственно раздуваемой. Эти люди уже обладают и властью, и собственностью, и контролем за СМИ – и теперь на пути бесконтрольного овладения страной стоит только представительная власть. Известно, что в стране столько демократии, сколько власти у представительных органов. Как только они будут сметены, преграды для образования олигархии и фиксации ее власти не останется. Если этой угрозы не понимают шестидесятники – мне искренне жаль…

Б.С. Шестидесятники все прекрасно понимают! Другое дело, что они ничего не могут сделать… Выступать против нынешнего правительства только потому, что существует угроза олигархии, – нелепо. Будет олигархия или нет – неизвестно, и как она будет выглядеть – тоже неизвестно. Коммунистическая олигархия – одно, а латиноамериканская – другое…

А.Б. То есть Пиночет – лучше?

Б.С. Да! Если отвлечься от первых эксцессов. Мы тогда, сидя у экранов, желчно перешучивались, когда нам говорили о страшной фашистской системе в Чили. Мол, смотрите, десятки тысяч людей вышли на улицы, чтобы возразить против диктатуры… Да какой же там фашизм, говорили мы, если десятки тысяч могут свободно галдеть на улицах… Поэтому шестидесятники не боятся, что реальная власть в экономике перейдет к директорам. Да гори они огнем! Ведь не будут директора, скажем, управлять телевидением… Вообще, говоря об электронных СМИ, – меня устраивает сложившееся там положение. Совесть моя чиста, поскольку даже красно-коричневые могут там свободно излагать свои идеи.

А.Б. Про ТВ я уже говорил: эфир красно-коричневым дают для того, чтобы создавать иллюзию демократии. А реально опасные идеи – например, что нынешняя власть озабочена главным образом самосохранением, – в эфир не пустят. Так же, как никогда не покажут, что есть громадное количество людей,

которые гораздо лучше, чем Ельцин и его команда способны управлять этой экономикой и политикой. Впрочем, идеи власти не так и страшны. Для нее главное – сохранить кресла… Понимаете, основной менталитет шестидесятников исходит из СТРАХА: что будет совсем плохо. Наш же менталитет – более молодого поколения – исходит из того, что мы хотим, чтобы было хорошо. Естественно, мы хотим, чтобы были демократические механизмы, а не всего-навсего пиночетовская олигархия вместо коммунистической. Мы хотим, чтобы собственность работала не на кучку людей, чтобы доктор наук не получал вдвое меньше прапорщика (причем не в «горячих точках»). И чтобы та самая интеллигенция, которая рада уже тому, что ей не затыкают рот, – получала не нищенскую зарплату в 15 долларов… Шестидесятники все же – «высший срез» интеллигенции, которому живется относительно неплохо. Рядовая же интеллигенция живет очень плохо, до телеэфира она допущена никогда не будет, потому что может рассказать, как на самом деле ей живется. Такого отношения государства к образованию я не помню за все прошедшие годы. Такого количества высококлассных специалистов, которые уезжали бы за рубеж, потому что правительство относится к ним как к мусору, я не знаю ни в одной стране мира!

Б.С. Все, что Вы говорите, я неоднократно слышал с телеэкрана! И почти все это неверно! То, что интеллигенция «шпарит» из страны, – вызвано тем, что границы открыли. Господи, как бы мы шпарили отсюда в семидесятых, если бы можно было…

А.Б. Может быть, давайте сделаем что-то, чтобы из страны не «шпарили»? Я согласен, что принципиально иного пути не было – по многим причинам. Но когда сейчас пытаются этот путь – промежуточный – зафиксировать в политическом устройстве общества… Если бы мы продолжали идти по демократическому пути, когда приходили бы новые экономисты и политики, – все нормально. Но когда они хотят сделать такую власть, чтобы олигархическое строение общества было закреплено на конституционном уровне, – извините! И то, что большая часть шестидесятников из страха перед «красной угрозой» готова поддержать даже это…

Б.С. Не обвиняйте шестидесятников в том, в чем они не виноваты. Шестидесятникам тоже не нравятся те пункты президентского проекта конституции, которые дают президенту власть неограниченную. Мы выступаем за ясное разделение властей, а не за власть президента против власти парламента. И чтобы появился нормальный человеческий парламент – как

противовес авторитарным стремлениям возможного президента, Ельцина или другого, как контролирующий, законодательный орган… Я с нетерпением жду выборов нового парламента – там не будет людей, которые будут непрерывно выступать с криками «Хватит!», «Сворачивай реформу!», «Госплан!», «Госснаб!» и т.д.

А.Б. Можно со 100-процентной вероятностью сказать, что при нормальном развитии событий в следующем парламенте будут и Астафьев, и Константинов – как лидеры политических партий. Наверно, следующий парламент будет профессиональнее нынешнего. Это – плюс. Но с точки зрения его политических взглядов… Но не логичнее ли, чем непрерывно «поливать» этот несимпатичный мне парламент, посмотреть на вертикаль исполнительной власти, сплошь состоящую из первых и вторых секретарей обкомов? Это ведь вещь всем известная! Хватит одной руки, чтобы пересчитать реформаторов в нынешней президентской команде. Даже лишние пальцы останутся… Давайте потребуем переизбрания и прихода других людей также и в исполнительную власть. Пусть и высшие должностные лица исполнительной власти тоже избираются. Это совершенно необходимо! Что хочет президентская команда? Исполнительную вертикаль – как столб, неколебимый ничем, контролируемую судебную власть и послушный парламент. Естественно, демократов «первого призыва» такая, с позволения сказать, «демократия» никак не устраивает. Зачем же все время выбирать между плохим и очень плохим? И зачем нам такая система, очень похожая на прежнюю большевистскую?

Б.С. Я не уверен, что необходимо избрание руководителей исполнительной власти. В условиях «спокойного» развития – да, а сейчас – должна быть команда единомышленников, а не люди, назначенные, скажем, под контролем этого парламента…

А.Б. Представьте себе, что президентские выборы выиграл Руцкой и начал формировать исполнительную вертикаль и представлять судей. Как вы «запоете»? Может быть, шестидесятникам все-таки стоит поддерживать демократические, а не авторитарные (по личной преданности) принципы формирования власти и приход людей во власть не по принципам, что «те еще хуже»? Политик, который в качестве основного принципа подбора кадров использует личную преданность, – политик даже не вчерашнего, а позавчерашнего дня.

Б.С. Андрей, мы все вышли из времени, которое требовало именно этого принципа, и еще не пришли в другое…

Запись и обработка Бориса Вишневского

Отредактировано Б.Н. Стругацким и А. Болтянским в июне 1993 года

Не публиковалось

«Стругацкие ничего зря не пишут»

С писателем Борисом СТРУГАЦКИМ беседуют воспитанные на его творчестве народные депутаты: Борис ВИШНЕВСКИЙ – председатель комиссии по вопросам самоуправления Московского районного Совета – и Сергей ЕГОРОВ – председатель комитета по вопросам собственности Санкт-Петербургского городского Совета.

16 июня 1993 г., Санкт-Петербург

Разговор этот практически никаких комментариев не требует – настолько все прозрачно. Он мог бы состояться и пятнадцать лет назад, и сегодня…

Б.В. Борис Натанович, в последнее время Вы предпочитаете говорить о политике, а не о вашем творчестве…

Б.С. Господи, да что о нем говорить!

С.Е. Вон у Вас на полке такие знакомые книги стоят – «Извне», «Путь на Амальтею». Мы с них когда-то начинали…

Б.С. Это все уже вчерашний день.

С.Е. Да вовсе не вчерашний! Даже завтрашний – как, скажем, «Хищные вещи века».

Б.С. Для меня все равно это – вчерашний день. Для меня никогда не существовало книги, которую я написал вчера. Для меня существует только книга, которую я пишу сейчас или буду писать завтра. Но о ней я говорить лишен возможности, потому что это – дурная примета: нельзя говорить о том, над чем работаешь. Впрочем, давайте поговорим о «вчерашнем», если вы желаете.

С.Е. Совпадает ли Ваша «шкала» оценки своих произведений с моей? Я, например, 2-3 книжки прочитал, не обратив особенно внимания. А когда немного повзрослел – мне было лет 20, в начале 70-х, – попался «Обитаемый остров». Я его прочитал и «заболел». Как раз тогда вы печатались «косяком» в «Авроре»…

Б.С. Да, «Пикник на обочине», «Малыш», «Парень из преисподней»… Нас два журнала только тогда печатали: «Знание – сила» и «Аврора».

С.Е. Так вот для меня Вашим лучшим произведением остается «Обитаемый остров». В Вашем «плато» у меня выделяются несколько: следующая – «Пикник на обочине» и «Трудно быть богом». Совпадает ли это с тем, что считаете Вы сами?

Б.В. У меня «плато» несколько другое: на вершине – «Трудно быть богом», затем – «Обитаемый остров», «Хромая судьба» и «Возвращение» («Полдень, XXII век»).

Б.С. Незадолго до смерти Аркадия Натановича к нам обратилось одно издательство и предложило выпустить сборник повестей, которые мы сами считаем лучшими. Мы устроили такие «выборы»: каждый взял бумажку и написал пять произведений – лучших по порядку. Потом мы бумажки сравнили и отобрали те, которые набрали больше всего «очков». И этот сборник вышел! Туда попали «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан» и «Град обреченный». Как видите, совпадений с вами мало. На самом деле мы не очень любим наши ранние вещи. Даже «Пикник» – самую популярную по всем опросам и в стране, и за рубежом. Ее «минус» – то, что она написана на странном материале. Все, что написано на странном материале, не от хорошей жизни и все же – некое насилие над собой. «Трудно быть богом» – да, для своего времени это была эпохальная книжка, но она безумно устарела…

Б.В. Ничуть она не устарела!

Б.С. Она устарела в том смысле, что там Стругацкие такие молодые, такие «другие» люди… Вот «Пикник» написан все-таки братьями Стругацкими.

Б.В. Книга может устареть тогда, когда Вы считаете, что устарела та идея, которая там высказана. Этого с «Трудно быть богом» отнюдь не произошло…

Б.С. Идея, может быть, не устарела. Но люди, которые писали эту книгу, – исчезли. Их уже в нас нет… Мы уже – люди, которые писали «Хромую судьбу», «Град обреченный», «Отягощенные злом».

С.Е. То есть принцип Вашей оценки – «последнее лучше, чем предпоследнее»?

Б.С. Не лучше, а ближе! Есть одно очень важное условие. Самая уважаемая нами книга – «Улитка на склоне» – была написана в 1964 году… А что касается «Обитаемого острова» – мы эту книгу вообще не уважаем. Она была написана от отчаяния, когда у нас «Гадких лебедей» не взяли, «Сказку о тройке» не взяли и что писать – было совершенно непонятно. Мы и сказали друг другу: ах вот как? Вы хотите, чтобы мы писали забойные развлекательные повести про комсомольцев? Хорошо, мы напишем забойную развлекательную повесть про комсомольца XXII-го века. Вот такая была установка. А резонанс, который «Остров» вызвал, нас очень удивил. Да и то, что цензура эту вещь топтала больше других…

Б.В. Меня удивляет, что до сих пор никто не брался за ее экранизацию, ведь «Остров», фактически, – готовый сценарий…

Б.С. Хотел ее экранизировать Себастьян Аларкон, бежавший от Пиночета, но что-то не получилось.

С.Е. А экранизация «Трудно быть богом» Питера Фляйшмана Вам самому нравится? Я, правда, так и не посмотрел…

Б.С. Не нравится совершенно, и смотреть не стоит. Пошлятина какая-то, «желтое кино» и не очень еще талантливое. Бывает «желтое», но талантливое, а это… Слабый фильм. Что же до «Острова» – я только что продал право экранизации, какой-то молодой очень режиссер, фамилии не помню.

С.Е. Как это хорошо можно снять? Я вообще ни одной хорошей Вашей экранизации не видел – разве что «Отель у погибшего альпиниста».

Б.С. А «Сталкер»?

С.Е. «Сталкер» – это совсем другое, никакого почти отношения к Стругацким не имеющее!

Б.С. Отношение то, что Стругацкие все-таки писали сценарий… Вот американцы сейчас должны снимать «Пикник». Не «Сталкера», а именно «Пикник».

Б.В. Борис Натанович, давно хотелось узнать: что все-таки произошло в конце концов на Далекой Радуге? Погибли они или нет? Ощущение, что не погибли – раз в более поздних вещах действует Горбовский…

Б.С. Возможное объяснение дал в свое время четвероклассник Слава Рыбаков (ныне – писатель Вячеслав Рыбаков). Он прислал мне письмо: мол, вы написали хорошую повесть, но конец в ней плохой, я советую закончить ее так: «И тут на небе появилась ослепительная точка. Это был звездолет „Стрела“, который успел к сроку, всех забрал, и все благополучно улетели».

Б.В. Или – аннигиляция северной и южной Волн…

Б.С. Все ходы для спасения в повести оставлены, «корешки» есть. Хотя когда мы писали книгу, нам было совершенно ясно, что все погибли к чертовой матери! Нам и в голову тогда не приходило, что Горбовский нам еще когда-нибудь понадобится. Но он понадобился – ну что ж, пришлось воскресить…

Б.В. А как Вы сейчас относитесь к вещи, в мире которой – по Вашим же словам – вам с братом самим хотелось бы жить: «Полдень, XXII век»?

Б.С. Как к талантливому ребенку… Там много, конечно, благоглупостей, уступок редакторам, есть даже золотые статуи Владимира Ильича многометровые! Не то что по требованию редакторов мы их понаставили – не было таких требований, просто «наш» редактор нам плакался: ну ребятки, поставьте чего-нибудь, мне же «главный» всю плешь проест – почему от нашего времени ничего нет? Ни Ленина, ни Маркса…

Б.В. Помните, в «Полудне» глава «Свечи перед пультом», где умирающему академику Окада Званцев и Акико везут какую-то

необычайно важную информацию, которую он ждал всю жизнь? Что же это была за информация?

С.Е. Очень хочется заглянуть по ту сторону экрана?

Б.С. Совершенно законное желание. Обычно Стругацкие ничего зря не пишут, и наверняка мы что-то имели в виду. Но вот что – я уже не помню…

С.Е. У меня из «Полудня» самое сильное впечатление осталось от «наставничества». От такого подхода к воспитанию! Двадцать лет не перечитывал, честно признаюсь – но эта мысль «внутри» так и сидит.

Б.С. Это вообще наш «конек»: создание Теории Педагогики. К сожалению, мы так ничего толком и не придумали, кроме идеи об Учителях – что воспитание детей надо передавать из рук родителей (ничего в воспитании не смыслящих) в руки профессионалов. Нам эта идея кажется вполне очевидной, но на нас за это очень многие нападали! И то, что главным в воспитании является – найти скрытый талант человека, дать ему дорогу.

Б.В. А если это злой талант?

Б.С. Тут много возражений, и они вполне резонны. Злой талант – опасен, а талант ненужный – что с ним делать?

С.Е. Вы действительно отстаиваете позицию, что образование – всегда благо? В «Острове» Гай говорит, что знание – как автомат, еще стрельнет не туда… Это ведь подавляющая точка зрения в сегодняшнем мире, что знание всем давать опасно!

Б.С. Мне кажется, что из общественного мнения «опасность» знания все-таки уже ушла. И это очень отрадно.

Запись и обработка Бориса Вишневского,
июнь 1993 года
Не публиковалось

Учитесь делать добро… из зла

Теоретический спор о правах человека в стране практического беззакония

С писателем Борисом Натановичем СТРУГАЦКИМ беседует Борис ВИШНЕВСКИЙ.

«Невское время», 13 июля 1994 года

Комментарий: эта беседа состоялась в начале июля 1994 года, сразу после выхода печально известного тогда (а ныне – совершенно забытого) президентского указа о борьбе с организованной преступностью. Этим указом, если кто не помнит, разрешалось задерживать подозреваемых на срок до 30 суток без суда и декларировались всякие «крутые» меры по борьбе с оргпреступностью. Время показало, что оргпреступность этого указа даже не заметила, – но многие рассуждения, высказанные в нашем споре, увы, остаются актуальными и сегодня.

– Писателю-фантасту сам бог велел задавать вопросы о будущем. Что Вы видите впереди?

– Нет более неблагодарного занятия, чем заниматься прогнозами в условиях социальной нестабильности! Конечно, сейчас вроде бы стало немного спокойнее, но вероятность крутых поворотов еще сохраняется. Самый неприятный вариант, как я уже не раз говорил, – если в результате социальных волнений и взрыва напряженности к власти на гребне кровавой волны придут сторонники национал-коммунизма. Дело здесь не в том, что они какие-то особенно уж плохие люди, ставящие своей целью сделать все как можно хуже. Они, как и все прочие политики, ставят перед собою совсем другую и вполне обыкновенную цель – захватить власть и удержать ее. Но, оказавшись у власти, они либо в силу экономического невежества своего, либо ослепленные предвзятыми своими идеями, либо попросту под давлением агропромышленного лобби и ВПК могут рискнуть и попытаться круто повернуть назад. А вот это неизбежно приведет к самым тяжким последствиям: инфляция подскакивает в небеса, магазинные полки оголяются с быстротою молнии, экономика разваливается окончательно, и тогда нам объявляется, что реформы исчерпали себя, и устанавливается тоталитарная диктатура со всеми вытекающими последствиями: наращивание военного потенциала, увеличение армии, милитаризация идеологии и полное обнищание населения (при подавлении малейших волнений). Еще более кровавый вариант – гражданская война, прямые столкновения вооруженных сторонников, скажем, президента и оппозиции. Хуже этого я уже придумать ничего не

могу. Я вообще оптимист: в любой ситуации пытаюсь представить себе самый плохой вариант, а затем оцениваю его вероятность. Сегодня вероятность гражданской войны все же значительно меньше половины – поэтому и все выводы мои по большому счету оптимистичны.

– Какую из возможных болезней общества Вы считаете наиболее опасной?

– Главный источник наших неприятностей – тот перезрело-феодальный менталитет, который характерен для общества в целом. Нежелание и неумение ЗАРАБАТЫВАТЬ. Истовая готовность обменять индивидуальную свободу действий на маленький (пусть!), но верный кусочек материальных благ – на ПАЙКУ. Нежелание и неумение отвечать за себя: начальству виднее. Чудовищная социальная пассивность большинства, в гены въевшееся убеждение: «Вот приедет барин – барин нас рассудит»… Вот это – самая опасная наша социальная болезнь сегодня. Именно она – источник и питательная среда для всего прочего: и для имперской идеи, и для нацизма, и для идеи реванша. Духовное рабство. Нежелание свободы. Страх свободы. Свободофобия.

– Откуда он берется – этот страх?

– Это совершенно очевидно: огромное большинство людей не верит в свои силы, не приучено в них верить. Зато они приучены, что есть начальство, как бы оно ни называлось – партия, комсомол, директор, – которое лучше меня знает, что делать, лучше разбирается в ситуации и готово принимать за меня решения, оставив меня в затхлом, но уютном моем закутке, где я сижу, никого не трогаю, починяю примус… Это очень удобно, это – инфантилизм своего рода, ведь ребенок с готовностью и не раздумывая обменивает свою свободу на чувство защищенности и безопасности. Я вспоминаю свое детство, послевоенный мир ленинградских дворов-колодцев, одичалых парков, осатанелых барахолок, вокзалов, похожих на дантовские круги ада. Этот мир был пропитан урками, ворами и бандюгами всех мастей, обыватель, особенно подросток, был совершенно беззащитен и одинок в этом самодельном аду – и в этом мире вовсе не считалось зазорным быть в дружбе с ворьем и шпаной, более того – человек как бы даже гордился находиться под покровительством какого-нибудь «Васька с Астраханской». («Ну ты, отскечь! За меня Васек с Астраханской мазу держит!») Господь спас тогда и меня, и большинство друзей моих от соскальзывания в яму – но не всех… Конечно, все мы оттуда родом: из сталинской лагерной империи, у нас наследственность страшная, мы все время тянемся к худшему, полагая его лучшим только потому,

что оно привычнее, и отказываемся от свободы, предпочитая ей уверенность в завтрашнем дне. Я с ужасом читаю результаты социологических опросов – больше половины готово отказаться! Но в конце концов люди с рабской психологией уйдут, вырастет новое поколение, уже лишенное страха перед свободой.

– А в Вас самом сидит этот страх?

– Нет. Во мне сидит великое множество страхов, но этого нет уже давно. Это не моя заслуга – просто следствие образа жизни, который я веду последние 20–30 лет. Любой писатель – и просто любой творческий работник – привык в первую очередь полагаться на себя, и в конце концов только на себя: ведь никакое начальство не поможет ему написать книгу или доказать теорему.

– Сегодня кипят споры вокруг «чрезвычайного» указа президента о борьбе с преступностью – с посадками на 30 суток без суда и следствия, в нарушение конституции. Обсуждается – есть ли у преступников вообще какие-либо права, которые надо соблюдать, и так далее. Как Вы считаете, большинство – исходя из высказанных вами соображений – готово аплодировать этим мерам?

– У меня такое впечатление, что да. Большинство людей либо не понимает всех опасных последствий этого указа для них же самих, либо понимает чисто абстрактно: «Я ни в чем не виноват, меня не тронут». И это тоже – классическое, советско-феодальное нежелание открытыми глазами смотреть на мир. Более того, я и себя ловлю на мысли: а может быть, господин Степашин прав, когда говорит, что нарушать права преступника и можно, и даже должно? Я понимаю, что ситуация с преступностью достигла опасного предела и экстренные меры нужны. Видимо, какая-то «чрезвычайщина» действительно неизбежна – невозможно успешно бороться с организованной преступностью в строгих рамках демократической конституции, мировой опыт это показывает…

– Не могу согласиться с Вами. Мировой опыт как раз показывает, что только строгое соблюдение законов позволяет успешно бороться с организованной преступностью. Просто правоохранительные органы там полностью используют свои законные прерогативы, а не прикрывают неумение и нежелание работать недостатком полномочий…

– Вы правы, наверное, но не могу не напомнить, что деятельность знаменитой сицилийской мафии была подавлена только один раз за всю историю Италии, а именно: когда у власти стояли фашисты. Боюсь, только мафия может победить мафию. Боюсь, что нам сегодня предстоит пройти по лезвию бритвы – между пропастями эффективно действующего беззакония, с

одной стороны, и абсолютно легитимного ничегонеделания – с другой. И я полагаю, что именно сейчас настало время средствам массовой информации показать, чего они на самом деле стоят. Ибо именно и ТОЛЬКО они способны обеспечить реальный контроль над действиями правоохранительных органов. Ни один сомнительный с точки зрения законности и справедливости инцидент не должен пройти мимо их, СМИ, внимания. Это должно стать их главной задачей на весь период действия указа. Пусть пресса и ТВ покажут, на что они способны, докажут свое право называться «четвертой властью». Если не встанут они горой за КАЖДОГО «оскорбленного и униженного» под горячую руку, за каждую «щепку», отлетевшую, пока лес рубят, – тогда грош им цена. Если выяснится, что никакая власть с ними не считается – значит, ничего в нашем обществе не переменилось и, опять же, грош им цена. По моему мнению, СМИ вообще нужны главным образом для того, чтобы обращать внимание высшей власти на творящееся беззаконие. До сих пор они одержали несколько побед – вспомните, например, «дело Мирзаянова». Если бы не поднятый в прессе шум, вряд ли выпустили бы его из когтей его «доброжелатели»…

– Вы не оговорились – насчет того, чье внимание надо привлекать к беззакониям? Мне казалось, что привлекать надо внимание общества, а не высшей власти. Иначе – опять упование на «доброго барина», а не на закон: удалось «достучаться» до самого верха – смилостивился, стукнул кулаком по столу и велел сделать «по правде», не удалось – ну что ж…

– Давайте исходить из существующей реальности, а не из прекраснодушных построений. Надо делать то, что реально. Делать хотя бы минимум, если не удается сделать максимум. Сбивать сметану задними лапами, как та лягуха из сказки. Овладевать искусством возможного. Одного только нам нельзя себе позволять – ничего не делать. К сожалению, общетеоретические рассуждения о правах человека и о роли общественного мнения беспредметны в стране практического беззакония. Мы существуем в хаосе, где закон и справедливость еще только должны пробить себе дорогу. Все правильно, что Вы говорите, – и «добрый барин» остался, и необходимость до него «достучаться», и «улаживание» дел не единственно верным путем закона, а путем личных связей… Помните? «Мы должны сделать добро из зла, потому что нам его больше не из чего сделать». Это – про нас с вами. Нельзя только – ни на минуту! – путать добро со злом. В этом – главная задача СМИ. И еще, может быть, нам следует вспомнить опыт США, где в аналогичной чрезвычайной ситуации была создана совершенно новая правоохранительная

структура – ФБР, из людей новых, еще не запачканных и в противовес насквозь коррумпированной муниципальной полиции. Подобная «параллельная» структура, возможно, могла бы сыграть решающую роль, – нынешней правоохранительной системе я просто не доверяю.

– Почему?

– Я совершенно спокойно отнесся бы к указу о борьбе с преступностью, я бы рукоплескал ему, если бы у нас были идеальная, демократически ориентированная прокуратура и честная милиция – сплошь рыцари без страха и упрека. Но у нас далеко не идеальная прокуратура и страшненькая милиция! Мы, нынешние обыватели, такого о ней наслышались друг от друга, что иногда боимся ее больше, чем самих преступников. Сплошь и рядом она охотится не за бандитами, а за нами – просто потому, что охотиться за нами безопаснее. Повторяю, имей мы безукоризненно честную и компетентную исполнительную власть – никакие отклонения от конституции были бы не страшны. Но коль скоро власть не является ни безукоризненно честной, ни компетентной – нужен постоянно действующий независимый контроль. И здесь кроме СМИ я не вижу другой силы, способной остановить несправедливость, глупость и беззаконие или хотя бы выволочь их из тени на свет божий. Эта сила ПОКА ЕЩЕ дана людям, НЕЗАВИСИМЫМ от власти, и их обязанность – биться до последнего, как до последнего бьется врач, верный клятве Гиппократа, даже если никакое из его средств не помогает, бьется только потому, что жизнь еще теплится, а где жизнь – там и надежда.

«Президент сыграл не лучшую партию»

На вопросы обозревателя «НВ» Бориса Вишневского отвечает писатель Борис Стругацкий

«Невское время» 18 февраля 1995 года

Комментарий: беседа эта, естественно, была посвящена первой кавказской войне – поскольку проходила менее чем через два месяца после начала военной операции в Чечне, новогоднего штурма Грозного и на фоне тогда еще достаточно активного протеста в обществе против этой войны. Сегодня, когда идет вторая кавказская война – отношение к которой в обществе, увы, едва ли не диаметрально противоположно, многое из нашего разговора пятилетней давности могло бы войти и в разговор нынешний. Ибо – проблемы все те же, и главная из них – ЗАЧЕМ все это делается и РАДИ ЧЕГО?..

– Достаточно давно Вы сформулировали свое отношение к власти следующим образом: «Главное – чтобы не нарушались права человека, чтобы не пролилась кровь». Именно на этих условиях Вы и ряд других деятелей культуры и науки готовы были прощать власти (в частности, президенту и правительству) многое и поддерживали ее в критические минуты. Как Вам кажется сегодня – «Рубикон перейден»?

– Я ненавижу всякое кровопролитие и боюсь его. Но я понимаю, что бывают ситуации, когда без крови не обойтись, когда на силу необходимо отвечать силой, на удар – ударом, на кровь – кровью. Вспомните октябрь 1993 года – это было ужасно, но я просто не видел тогда иного выхода и никак не мог порицать власть за то, что она использует силу против тех, кто от слов перешел к делу – начал кровопролитие. Я вовсе не «толстовец», я – сын своего времени, воспитан в совершенно определенных традициях и знаю, что иногда приходится проливать малую кровь для того, чтобы не пролилась большая. И что в любом случае нельзя давать спуску ни бандитам, ни шантажистам. «Волкодав прав, людоед – нет».

– Как по-вашему, подпадает ли то, что происходит в Чечне с 11 декабря 1994-го, под такие определения?

– Мы с Вами беседовали много раз, и, помнится, не было случая, чтобы я как-то колебался, отвечая: на подавляющее большинство Ваших вопросов я всегда готов был дать прямой ответ, удовлетворяющий и Вас, и меня. Но вот проблема Чечни… Вместе с многими уважаемыми и безупречно честными людьми (о которых Вы только что упомянули) я всячески протестовал против

насилия в Чечне и подписал «по нарастающей» несколько писем и телеграмм. Сначала о том, чтобы вообще войска в Чечню не вводились, чтобы все проблемы решались путем переговоров. Затем – когда войска все-таки были введены, я заклинал власть имущих не наносить бомбовых ударов по Грозному, свести к минимуму страдания невинных. Когда бомбовые удары начали наноситься, я умолял их не идти на штурм Грозного, потому что сегодня штурм города означает превращение его в руины… Потом я перестал подписывать какие-либо телеграммы и письма: стало ясно, что они не действуют и, скорее всего, вообще неспособны возыметь никакого действия.

– Борис Натанович, Вас не коробит сама постановка вопроса: УМОЛЯТЬ власть о чем-то? Даровать ли свободу или не отнимать ее, бомбить территорию собственной страны или смилостивиться…

– Слова «умоляем» в наших телеграммах не было, было слово «требуем», но по сути-то мы именно умоляли – просили, заклинали, взывали к разуму и гуманности. Так уж у нас повелось: когда интеллигент обращается к власти, любое требование его есть не более чем покорнейшая просьба. Но вернемся к основной теме. Война – ужасна. Война всегда была ужасна, а сегодня, когда так много фантастически страшных средств уничтожения и уродования человеков, она фантастически ужасна и отвратительна. Любая война – справедливая или нет, захватническая или оборонительная, вынужденная или затеянная сознательно. Ведь ужасно любое убийство – будь это убийство в корыстных целях или совершаемое в порядке защиты слабого и униженного. У войны (я допускаю это), как у любого убийства, может быть благородная цель, но сама война – это всегда грязь, боль, мерзость и растление души. Поэтому и чеченская война уродлива и омерзительна, и никаких других чувств у нормального человека она вызывать не может. Если правда, что генерал Рохлин отказался от звания Героя России, я снимаю шляпу перед ним: он настоящий человек, он даже в аду войны сумел сохранить честь, разум, просто нормальное видение мира. Очень трудно сохранить нормальное видение мира, когда глаза залиты кровью. Его солдаты, выполняя приказ, умирают, и убивают, и разрушают, но у него хватает человечности относиться ко всему происходящему как к страшному, но непреодолимому злу, и он вовсе не намерен видеть во всем этом нечто героическое. Наиболее (а может быть – единственно) правильное отношение вояки-профессионала к своему делу: тяжелая, опасная, порою грязная работа. И не более того.

– Наверное, главный вопрос, который задают себе многие, –

ЗАЧЕМ понадобилась чеченская авантюра? у Вас есть разумное объяснение?

– Если отвлечься от эмоций (а мы обязаны это сделать, если хотим анализировать некие политические события, иначе нам останется только ломать руки и плакать о мертвых и обездоленных), то, рассуждая холодно и рационально, мы придем к вопросу: неизбежно все происшедшее – или нет? Возможно ли было политическое, несиловое решение проблемы? Да и была ли проблема? Не выдуман ли «чеченский кризис» жесткими и жестокими политиками, зациклившимися на проблемах суверенитета? Не знаю. Нет информации! Действительно ли неоднократные попытки договориться с Дудаевым наталкивались на тупое и непреклонное нежелание компромисса? И были ли эти попытки действительно настойчивыми и неоднократными? И, главное, – что думает обо всем этом большинство чеченского народа? Может быть, они, как и прибалты, в большинстве своем хотят жить отдельно? Согласитесь, это разница: господин Дудаев объявляет суверенную Чечню – или это делает большинство чеченского народа. За что воюет сегодняшний ополченец: за свободу Чечни? Или за то, чтобы им, как и прежде, управлял именно и лично господин Дудаев? Или он воюет просто потому, что раздался клич: «Чужие солдаты на твоей земле!» – и он взял в руки автомат, не давая себе труда подумать, да и времени не имея разобраться, зачем на самом деле пришли на его землю солдаты – лишить его свободы или, наоборот, освободить его от властного, жестокого и честолюбивого генерала?

Ни на один из этих вопросов нет у меня достоверного ответа, и остается только строить гипотезы. Если это было затеяно в целях удовлетворения чьих-то политических амбиций, значит, в Чечне совершено обычное преступление против человечества, оправданий не имеющее, – что, впрочем, для России не в новинку. Но если все дело в том, что Дудаев, прекрасно понимая (в отличие от наших власть предержащих), во что выльется военная акция, занимался политическим шантажом – требовал выделения Чечни в самостоятельное государство, нарушая все конституционные принципы и законы, тогда дилемма проста: либо мы придерживаемся принципа единства Российского государства – либо мы готовы его раздать, промотать, разбазарить и, уступив один раз, уступим затем еще, и еще, и еще… И дело тут не только и не столько в том, что мы все такие уж державники и государственники, убивать готовые за всякую попытку «самоопределения вплоть до отделения». В конце концов, что мне Чечня и что я Чечне? Ужели так уж друг без друга не проживем? Да пусть они идут на все четыре стороны!..

Трагичность и опасность ситуации в том, что, уступив именно Дудаеву, мы бы создали страшный прецедент: любой энергичный и бесшабашный политический авантюрист, тем или иным способом пришедший к власти в любой российской губернии, отныне получал бы некое право при желании поставить всю страну на грань кризиса. Для этого достаточно ему было готовности идти на риск, владения искусством политической демагогии и умения говорить красивые слова о независимости. Смеет ли власть допустить подобное? Снова разрывы экономических связей, снова политическая лихорадка, государственный терроризм, тысячи беженцев? Согласитесь, такого прецедента создавать нельзя. Но тогда – если верна именно эта гипотеза – у происшедшего появляется известная логика. Война, оставаясь, как и прежде, отвратительной, в этом случае получает какой-то все-таки смысл, как альтернатива мучительному и неуправляемому распаду страны.

– Если принять первую гипотезу, то спорить, пожалуй, дальше не о чем: требуется не общественная дискуссия, а Нюрнбергский трибунал. Но давайте встанем на другую позицию: иного выхода не было. С очень большой натяжкой, но предположим, что за три года было сделано все возможное для того, чтобы решить проблему. Конечно, вопросов очень много: почему не были применены экономические методы, почему не были перекрыты границы, почему не охраняли разграбляемые поезда, почему смотрели сквозь пальцы на транзит оружия и наркотиков, куда уходили «дотации» Чечне, не платящей ни копейки в федеральный бюджет, – но пусть все это останется «за кадром». Почему методы силового решения оказались с первых же минут вопиюще неадекватны ситуации?

– Я могу по этому поводу только повторить то, что уже сказано профессионалами: операция была подготовлена из рук вон плохо, а строго говоря, вообще не подготовлена – то ли понадеялись на авось, то ли преступно недооценили противника, то ли вообще иначе не умеют. Такое впечатление, что наша армия способна учиться, только когда война уже началась и только ценою большой крови! Вообще-то любая армия склонна к разложению в мирное время, но это стократно верно для армии, которая зиждется на рабстве, на принудительной службе, когда боевой подготовкой занимаются кое-как, но зато масса времени и усилий тратится на превращение солдата в рабочий скот. «Русские долго запрягают, да быстро ездят» – какое, ей же богу, слабое утешение! Да, если мы (не дай господь!) провоюем в Чечне еще месяцок-другой, война выкует из нынешних новобранцев отличных солдат – но какою ценой? Ценой «искусственного

отбора», когда из десяти солдат выживает один, но зато умелый? Не надо мне такой армии! Главный вывод, который должен быть сделан властью из чеченских событий, – немедленная реформа армии! Все нынешние способы ее комплектования и обучения ни к черту не годны в современных условиях, армия должна быть совершенно другой – прежде всего профессиональной и высокомобильной. Хватит подгонять численность армии под количество генералов! У нас столько генералов, что, если каждому дать по дивизии, страна рухнет под тяжестью такой армии. Не только офицер – каждый солдат должен быть профессионалом-контрактником, умелым, знающим свое дело и занимающимся только им… Я с ужасом слушаю сегодня, что власть готовится продлить сроки пребывания солдат в казарме (как будто от этого нынешний солдат-полураб станет хорошим воякой – да он просто больше намучается, так и оставшись потенциальным пушечным мясом), призывать под ружье студентов (как будто 19-летний студент способен воевать лучше 19-летнего колхозника), – и все это норовят подать как реформирование армии!.. Остается надеяться только на то, что реформы в России начинались всегда именно после военного поражения…

– Разве после Афганистана в армии произошли какие-то реформы?

– После Афганистана произошло кое-что покруче: Перестройка. Не забывайте этого, пожалуйста! Афганская война и фактическое поражение в ней сыграли огромную роль в том, что сперва потребовало реформ, а потом и вовсе развалилось все это не выносящее реформ государство. Конечно, не только война; но, если бы в Афганистане была одержана быстрая блистательная победа, строй мог бы продержаться еще пару десятков лет.

– Вас не удивляет «непотопляемость» Павла Грачева, который уже, кажется, скомпроментирован чеченской акцией со всех сторон – но по-прежнему прекрасно себя чувствует?

– Должность военного министра требует прежде всего преданности сюзерену, и я не вижу, почему у нас должно быть иначе. Пока Грачев предан Ельцину – никто его не тронет, да и сам он, согласитесь, все атаки до сих пор отбивал достаточно успешно. Конечно, военный министр должен отвечать за военные неудачи – но для этого нужно сделать еще один маленький шажок: нужно признать эту войну неудачной. И, насколько я понимаю, мы с Вами считаем ее таковой – а вот верхушка государства уверена в обратном. Во всяком случае, формулировочки типа «все нормально», «успешное завершение операции», «полностью выполненные задачи» и т.п. не сходят с

уст руководства… Меня потрясает чудовищная бессмысленность происходящего. Возьмите российского солдата – за что он там воюет? Судя по тому, что мне показывают, – часть солдат вообще не понимает, зачем они там оказались, и действует по единственно возможному военному правилу: приказали – пошли! Часть вроде бы понимает, что воюет за единство России (как ответил бы любой придворный агитатор), но на самом-то деле они воюют вовсе не за это, а за то, чтобы в Грозном переменилась власть. Положение еще ужаснее, когда посмотришь на чеченцев: ведь они-то воображают, что война идет за самое святое – за Свободу! Но разве кто-нибудь на эту свободу покушается? Рядовой чеченец воспитан в представлении, что свобода – превыше всего, он, говорят, даже здоровается при встрече не как мы с вами («будь здоров»), а – «будь свободен!» Но ведь он лишь воображает, что сражается за свою свободу, а на самом же деле он дерется – замечательно, между прочим, дерется! – за то, чтобы им управлял Дудаев и люди Дудаева! Это же бред какой-то: начинать такую грандиозную операцию без какой бы то ни было пропагандистской подготовки. Ничего никому не объяснив – ни москвичам, ни ингушам, ни самим чеченцам, – разве можно так поступать? Ведь это же не милицейская операция, когда «малину» разоряют, «крутых» отлавливают, – это война, настоящая, причем война против целого народа, более того – против своего народа!..

– В каких выражениях Вы предложили бы объяснять людям, на территорию к которым вводят танки и на чьи головы летят бомбы и ракеты, что на их свободу не покушаются?

– Ввод войск бывает разный: в частности, и тогда, когда нужно уничтожить правителя-тирана. Когда американцы вводили войска на Гаити, разве они ущемляли этим свободу гаитян? Наоборот, они освобождали их от хунты, и таких примеров немало. Можно же было объяснить чеченцам, что покушаются отнюдь не на их свободу, а только лишь на свободу Дудаева править их страной и наживаться вместе с приближенными на ее богатствах. Самого Дудаева, кстати, я считаю столь же виноватым в происшедшем, как и наших начальников: его бессмысленное упрямство, политические амбиции, его отвратительная готовность принести тысячи жизней в жертву во имя того, что он будет править Чечнею без Москвы. И из-за этого люди должны умирать? Я понимаю и принимаю войну за свободу и независимость, если гнет невыносим и кровав сам по себе. Бывали в человеческой истории такие режимы, за свержение которых стоило проливать свою и чужую кровь. Но затевать кровавую бойню для того только, чтобы одна (скажем, местная) элита отобрала власть у другой (скажем, – центральной) элиты?

убивать и умирать за начальство? Нет уж, увольте, это невозможно ни понять, ни принять.

– Ваше мнение о позиции президента в чеченском конфликте?

– Мне порой кажется, что президент совершил большую ошибку, но в то же время я ловлю себя на следующем невеселом рассуждении. Решаясь на чеченскую операцию, президент, видимо, полагал этот свой политический ход беспроигрышным. Окажись война в Чечне быстрой и победоносной – его выигрыш безусловен. Но и та война, какая получилась, кровавая, затяжная, порождающая и внешние, и внутренние осложнения, – что ж, и она пригодится: возникает законная возможность ужесточить правила игры, окончательно положиться на силу – например, отложить выборы, опираясь на «чрезвычайную» ситуацию… И все же мне кажется, что президент сыграл не лучшую партию в своей жизни, что в конечном итоге – даже если ему удастся отменить или отложить выборы – он проиграл. И единственное, что меня примиряет с ним, – это его твердая позиция по поводу средств массовой информации. Ведь до тех пор пока центральным (а все решают они, а не периферийная пресса и не региональное ТВ) средствам массовой информации не забили кляп в глотку – у всех у нас остается шанс на поворот к лучшему. Как бы плохи ни были дела военные или экономические. По ехидному выражению Андрея Синявского, нынешнее начальство «купило интеллигенцию за свободу слова». Что ж, так оно по сути и есть! Я, например, не знаю другой цены, за которую правитель мог бы меня купить: ни за чины, ни за почести, ни тем более за деньги ему это не удалось бы… Ибо мы живы не до тех даже пор, пока у нас есть кусок хлеба, а до тех, пока у нас есть хотя бы кусок правды.

«Демократия кончается там, где начинается угроза демократии»

На вопросы обозревателя «Невского времени» Бориса Вишневского отвечает писатель Борис Стругацкий

Февраль 1996 года

Комментарий: мы беседовали вскоре после парламентских выборов 1995 года и в преддверии президентских выборов 1996 года. Тогда рейтинг Ельцина был катастрофически низок – около 3%, мало кто мог предположить, что его удастся «надуть» до 60%-ной отметки, и среди интеллигенции (особенно той ее «элитной» части, что всегда поддерживала Бориса Николаевича) стала популярной мысль о том, что выборы неплохо бы отменить, поскольку Ельцин может их и не выиграть. И мы с Борисом Натановичем продолжили старый спор – о целях и средствах. О том, можно ли во имя недопущения к власти тех, кто способен «прикрыть» демократию завтра, отказаться от демократии (отменив выборы) уже сегодня…

– Борис Натанович, Вы ожидали таких результатов парламентских выборов?

– Да, конечно! Еще до выборов я составил свой собственный прогноз, который оказался довольно точным. Я ошибся в «Женщинах России», которые вообще не прошли, но были близки к 5-процентному барьеру, и, как и все, ошибся с КРО, которому я давал 10–15 процентов. Что касается «Дем. выбора России», то я предполагал, что они, скорее всего, не смогут перейти через 5 процентов. Хотя я надеялся и верил, что им удастся это сделать.

– У Вас есть какое-то объяснение результату ЛДПР? Ни один опрос не давал им таких процентов, почти все предполагали, что голоса «уйдут» к Лебедю – а они не «ушли». Почему?

– Мне было совершенно ясно, что Жириновский никогда в жизни не наберет столько, сколько у него было в 1993 году, но мне также было совершенно ясно, что он перейдет барьер, и минимум в два раза. У них есть свой верный электорат – это 6–7 процентов люмпенов и некоторое количество «лихих парней», которых не пугает кровь и которые не видят ничего плохого в том, чтобы немножечко повоевать.

– Так или иначе, но партии и движения, полностью или частично поддерживающие курс президента и правительства, набрали в сумме около 20 процентов голосов. Будь Вы президентом – восприняли бы это как необходимость смены

курса?

– Я ни в коей мере не отказался бы от реформ. Я не отказался бы от «столпов» реформы – скажем, жесткой финансовой политики, но постарался бы сделать политику более «социально ориентированной».

– Три года назад были распространены рассуждения о том, что реформаторам мешают проводить реформы – поэтому необходимо расширение полномочий президента и ограничение полномочий парламента. И когда критики нынешней конституции буквально криком кричали, что нельзя оставлять исполнительную власть без парламентского контроля, им отвечали: зато никто не сможет помешать президенту проводить радикальные экономические реформы! Ну что же, конституция принята, полномочия президента необъятны, никакая Дума ему всерьез помешать ни в чем не может – на кого пенять теперь?

– То, что президент может делать все, что считает нужным, – глубокое заблуждение! Я много раз говорил о том, что в стране нарушена система передачи власти сверху донизу. Где-то пробуксовывают шестерни, сорваны зубцы – и сверху можно издавать сколь угодно строгие указы, которые внизу не исполняются. Какова именно эта механика – не знаю… Но я знаю, что демократия в нашей стране привела, в частности, к тому, что силы прошлого остались в неприкосновенности. И при первой же возможности рвутся назад – и они вернут все назад, и будет все, как раньше: сверхмилитаризованная экономика, пустые полки, вечный Агропром и закупки зерна за границей. Почему? Да потому, что огромному количеству людей это удобно. А ведь никто не сказал, что экономически совершенная страна – это такая страна, где большинству людей удобно! В экономически развитой стране люди с утра до вечера вкалывают как бешеные. За что и имеют все, что имеют. А мы не привыкли так, у нас все по-другому устроено, и переменить все это по приказу очень сложно. Петр Первый в такой ситуации рубил головы. Это помогало, но очень плохо – и хорошо известно, что после смерти Петра многое из того, что он сделал, было утрачено. Повторяю: слишком много людей не заинтересовано в переменах, слишком много людей хотят, чтобы все было, как раньше.

– Вот теперь мы с Вами подходим к сути. Если большинство общества желает двигаться не туда, куда считаете нужным двигаться и Вы, и я, – следует ли подчиниться воле большинства?

– У нас есть очень простой выбор: или – государственный строй, в котором есть основные права и свободы граждан, или – строй, где у граждан этих прав и свобод нет. Так вот, я считаю, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы с помощью

демократических процедур к власти приходили люди, которые с этими демократическими процедурами охотно покончат. И не допустить этого нужно любыми способами. Например, отменить выборы. Это – совершенно бескровный способ.

– Вы считаете абсолютно нормальным отмену выборов, на которых большинство может проголосовать за тех, кто вам не нравится?

– Не так! Я считаю нормальной отмену выборов, на которых большинство может проголосовать за антидемократов. За людей, которые, придя к власти, тут же демократию прекратят. Да, в крайнем случае, если иного выхода не будет, я готов согласиться с отменой выборов. Конечно, не отменяя ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы митингов и демонстраций.

– Вы хотите сказать, что, решившись на отмену выборов, власть сохранит свободу печати и свободу собраний? Конечно, поддерживать действия власти можно будет в прессе и на телевидении абсолютно свободно. А вот критиковать – не позволят… Как осенью 1993 года, по «странному» совпадению, ни одну статью, критически оценивающую действия президентской команды, ни в одной из крупных городских газет опубликовать было невозможно. А уж о том, чтобы высказать это по телевидению, и говорить не приходилось… Но вернемся к нынешнему дню: зачем мне все указанные вами свободы, если я лишен главнейшей из них: свободы выбирать в стране власть, которую я хочу?

– А я задаю контрвопрос: зачем вам свобода, в результате которой к власти приходит человек, ее уничтожающий?

– Мы с вами упираемся в некий парадокс, замкнутый круг. С одной стороны – да, существует опасность того, что на выборах законным путем победят люди, которым потом демократия не понадобится. С другой – для того чтобы этого не допустить, предлагается, по сути, в превентивном порядке отказаться от одного из важнейших принципов демократии: возможности периодической смены власти. Не напоминает ли Вам это известный пример с воином-дикарем, который, съев сердце врага, уподобляется врагу?

– И Стресснер, и «папа Док», и Альенде, и Муссолини, и Гитлер пришли к власти абсолютно законным путем. Я уже не раз говорил: как было бы хорошо, если бы престарелый президент Германии фельдмаршал Гинденбург абсолютно неконституционным путем разогнал нацистскую партию, пересажал бы ее лидеров и отменил выборы – тогда бы мы не столкнулись со всеми ужасами победившего фашизма.

– Что же, и с этим можно поспорить. Напомнить, скажем, что

за 10 лет до 1933 года во время «пивного путча» с нацистами именно так и поступили – что во многом предопределило их последующий успех: любое социально неблагополучное общество любит гонимых. И Гитлер пришел к власти не потому, что немецкие демократы не смогли объединиться перед угрозой фашизма, а потому, что бездарная политика находившихся у власти социал-демократов, с одной стороны, склонила часть избирателей к коммунистам сталинского типа, а с другой – к нацистам, которые показались большинству немцев меньшим злом, чем коммунисты. Но если бы даже все так и произошло, как Вы говорите, – вполне возможно, что агрессором европейского масштаба стала бы не Германия, а сталинский Советский Союз, и не с Германией, а с нами воевала бы (и нас бы разгромила) коалиция союзников. И, возможно, против нас применили бы атомную бомбу… Но не будем углубляться в историю: итак, демократия, которая помогает отобрать власть у коммунистов, – это хорошо, а демократия, которая может вернуть коммунистов к власти, – плохо? Какая-то двойная мораль получается…

– Я предпочел бы другую формулировку: демократия, которая с помощью выборов продолжает себя, – это хорошо. А та демократия, которая с помощью выборов себя заколачивает в гроб, – это плохо. Вот такой общий принцип.

– Если бы коммунисты в 1989-м рассуждали бы так же и опасались, что выборы станут началом их конца, никакой свободы и демократии мы бы до сих пор не видели. Неужели они были храбрее нас? Или честнее?

– Все, что способствует продолжению демократии, хорошо, в том числе и свержение коммунистов. А восстановление власти коммунистов – плохо, потому что они прекращают демократию. Нужно быть дьявольски наивным человеком, чтобы считать, что к власти могут прийти какие-то другие коммунисты. Те были плохие, бяки, а эти – они вполне безобидные. При этом забывается, что суть коммунистической доктрины состоит в том, что исповедуется некая единственно верная идея и единственно верная программа. И только эта программа будет осуществляться любым путем. Почему любым? Потому, что она единственно верная.

– В таком случае типично коммунистическими являются и правительство Гайдара, и правительство Черномырдина: начиная с 1992 года ими отстаивается принцип «единственно верного» экономического курса, альтернативой которому является только полный откат назад. Конечно, это – очень удобная позиция: она позволяет объявить «по определению» все трудности – неизбежными, всех оппонентов – еретиками, а единственным

недостатком правительственной линии – недостаточную решительность. И очень трудно не заметить сходства этой позиции с той, которую много лет занимали большевики…

– Я говорю не о тактической линии, рассчитанной на несколько лет, а о коммунистической доктрине, о построении рая на земле. Разве ради рая на земле нельзя закрыть пару десятков газет и посадить своих людей на руководящие посты на телевидении?

– Но и Ваша готовность достичь, несомненно, благой цели – сохранить демократию – предполагает использование весьма сомнительного средства – отмены свободных выборов. Законно отменить выборы нельзя – значит, придется переступать через закон, разгонять парламент, который будет протестовать, затем – прикрывать партии, которые хотели выставлять своих кандидатов, затем скрепя сердце «во имя общественного согласия» перекрывать кислород прессе, не давая слова оппонентам, затем – во имя тех же благих намерений наказывать за инакомыслие…

– А что же еще делать, когда риск слишком велик? Вот вы готовы проводить выборы, даже зная, что они могут печально закончиться, а я – не готов!

– Вы готовы на другое: не желая победы коммунистов на выборах, которая может ограничить свободу завтра, Вы готовы ограничить мою свободу выбора уже сегодня. Конечно же, из лучших побуждений и для моей же пользы! Но разумное меньшинство, навязывающее свою волю неразумному большинству во имя благой цели, – это очень старая и знакомая сказка. И с очень плохим концом…

– Да, я готов лишить вас незыблемого права выбирать себе власть точно так же, как я готов лишить вас незыблемого права покончить с собой, если вам придет в голову броситься из окна! Я нарушу ваши демократические права и свободы, но я поймаю вас за ноги, накостыляю вам по шее, напою валерьянкой и постараюсь привести в нормальный вид. Вот полная аналогия происходящему. Вы хотите рискнуть демократией – во имя некоего светлого высокого принципа. А я хочу отказаться от одной из ее составляющих – во имя того, чтобы демократия продолжалась дальше. Чтобы ее не утопили и не выбросили в окно. Демократия должна быть ограничена, как и все в этом мире, где нет ничего безграничного. И у нее есть естественная граница: демократия кончается там, где возникает угроза демократии. И свобода воли человека кончается там, где кончается человек. Самоубийца, стоящий с камнем на шее, – возможно, вполне взрослый человек, он уже два раза был женат и прожил длинную

жизнь. Но вы считаете, что у него есть полное право по собственному свободному выбору броситься с моста, а я считаю, что он должен быть остановлен. Вот разница наших позиций. Причины, по которым человек может добровольно уйти из жизни, должны быть дьявольски серьезны!

– А кто дал Вам право решать, насколько они серьезны у другого человека? Борис Натанович, Вы ведь всегда были убежденным поборником свободы, неужели Вы изменили свою точку зрения?

– Я всегда был поборником свободы, но никогда не считал, что свобода должна быть безграничной. Нельзя рисковать демократией во имя демократии же…

– Значит, все-таки «цель оправдывает средства»?

– Я не сказал, что цель оправдывает все средства. Цель оправдывает некоторые средства – с этим вряд ли кто-нибудь будет спорить. И я готов во имя демократии временно отказаться от некоторых демократических процедур…

Не публиковалось

«Все, что не имеет отношения к реальности, мне просто неинтересно…»

На вопросы Бориса ВИШНЕВСКОГО отвечает писатель Борис СТРУГАЦКИЙ

2 марта 1997 года

Опубликовано: частично – «Вечерний Петербург» 30 апреля 1997 года; частично – «Независимая газета» 14 мая 1998 года; частично – журнал «Петербургский стиль» №3, октябрь 1998 года

Комментарий: это – одна из редких наших «невеселых бесед при свечах», в которых нет ни слова о политике. Только о литературе, о проблемах современной фантастики и о том, что, как представляется, до сих пор служит предметом споров.

– Борис Натанович, нет ли у Вас ощущения, что та фантастика, на которой росли поколения «семидесятников» и «восьмидесятников» (в том числе написанная Вами с братом), и фантастика, которая сегодня в подавляющем большинстве присутствует на рынке, – вообще говоря, два совершенно разных вида литературы?

– Честно говоря, рассуждать на эту тему мне уже немного надоело! Но, слава богу, вы хоть не ставите вопрос так, как его ставит большинство журналистов: вот, мол, полное засилье иностранщины, дерьмованщины, читать приличному человеку нечего, гибель культуры… Разумеется, изменения – и разительные – произошли. И произошли они в первую очередь в издательском деле. Раньше на издание книги тратилось 2-3 года, а сейчас – 2–3 месяца. Раньше вопрос об издании книги рассматривали десятки людей, и каждый имел об этой несчастной книжке свое мнение, причем все они наделены были правом запрещать, и никто почти не имел права разрешать. Теперь вопрос об издании книги решается очень быстро и небольшим числом голосов. Причем учитывается, как правило, только один фактор: будут книгу «брать» или нет. Все остальное – чистая техника, без какой-либо идеологии и философии. И я не вижу в этой системе ничего дурного. У нас наладился нормальный книжный рынок, как в любой культурной европейской стране. Издается то, что читатель хочет читать, и в результате на прилавках – весь спектр, от дурнопахнущих эротических сочинений на одном краю и до Бердяева и Фромма на противоположном. Спектр этот компактно заполнен, причем, как и следует ожидать, это не просто хаотичное, беспорядочное

заполнение, а заполнение в пропорциональных дозах. То, что пользуется большим спросом, – издается в больших количествах, а то, что спросом не пользуется или пользуется не очень, – издается в малых количествах или не издается вообще. В результате каждый читатель – подчеркиваю: каждый! – имеет возможность приобрести и прочитать то, чего просит его душа. Такого в России на моей памяти никогда не было. И я, честно говоря, даже не надеялся, что до этого доживу. Если же говорить конкретно о фантастике, то в ней тоже произошли существенные структурные изменения, тесно связанные со всеми вышеназванными обстоятельствами. Так, например, выяснилось, что многие и многие – в основном подростки – «хотят» так называемую литературу «огня и меча», где действие разворачивается, как правило, в сказочных странах и благородные рыцари сражаются с драконами или злыми гоблинами. Эта литература, носящая название «фэнтези», пользуется огромной популярностью. Не знаю, заслуженной ли, но, несомненно, огромной…

– Признаюсь, что и сам ее с удовольствием читаю – давно уже, к сожалению, не будучи в подростковом возрасте…

– Я очень рад, что она вам нравится, хотя мне такая литература вовсе не по душе и я даже не уверен, что это вообще литература.

– Почему?

– Уж так я воспитан, и мне, наверное, поздно переучиваться. Я почти совсем не воспринимаю литературу о несуществующих и иллюзорных мирах. Все то, что антиреалистично, все то, что парареалистично, то есть существует как бы рядом с реальностью, – мне попросту неинтересно. Я не люблю читать подробные описания чужих сновидений и романов, все события которых оказываются – вдруг – сном. Я не люблю читать книги, где изображение бреда сумасшедшего человека оказывается основным содержанием. Мне не нравится такая литература, я привык думать, что литература есть всегда – достоверное изображение реального мира, обитаемого реальными людьми. Не тенями, не грезами, не галлюцинациями – реально существующими людьми, созданными воображением автора в соответствии с законами реального мира. Короче, я предпочитаю книги, внутренней основой которых является сугубая достоверность происходящего.

– Но разве не практически каждый фантаст (и вы с Аркадием Натановичем в том числе) рисует для своих героев вымышленный мир?

– Есть некое существенное различие между понятиями

ВЫМЫШЛЕННЫЙ мир и мир ИЛЛЮЗОРНЫЙ. Мир Толстого – вымышленный мир. И мир Достоевского. И мир Кафки. Они созданы воображением и только в воображении существуют. Но никому и в голову не придет назвать эти миры иллюзорными. Вот два примера: мир Станислава Лема в романе «Возвращение со звезд» и мир замечательно талантливого Виктора Пелевина в романе «Чапаев и Пустота». Оба мира созданы мощным воображением. Оба мира придуманы, СКОНСТРУИРОВАНЫ и в этом смысле фантастичны. Но я воспринимаю их принципиально по-разному. Это принципиально РАЗНЫЕ миры. Различие между ними гораздо больше, чем между миром «Анны Карениной» и миром «Превращения». «Война и мир» и «Возвращение со звезд», при всем очевидном несходстве между ними, тем не менее объединены чем-то чрезвычайно существенным, чего нет в «Чапаеве…» Мир Толстого и мир Лема – доступны сопереживанию. Читательское воображение переселяется в них и там живет реальной жизнью – читатель любит, ненавидит, страшится, радуется вместе с героями, за героев, по поводу героев – сопереживает им, как реальным существам. Герои Пелевина живут НИГДЕ, и каждый из них – НИКТО, перемещающийся НИКУДА и НИЗАЧЕМ. Невозможно сопереживать галлюцинации, видению, герою чужого сна. А раз нет сопереживания – значит, нет и литературы. Не могу сказать, что я пришел к этому пониманию в глубоком детстве. Но начиная с какого-то момента эта установка сделалась принципом восприятия литературы, а значит, и работы. Братья Стругацкие даже в самых ранних и самых слабых своих вещах описывали миры, может быть, и не существующие – сегодня, здесь и сейчас, – но СПОСОБНЫЕ существовать, способные принять в себя читателя, сделать его соучастником происходящего, сочувствующим и сопереживающим. Мы всегда полагали, что любой хорошо придуманный и продуманный мир обладает свойством виртуальности: он, может быть, и не существует в реальности, но буде найдется на него свой Демиург, механизм затикает и мир реализуется. Впрочем, все это теория. А практически я приемлю только те литературные миры, которые способны к сцеплению с реальностью, в которой я живу.

– Еще пять-десять лет назад большинство авторов, которых мы могли читать, следовали похожей традиции. А уж авторов отечественных – тем более. Но сейчас, как представляется, традиции описанной Вами «квазиреалистичности» весьма слабы даже среди российских фантастов. Не огорчительна ли для Вас такая перемена?

– Я не могу пожаловаться на нашу фантастику – традиции

«фантастического реализма» (я употребил бы именно это определение) продолжает целая плеяда замечательных писателей – здесь и Вячеслав Рыбаков, и Андрей Столяров, и Андрей Лазарчук, и Михаил Успенский, и Эдуард Геворкян, и Александр Щеголев, и Борис Штерн, и Евгений Лукин, и Павел Кузьменко… Я перечисляю только тех, кто в последние годы стал лауреатом премий «Интерпресскон», «Бронзовая улитка», «Странник», – их книжки достаточно часто появляются на прилавках и выпускаются большими тиражами. Так что не одна лишь «фэнтези» процветает. Как говорится, всем сестрам – по серьгам: любители «фэнтези» получили «фэнтези», любители серьезной фантастики – реалистическую фантастику.

– Каково Ваше отношение к распространенному в последнее время жанру, если так можно выразиться, «эпигонства»? Причем в двух его разновидностях: одна – когда пытаются создавать продолжения фантастических бестселлеров (самый яркий российский пример – Ник Перумов с его «свободным продолжением» знаменитой эпопеи Джона Рональда Руэла Толкиена «Властелин колец»), другая – когда начинающие и не только начинающие писатели выпускают книги под вымышленными иностранными именами, продолжая популярные фантастические сериалы (опять же, самый яркий российский пример – конвейерное производство все новых и новых томов эпопеи о Конане-варваре)…

– Как читатель я к этому отношусь крайне отрицательно. И все по той же самой причине. Эти тексты не имеют никакого отношения к реальности. Никакого вообще. Нет сцепления с реальностью, и нет сцепления между мною и событиями, происходящими в этих мирах. Я равнодушен к ним, мне они так же совершенно безразличны, как какие-нибудь узоры на обоях. Эти узоры могут быть такие, могут быть этакие – какое мне до этого дело? Особенно если я нахожусь, скажем, в помещении собеса, куда пришел хлопотать о пенсии. Это впечатление невнятной и необязательной вязи, впечатление произвольности, неестественности, псевдокрасивости убивает во мне всякий интерес к книге такого рода. Хотя я прекрасно понимаю подростков, которым она нравится. И если бы я получил такого рода книжки в 12–13 лет – наверное, тоже читал бы их с наслаждением. Правда, в мое время даже сказки были как-то сцеплены с реальностью. Когда я читал «Старика Хоттабыча» или «Волшебника Изумрудного города» – а это все пересказы западных авторов…

– …«Волшебник» – конечно, но разве и «Хоттабыч» – неоригинальное произведение? С его наполненностью чисто

советскими деталями?

– Это тоже пересказ – великолепный пересказ! – книги английского автора, очень остроумного, хотя у нас совершенно неизвестного. Так вот, и «Волшебник», и «Хоттабыч» описывают миры, по-своему близкие к реальности. Во всяком случае, я жил жизнью героев этих книг, погружался в них, как в некую «вторую действительность». Более того: и в тридцать, и в сорок лет я, помнится, иногда с удовольствием перечитывал эти сказки! А если возвратиться к вашему вопросу – мне совершенно безразлично, пишут или нет современные авторы «фэнтези» продолжения известных произведений. И так же безразлично, делают они это открыто, как Перумов, или прячутся под красивыми псевдонимами. Если это и литература, то такая, к которой я совершенно равнодушен. Впрочем, повторяю снова и снова: ничего дурного в текстах такого рода я не вижу. Литература должна быть самой разнообразной. И чем выше «коэффициент разнообразия» – тем лучше. Для всех.

– Как уверяют рекламные плакаты в вагонах метро, самыми читаемыми авторами в России стали Александр Бушков, Василий Головачев и другие, в основе творчества которых лежит принципиально иная этическая конструкция, чем у братьев Стругацких. Короче всего ее можно определить как «Если враг не сдается – его уничтожают». Есть «мы», которые по определению – добро, и есть «они», которые по определению зло, враждебные нам и подлежащие уничтожению огнем и мечом без сомнений и колебаний. Характерна фраза одного из героев Бушкова: «Чем большим разумом наделено создание, служащее злу, тем быстрее оно должно быть уничтожено». Куда уж тут морали героев «Гадких лебедей» или «Жука в муравейнике»…

– Конечно, это – другая этика. Этика незрелого ума. Этика малого опыта. Эмбрион этики, из которого может вырасти этика носителя разума, а может – ничего не вырасти… Бушкова я что-то читал, он человек, безусловно, не лишенный таланта, владеет словом, умеет построить сюжет, но он, по-моему, никогда не станет настоящим писателем. У него нет чувства меры, и он этого, как мне кажется, совсем не понимает. Я прочитал какой-то его роман – не фантастику, триллер, – и в нем людей убивают в каждой главе, на каждой странице, иногда целыми партиями – поротно и побатальонно. И такое вот легкое отношение к человеческой жизни, как к жизни комара, которого не только можно, но и должно прихлопнуть, чтобы не зудел над ухом, характерно для многих современных авторов.

– Вас не огорчает, что подобное отношение все более становится господствующим, в отличие от фантастики 60–80-х

годов?

– Как можно огорчаться или радоваться таким вещам? Они естественно заложены в некоторых людях. Как правило, в людях молодых, еще по-настоящему не битых жизнью и дурно воспитанных – в том смысле, что не существует у них сопереживания чужой боли, чужому горю и чужой смерти. Это легкое отношение к бедствиям, зачастую даже возвышенно-мрачное, этакое почти сладострастное погружение героев в горнило страданий очень характерно, кстати, для, так сказать, нордическо-германской литературы. Там тоже всегда присутствует герой, который раскаленным мечом отсекает головы разнообразным гидрам в человеческом облике…

– … и там тоже всегда была высшая раса, которая уже самим своим положением получала право относиться к низшей как к насекомым, будучи свободной от морали…

– Я бы не сказал, что они свободны от морали. Пожалуй, они по-своему нравственны, только мораль у них другая. Не христианская. Языческая, наверное. Каждый человек, исповедующий христианскую мораль (не важно, кстати, верующий он или нет), способен нарушить принцип «не убий». Но он всегда знает, что, убивая, он совершает грех. И даже в том случае, когда он убивает гнусного, однозначного мерзавца, покусившегося на ребенка, даже в том случае, когда выхода другого не было, кроме как убить, когда убийство похоже на подвиг, за который орден надо давать, – носитель христианской морали ТОЧНО знает, что поступил ДУРНО. Но человек рождается язычником и склонен оставаться язычником, ибо это, видимо, его наиболее естественное состояние. Если же воспитанием его занимается тоталитарная система – неважно, коммунистическая или национал-социалистическая, – вот тут-то и появляются носители Новой Морали, совершенно точно знающие, что великая цель оправдывает любые доступные средства.

– Когда-то Вы говорили мне, что самое удивительное в герое «Трудно быть богом» благородном доне Румате то, что он обнажает меч и идет крошить мерзавцев в мелкий порошок на последней странице книги, а не на первой – как хотелось бы читателю…

– С Руматой как раз все ясно: он испытал сильнейший нравственный шок, после которого был отправлен на Землю и бродит там по лесам. Да, он вылечился, но по сути дела – переболел тяжелейшей болезнью… Но нынешний молодой человек, а особенно – молодой человек с тоталитарной психологией не видит здесь никакой нравственной проблемы

вообще. Он воспитан в традиции, что добро должно быть с кулаками. Убить врага – почетно, убить негодяя, мерзавца, убийцу – почетно. Помните, как тот же Румата мечтает иногда уподобиться профессиональному бунтовщику Арате Горбатому, прошедшему все круги ада и получившему почетное право убивать убийц, пытать палачей и предавать предателей? Все это, конечно, – отрыжка тоталитарного сознания. Когда у человека есть цель, во имя которой ему разрешается делать ВСЕ, – вот это и есть тоталитарное сознание. Если ты действуешь во имя благородной цели – все дозволено. С точки зрения христианской морали это отвратительно. Хотя и сами христиане, точнее – христианская церковь этим грешила: когда во имя истинной веры в Христа убивали инакомыслящих и сжигали еретиков на кострах, нарушая одну из десяти заповедей во имя другой.

– Правда, за 300 лет существования испанской инквизиции во имя истинной веры было уничтожено несколько тысяч человек – столько, сколько 60 лет назад в нашей стране уничтожали за год во имя другой веры, которая тоже почиталась истинной и не подвергаемой сомнению…

– Все это так. Но, возвращаясь к нашему разговору, – мне кажется, что писатели, исповедующие нравственность такого рода, не есть настоящие писатели. И дело здесь даже не в нравственности – хромает эстетика, нарушается чувство меры. Нарушен важнейший эстетический принцип: «Соразмеряй!» Начав убивать, они уже не умеют остановиться. И тогда по всем законам эстетики трагическое трансформируется у них в комическое. Читатель перестает сопереживать героям или жертвам, читатель начинает считать трупы, и когда очередной взорванный автобус с негодяями валится под обрыв – вместо того чтобы ужасаться трагедии или радоваться победе добра, я принимаюсь хохотать: так, вот и еще пятьдесят человек вписано в мартиролог! Впрочем, пусть будут и такие книжки. Есть, правда, точка зрения, что тексты такого вида вредят морали, формируют поколение людей с привычкой к насилию, – однако никто еще никогда и никому не доказал, что чтение безнравственных книг приводит к падению нравственности. С той же мерой убедительности можно доказывать, что такое чтение вызывает как раз благодетельное пресыщение, позволяет разрядить агрессивный потенциал, и человек после прочтения становится, наоборот, лучше и чище. В конце концов, я не вижу принципиальной разницы между такими книгами и каким-нибудь фильмом «Иван Никулин – русский матрос», где фашистов, безликих и неотличимо поганых, косят ротами и батальонами под радостный смех зрительного зала.

– Однако видимое большинство литературы при недавнем

тоталитарном строе все же представляло не жанр «огня и меча», который объективно вполне соответствовал тоталитарной морали, а другой – куда более «христианский». А стоило тоталитаризму уйти в прошлое – и при демократии небывалой популярностью стала пользоваться литература, казалось бы, куда более подходящая для ушедшей эпохи…

– Господи, хоть вы-то не повторяйте этих благоглупостей! Эта литература не «стала популярной», она всегда БЫЛА популярной, уверяю вас! Если бы ее печатали в пятидесятые или шестидесятые годы – точно так же малоквалифицированный читатель обжирался бы ею, пока бы не надоело. Сегодня она появилась и заняла ту нишу читательских потребностей, которая всегда существовала раньше, только загорожена была ржавыми решетками тоталитаризма. Сломали решетку – и ниша тут же заполнилась. Точно то же самое произошло с эротикой и порнографией. Сломал бы эту решетку не Горбачев, а Хрущев – ниша заполнилась бы при Хрущеве. Эти ниши не есть нечто создаваемое демократией, они естественны, существуют как виртуальная реальность всегда и суть следствие особенностей мировосприятия среднего человека. Который во всех европеоидных странах устроен так, что требует секса, насилия, «хлеба и зрелищ». Это было всегда, во все века: как только появлялась свобода и умирал какой-нибудь очередной идеологический Савонарола, сразу же соответствующие ниши заполнялись. Это в каком-то смысле печально, если не помнить, что кроме «низменных» ниш всегда существовали и существуют ниши возвышенные, потребность в гуманном, добром, прекрасном, от чего тоталитаризм тоже норовил отгородится во все века. В конце концов, и все Высокое Возрождение тоже было заполнением определенной ниши, по которой тосковало человечество.

– И все-таки почему советское тоталитарное государство не пропагандировало литературу обсуждаемого нами «нордического» типа, с ее героями, беспощадно уничтожающими классового врага?

– Потому что право на насилие было объявлено привилегией этого государства, но не отдельной личности. Героя, разумеется, прощали, если он убивал негодяя, ему давали орден, если уничтоженный негодяй оказывался государственным преступником, – но все-таки самодеятельность одиночек считалась, вообще говоря, недопустимой. Это принципиально отличается от, скажем, американского подхода к тому же вопросу – там именно культ героя-одиночки, восстанавливающего справедливость, сложился за десятилетия и столетия.

– И еще о «фэнтези». Я понимаю Ваше отрицательное к ней отношение, но неужели даже любимый мной «Властелин колец» Толкиена оставляет Вас равнодушным? Этические конструкции, на которых эта эпопея построена, по-моему, очень и очень привлекательны – и очень современны…

– Должен признаться, что Толкиена я так и не прочел до сих пор. А вот «свободное продолжение» Толкиена, сделанное Перумовым, – читать пытался. Не понравилось, о чем Нику я честно и сказал. Не понравилось все то же полное отсутствие сцепления описываемого мира с реальностью. Вот другую книгу Перумова, написанную им вместе со Святославом Логиновым, – «Черная кровь» – я прочел с куда большим удовольствием, хотя она, как мне показалось, не так хороша, как роман самого Логинова «Многорукий бог далайна». «Черная кровь» напомнила мне любимую когда-то «Борьбу за огонь» Жозефа Рони-старшего. Одно время ведь очень модно было писать про доисторических людей – писали и Джек Лондон, и Г.Дж. Уэллс, и ныне совсем забытый д'Обинье…

– Сейчас появилась целая серия «русского фэнтези» – начиная с «Волкодава» Марии Семеновой. Ваше мнение?

– С удовольствием прочел «Волкодава», хотя никак не ожидал, что эта вещь мне понравится. Казалось бы, ну какое мне дело до этих людей и их проблем? Однако же мир получился настолько реальный, подробно и точно выписанный, жесткий, яркий – оказалось, в нем можно жить! Можно сопереживать герою и ненавидеть его врагов. Хотя он безусловный и безнадежный супермен… А вот из серии про Конана я ни одной книги прочесть так и не сумел. Впрочем, не стоит, я полагаю, осуждать меня за то, что я остался глух к веяниям современной литературной моды. Существуют некие эстетические рамки, в пределах которых я способен испытывать наслаждение от книги. Оказавшись по воле автора вне этих рамок, я начинаю испытывать чувства скорее неприятные. Я оказываюсь не в своем мире, мне там скучно, мне там тесно, мне там нечем дышать… Впрочем, я здесь совсем не имел в виду отстоять справедливость и превосходство именно своих эстетических позиций. Я хотел объясниться, а не победить в споре. Ведь в конце-то концов речь идет о вкусах, а в споре о вкусах победителей не бывает.

«Демократия без границ нежизнеспособна, как человек без кожи»

На вопросы Бориса Вишневского отвечает писатель Борис Стругацкий

1 апреля 1998 года, Санкт-Петербург

Опубликовано (частями) в «Известиях» 17 апреля 1998 года; в «Независимой газете» 10 сентября 1998 года

Комментарий: несмотря на то что часть рассуждений в этом споре привязана к совершенно конкретным политическим событиям (отставка правительства Черномырдина в марте 1998 года, хулиганская выходка Жириновского в Думе, когда он прорвался на трибуну и оттуда поливал оппонентов водой из бутылки, скандальные выборы мэра в Нижнем Новгороде, когда избранный мэр Андрей Климентьев был практически сразу лишен победы, а затем – арестован и осужден), многое видится достаточно злободневным и по сей день. Особенно, как видится мне, – наш спор о «либеральной революции». Впрочем, о его актуальности пусть лучше судит читатель этой книги…

Представлять читателям Бориса Натановича Стругацкого нет ни малейшей необходимости. К огорчению поклонников, давно уже Борис Стругацкий почти ничего не пишет – привыкнув за долгие годы «пилить двуручной пилой», он не смог и не захотел перестроиться после кончины Аркадия Натановича в октябре 1991-го. Впрочем, работы у Мастера непочатый край: готовит объемистый комментарий к написанным вместе с братом произведениям, приводит в порядок архив, восстанавливает все написанное в первоначальном виде (количество купюр, сделанных когда-то всесильной цензурой, поражает воображение), ведет семинар, «натаскивает» молодых, с интересом следит за экспериментом по развитию собственных сюжетов – вышла уже вторая антология «Время учеников», где «эпигоны» пишут «свободные продолжения» книг Стругацких…

Всем, кто хоть немного знаком с Борисом Стругацким, известно, что на политические темы он готов рассуждать не менее охотно, чем на литературные. Борис Натанович – последовательный либерал, готов поддерживать власть до тех пор, пока она сохраняет свободу слова, уважает Явлинского, но хранит верность «Дем. выбору России». Впрочем, для этого у него есть не только идеологические причины – Егор Гайдар, как известно, женат на дочери Аркадия Натановича…

– Самая «горячая» тема сегодня – отставка правительства Черномырдина, у Вас есть какая-то собственная гипотеза – почему это произошло?

– У меня нет никакой «единственно верной» гипотезы. Первое, что пришло мне в голову, – что это, наверное, «упреждающий удар» в предвидении возможного вотума недоверия в Думе и акции протеста 9 апреля. Затем я подумал, что, возможно, Черномырдин как-то превысил свою компетенцию, а Куликов забрал слишком большую власть и, быть может, даже что-то готовил. Вполне возможно, что президент действительно был раздражен тем, что опять накопились долги по зарплате и пенсиям… Целый букет самых разных причин, но, скорее всего, сыграли свою роль все они сразу.

– Вас не удивляет, что все мы вынуждены заниматься гаданием? Почему внятные и убедительные объяснения не последовали от того, от кого они обязаны были последовать, – от президента?

– Но ведь президент же предупреждал: если правительство не будет «ловить мышей» – он его уволит. Дважды предупреждал, а оно все не ловит да не ловит. Так что формально все правильно: правительство не оправдало доверия, которое президент на него возлагал. Но при этом все прекрасно понимают, что точно по таким же основаниям правительство можно было уволить в любой другой момент. Можно было уволить год назад, а можно было еще годик подождать. Почему сейчас? Я сильно подозреваю, что сделан какой-то сложный и хитрый политический ход. Но у меня мало информации, да и политического опыта, прямо скажем, маловато, чтобы разобраться досконально.

– Вы надеетесь, что новое правительство окажется лучше старого?

– У меня такое впечатление, что любое правительство, составленное из людей, ориентированных на реформы, а не на контрреформы, имеет сегодня очень ограниченную свободу маневра. Я неважно разбираюсь в экономике, но такое впечатление, что сейчас наступило время скрупулезной, терпеливой, черновой работы. Я не вижу возможностей что-либо радикально изменить, да и никто, по-видимому, такой возможности не видит. Предыдущее правительство решило две большие макроэкономические задачи – стабилизация рубля и уменьшение инфляции, – создав экономический фон, на котором надо работать: брать отрасль за отраслью, предприятие за предприятием и искоренять неплатежи, дурацкий бартерный обмен, организовывать санацию – в общем, заниматься уже не

макро-, а, по сути, микроэкономикой.

– Будь Вы на месте президента – кого бы предложили в премьеры?

– Чтобы «играть» за Бориса Николаевича, надо обладать информацией Бориса Николаевича. Я знаю только, кого я лично хотел бы видеть на месте премьера – Анатолия Борисовича Чубайса. Мне кажется, что именно он лучше многих и многих мог бы проделать всю эту необходимую черновую работу.

– Какое мнение сложилось у Вас о Кириенко?

– Он кажется мне временной фигурой, даже если вдруг будет утвержден Думой. Может быть, это от неожиданности – я не привык видеть таких молодых, ниоткуда возникших людей на столь высоких постах.

– А какие решения показались бы Вам ожидаемыми? Скажем, читатели «Известий», как сообщила газета, назвали самым подходящим кандидатом в премьеры Григория Явлинского, но к нему даже не обращались с подобным предложением…

– Я думаю, что у Явлинского было бы еще меньше шансов быть утвержденным Думой, чем у Кириенко. Эта Дума не пропустит Явлинского никогда! Кириенко? Не знаю. Может, в конце концов, и пропустить: «Человек никому неизвестный, пусть попробует…» А вот Явлинский шансов не имеет совсем: две крупнейшие фракции Думы являются врагами «Яблока» – коммунисты и ЛДПР.

– Вы полагаете, что при выборе кандидата Ельцин руководствовался его проходимостью через Думу? В таком случае надо было предлагать Зюганова или Рыжкова. Представляется, что этот фактор вряд ли играл существенную роль – тем более что президент сразу же заявил, что будет настаивать на своем и не остановится и перед роспуском Думы. Мол, «на поблажки не пойду», попробуйте только не утвердить…

– При чем здесь Зюганов – Рыжков? «Проходимость» вовсе не главное качество кандидата в премьеры. Что же касается роспуска Думы, то Кириенко – не та персона, с помощью которой распускают парламент. Вот если бы Борис Николаевич предложил Явлинского – я бы сказал: все ясно, парламент хотят распустить! Почему он его не предложил – могу только предполагать. Возможно, ему не нравится неуправляемость Явлинского. В любой момент он может сказать президенту: знаете что, мне все это не нравится, я пошел отсюда!

– Вы полагаете, что это плохо – уходить, не желая делать то, с чем не согласен?

– Я полагаю, что Борис Николаевич этого не любит. И я его прекрасно понимаю: если уж я выбрал кого-то, премьер-

министром – пусть делает то, что скажут, а не то, что ему нравится. Насчет Кириенко в этом плане Борис Николаевич, видимо, совершенно уверен. А насчет Явлинского – конечно, нет. Хотя я бы, несмотря на то что мне не очень нравятся некоторые его экономические идеи, не возражал бы увидеть его на посту премьера.

– Давайте уточним: какие именно экономические идеи Явлинского Вам не нравятся?

– То, что он сторонник «вбрасывания» денег в экономику и считает, что в инфляции нет ничего особо страшного.

– То, что Явлинский якобы выступает за высокую инфляцию и «накачку» экономики деньгами, – миф, созданный его политическими оппонентами. «Яблоко» считает, что инфляция – не причина, а следствие кризисного состояния экономики и надо не «сбивать» инфляцию при помощи невыплаты заработной платы и отказа государства от оплаты своих заказов, а заниматься структурной перестройкой экономики, вводить антимонопольное законодательство, снижать налоги (а не повышать, как это делают проправительственные экономисты, почему-то считающиеся в общественном мнении либералами)…

– Я отнюдь не обвиняю Явлинского в том, что он выступает за высокую инфляцию. Но я постоянно читаю, что он якобы не боится инфляции: будет не полпроцента в месяц, как сейчас, а два или три – не страшно. А мне кажется, что страшно. Но вообще-то я к нему отношусь очень хорошо, и если не «Дем. выбор России» – то, разумеется, «Яблоко», мой выбор здесь совершенно однозначен. Правда, меня беспокоит и то, что Явлинский настолько заботится о своей «самости», что продолжает отрицать необходимость объединения всех демократов.

– Это Вы от жизни оторвались: в марте 1998 года на съезде «Яблока» как раз и было принято решение о том, что необходимо объединить всю демократическую оппозицию – тех, кто в 1991 году «вышел на площадь» и надеялся на лучшую жизнь.

– Но речь идет об объединении демократических сил вокруг «Яблока» и на условиях «Яблока»!

– Объединение происходит вокруг того, кто сильнее на данный момент. Сегодня все опросы показывают, что популярность «Яблока» выше и оно имеет больше оснований считать, что объединение должно происходить вокруг него…

– А как Вам нравятся реверансы НДР в отношении «Яблока»? Правда, они хотят, по-моему, объединения вокруг НДР…

– Реверансы были, но НДР нельзя воспринимать как политическую партию. Это чисто бюрократическая организация федерального и местного начальства. Я, например, в Петербурге –

за исключением руководства – не знаю ни одного человека, который бы состоял в НДР. Что НДР есть – знаю, что его петербургское отделение возглавляет вице-губернатор – знаю, а рядовых членов – извините, не встречал. Знаю много людей из ДВР, из КРПФ, даже из ЛДПР кое-кого знаю, но не знаю ни одного «эндээровца». Значит, никакой партии у них нет. И вообще она существовала, пока ее начальником был премьер-министр. И все средние и мелкие начальники бежали к ним записываться именно по этой причине… Но сменим тему: как Вы думаете, удастся ли отдать Жириновского под суд – после недавней истории с «захватом» трибуны в Думе, поливом оппонентов минералкой и прочим хулиганством?

– Сильно подозреваю, что сделать этого не удастся. Не знаю, как будут развиваться события, но Владимир Вольфович выйдет из воды сухим. Может быть, важна его политическая поддержка правительства или президента, которую он так часто и легко демонстрирует. А может быть, его держат в резерве на случай каких-нибудь выборов – прекрасный жупел для отпугивания избирателя… Так что можно предположить множество причин, по которым он регулярно выходит сухим из воды после абсолютно неприглядных и попросту хулиганских поступков, за которые любого другого человека давно бы уже выкинули с политической арены. Здесь есть некая аналогия с проблемой, почему у нас в стране никак не могут запретить фашистские партии. Нет юридического определения фашизма? Но это же смешно! Когда нижегородский Клементьев оказался – вполне законно причем – на посту мэра, никаких юридический определений и тонкостей не понадобилось. Моментально отменили выборы и посадили избранного мэра за решетку. Причем выборы отменили из-за нарушений, которые действительно имели место, но которые происходят всегда и везде, на любых выборах, начиная с президентских. Так что если власть действительно хочет реализовать себя, никакие юридические дефиниции ей не нужны.

– Помните историю с мэром Ленинска-Кузнецкого Коняхиным, которого обвинили в том, что он что-то слишком дешево то ли помог приватизировать, то ли сам приватизировал? По такому обвинению можно было легко усадить за решетку большую часть правительства и большую часть наших бизнесменов…

– Там были какие-то и более серьезные обвинения, насколько я помню.

– Наверное, были, но главное заключалось в том, что Борис Николаевич заранее сказал: мэр Ленинска-Кузнецкого – преступник! После чего все забегали и начали изо всех сил это

доказывать, чтобы президент не огорчался…

– Знаете, самое страшное – я с некоторым даже ужасом об этом думаю, – что у меня нет в таких вот ситуациях чувства внутреннего протеста. Я понимаю, что происходит явное нарушение правовых норм, что творится беззаконие, что попираются основополагающие принципы демократии. Но пока эти решения принимает власть, в остальном меня устраивающая, соблюдающая, в общем, права человека, свободу слова и свободу печати и таким образом выполняющая некий неписаный договор со мной; пока эти действия она совершает только против людей, на мой взгляд, действительно недостойных – до тех пор я готов ей эти действия прощать и закрывать глаза на какие-то отступления от абстрактных демократических принципов. Мне, безусловно, не нравится, что Клементьев оказался избран, мне это кажется отвратительным – этакая издевательская усмешка Истории: ты хотел свободы и демократии – так получай ее на всю катушку! Но разве Клементьев во всем этом виноват? Виноваты властолюбивые дураки-кандидаты, не сумевшие объединить силы и расколовшие электорат на три части. Виноват сам этот электорат со своим дурацким «протестным голосованием»: выколю себе глаз, пусть у моей тещи будет зять кривой. А в итоге нарушаются какие-то очень важные принципы и создаются чрезвычайно опасные прецеденты.

– Во-первых, отмена волеизъявления избирателей, сознательно отдавших голоса пусть и неприятному для власти кандидату, – очевидное нарушение властью одного из прав человека: права выбирать власть. Так что «договор», о котором Вы говорите, в данном случае властью нарушен. А во-вторых, не кажется ли Вам, что в данном случае (да и во многих других, к сожалению, тоже) наблюдается печальный эффект «двойного стандарта»? Мы готовы легко закрыть глаза на то, что нарушаются права людей или организаций, нам политически и не только политически несимпатичных, неприятных, противных. Скажем, коммунистов или националистов – о каком соблюдении их прав вообще можно говорить? Вот если бы плохо обошлись с нашими единомышленниками или хотя бы теми, к кому мы равнодушны, – тут-то протестов бы хватало…

– Мы с вами возвращаемся к нашему старому доброму спору, который ведем уже много лет: до каких пор демократия остается демократией? В какой момент демократия должна перестать быть демократичной? Весь опыт моей жизни показывает, что неограниченная демократия существовать не может. Демократия не есть равноправие честных людей и преступников, профсоюзов и мафии, своих сторонников и своих лютых врагов, имеющих

единственную цель: эту демократию уничтожить. Точно так же свобода слова не есть свобода сквернословия, а свобода информации предусматривает самые жесткие наказания за дезинформацию. Демократия без границ нежизнеспособна, как человек без кожи.

– А кто имеет право решать, где и как поставить эти границы?

– На практике в каждом конкретном случае это обязана решать власть. А я, как источник власти, – я ведь народ, не забывайте об этом! – готов одобрить эти действия в том случае, если вижу: антидемократические меры предприняты против антидемократической силы. «Волкодав прав, людоед – нет». Я другого образа действий просто не вижу, иначе демократия не выживет. В нашей стране, идущей по лезвию бритвы между Сциллой советского коммунизма и Харибдой русского фашизма, иначе нельзя – по крайней мере сегодня.

– После выборов Московской городской Думы в декабре 1997 года Валерия Новодворская, которую не выбрали депутатом, выступила с гневной публикацией о том, что выборы-де были недемократическими, потому что мэрия Москвы открыто агитировала за ряд кандидатов, но никто из московских демократов почему-то не заявил никакого протеста… Однако летом 1996 года, когда Москва была увешана портретами Ельцина и Лужкова, «москвичи свой выбор сделали», а Новодворская что-то не возмущалась. Видимо, потому, что нарушались права ее политических оппонентов (причем не только коммунистов, но и «Яблока»). Так есть ли у нее сегодня моральное право возмущаться? И будет ли завтра у тех, кто готов мириться – во имя демократии, конечно же! – с «ограничением демократии», как Вы говорите, в отношении политических оппонентов, моральное право протестовать, когда с ними поступят так же?

– Не обижайтесь, но, мне кажется, вы говорите наивные вещи. Неужели вы воображаете, что когда и если к власти придут коммунисты, они вспомнят, что мы когда-то были с ними безукоризненно благородны? Абсолютно справедливы? Подлинно демократичны? Да они затопчут нас ногами и сделают это с удовольствием и в своем праве – «именем народа»! Подчеркиваю, все ограничения демократии, на которые я готов закрыть глаза, могут иметь место в только в отношении политических противников, которые являются врагами демократии. Это – единственное ограничение демократии, которое я готов допустить. Против врагов демократии можно действовать любыми, сколь угодно недемократическими методами – и уж во всяком случае такими, которые сами враги демократии держат на

вооружении. Повторяю еще раз: «Волкодав прав, людоед – нет».

– Очень опасный подход, Борис Натанович, как мне представляется. В таком случае чем Вы лучше тех, кого считаете – искренне, конечно, – врагом демократии? Если Вы полагаете: стоит объявить кого-то врагом демократии – и можно не церемониться. Когда-то объявляли врагами революции, потом врагами народа… Опять же, кто и как должен иметь право выносить подобный политический приговор? Такой-то – враг демократии, и точка? Как Вы распознаете в толпе политиков врага демократии?

– «Подумаешь, бином Ньютона!» – как говорил бессмертный Коровьев. Я сужу просто по тому, что они говорят и пишут. И уверяю вас, этого вполне достаточно. Достаточно послушать публичные высказывания лидеров национал-коммунистов, национал-большевиков, отставных генералов-ястребов – и становится ясно, что, когда пробьет их час, они не будут ни одной секунды размышлять над аксиомами и принципами демократии, они ее немедленно с радостным гиканьем задушат, и всех прелестей свободы слова они лишат нас мгновенно и в первую же очередь. И мы никогда больше не сможем голову поднять – да и никому в стране они подняться никогда не дадут, пока будут у власти. Впрочем, на самом деле я ничего не имею против свободы СЛОВА, даже если речь идет о самых ярых противниках демократии; но я категорически возражаю против свободы ДЕЙСТВИЙ и ПРОВОКАЦИЙ такого рода политиков.

– Вы думаете, что сегодняшнее состояние – это свобода слова? Основные информационные «каналы» монополизированы или исполнительной властью, или финансовыми группировками и рисуют Вам картину мира так, как это выгодно их владельцам…

– Быть может, где-нибудь в райских кущах и существует какая-нибудь другая свобода слова. Но я знаю только эту. Для меня свобода слова – это такое состояние общества, когда любой человек всегда может найти то средство массовой информации, которое отражает именно его точку зрения. У демократа есть «Известия» и «Московские новости», у коммуниста есть «Правда», «Завтра», «Парламентский час» на телевидении, у фашиста тоже есть свой листок… Другой свободы слова не бывает и быть не может, да и нет ее нигде, даже в самых наидемократичнейших странах.

– Давайте коснемся еще одной темы, на мой взгляд – очень важной. Известно, что большинство представителей нашей либеральной интеллигенции – последовательные сторонники происшедших в стране изменений вообще и радикальных экономических реформ в частности. И они не устают убеждать

сограждан: да, реформы долги и болезненны, десятки миллионов людей оказались на грани нищеты и даже за ней, но это жертвы, которые можно и нужно было принести на алтарь главного достижения «либеральной революции» – обретенной россиянами свободы. Но не кажется ли Вам, что для большинства людей куда важнее, чем возможность говорить что думаешь и свободно выезжать за границу, возможность иметь крышу над головой, работу, вовремя получаемую и достойную зарплату, обеспеченную старость для родственников, возможность вырастить детей и дать им образование?

– Я вовсе не придерживаюсь сформулированной вами точки зрения, и уж во всяком случае никогда я не изрекал всех этих патетических сентенций насчет «жертв, которые можно и нужно было принести на алтарь». Я не признаю такой постановки вопроса: стоило идти на жертвы или нет? Можно подумать, что у нас был выбор! Ведь произошло лишь то, что должно было произойти. Вас послушать, так «либеральная революция» была изначально спланирована и разработана в тиши кабинетов высоколобыми дядями в ослепительно белых сорочках: ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт, телеграф, телефон, мосты в первую голову… Но ведь ничего подобного не происходило никогда. «Либеральная революция» на самом деле была (и есть) судорожная и мучительная борьба за то, чтобы удержать страну на краю пропасти, не дать ей ввергнуться в голод, в хаос, в гражданскую войну, наконец. Борьба в постоянном цейтноте, без всяких резервов, при бешеном сопротивлении открытой и скрытой оппозиции. И ставить вопрос так, как вы его ставите: «Стоила ли игра свеч?» – абсолютно неверно. Игра происходила бы все равно, независимо от цены свеч и при любой цене на свечи. «Стоила ли игра свеч», когда млекопитающие вытесняли с мировой арены гигантских ящеров? Фридрих Хайек сказал: «Эволюция не может быть справедливой». Это, в частности, и про нас тоже. Большинство всегда проигрывает в результате социальных пертурбаций, потому что именно на этом большинстве веками стояло и царило Старое. А выигрывает – меньшинство, самые энергичные, самые мобильные, самые приспособленные к новым условиям. Выигрывает – для того, чтобы со временем, через два-три-четыре поколения, стать большинством в новой системе социально-экономических отношений. «Либеральная революция», о которой вы говорите, произошла НЕ ДЛЯ ТОГО, чтобы принести свободы и колбасное изобилие. Она произошла ПОТОМУ, что была единственным выходом из тотального кризиса – экономического, политического, идеологического, социального, – в котором наша тоталитарная

держава, один из последних монстров задержавшегося феодализма, оказалась в середине 80-х. Система, которую кровью и потом строили на протяжении десятилетий, обнаружила в конце концов свою полную несостоятельность и непригодность в соревновании с ведущими странами мира. Судьба этой системы была – разрушение и гибель под собственными обломками, а «либеральная революция» есть лишь растянувшаяся во времени попытка предотвратить худшее.

– Наверное, игра была неизбежна, как Вы говорите. Но, во-первых, вопрос о «цене свеч» с нами – участниками игры, а не зрителями – отказывались даже обсуждать! Постоянно говорилось: мы идем единственно возможным путем, а другого не может быть, потому что не может быть никогда! И мы пройдем этот путь любой ценой, во что бы то ни стало, доведем до конца начатое… Не кажется ли Вам, что это очень похоже на идеологию, которую всегда исповедовали большевики – которые тоже знали, что надо народу, лучше, чем сам народ? А во-вторых, когда выяснилось, что избранный путь ведет к тяжелейшим социальным последствиям, то вместо сопереживания пострадавшим лучшие представители российской интеллигенции начали укорять сограждан в том, что они не ценят обретенную свободу и чуть ли не готовы вновь вернуться в клетку и получать пайку, отказавшись от свободы во имя дешевой похлебки и доступной колбасы… Но разве достойно интеллигента осуждать тех, кто не готов пожертвовать своими ценностями во имя ваших? Если свобода нужна одним – почему жертвы должны приносить в основном другие?

– Это совсем другой вопрос. Можно ли было достичь той же цели, но другими средствами? Смягчить. Обезболить. Минимизировать страдания… Не знаю. Многие уважаемые мною профессионалы считают, что СУЩЕСТВЕННО по-другому сделать было ничего нельзя. Болезнь оказалась слишком запущенной. Опыт других «стран социализма» вроде бы подтверждает этот вывод. Наименее болезненной процедура выхода из кризиса оказалась именно в тех странах, где наш «феодальный социализм» не успел пустить корни так глубоко, как у нас, – в Чехословакии, Польше, Венгрии. Где не была так безнадежно и тотально милитаризована экономика. Где сельскому хозяйству давали хоть немножко продохнуть. Где либерализацию оказалось возможным провести быстро и круто. А там, где задержались, затормозили процесс либерализации, «рубили собаке хвост в три приема», – на Украине, в Белоруссии – там экономическое и социальное положение еще хуже, чем у нас. И не надо противопоставлять свободу дешевой похлебке. Кто-то сказал

совершенно точно: «Непостижимым образом, но рано или поздно свобода превращается в дешевую колбасу». Просто дать и реализовать свободу слова, например, оказалось проще, чем организовать производство общедоступной колбасы. Но где этой свободы нет, там и с колбасой затрудненка – это мы знаем очень хорошо. Что же касается интеллигентов, норовящих «„осуждать тех, кто не готов пожертвовать своими ценностями во имя“ ихних, интеллигентских», то я, честно говоря, таких интеллигентов просто не знаю. Видимо, они не хотят со мной водиться. И правильно делают… Сравнение же ваше большевиков с нынешними реформаторами совсем не кажется мне убедительным. Большевики – по крайней мере изначально, в первое свое десятилетие – строили «рай на земле», исходя из некоей теории, по чертежам, набросанным Марксом и Лениным. Теория оказалась неверной, а чертежи – непригодными для реального строительства, затея провалилась. Реформаторы же наши ни в каких умозрительных теориях и утопических построениях не нуждаются: у них перед глазами совершенно реальные и конкретные примеры, как можно устроить государство, в котором подавляющее большинство населения живет вполне достойно, – Швеция, США, Австралия, Австрия… Вопрос только в том, как реализовать это, уже реализованное другими, общественное устройство. Я другого опасаюсь. Помните анекдот про работягу с фабрики, производящей якобы швейные машинки? Как он из ворованных деталей все тужился собрать для жены швейную машинку, а у него все время получался пулемет… В конце 20-х Сталин окончательно отказался от марксистских утопий и принялся строить то, что казалось ему совершенно естественным, понятным и, главное, достижимым: азиатскую деспотию, военно-холопскую державу на страх всему цивилизованному миру. Вот и сегодня я с трепетом ожидаю, что реформы наконец захлебнутся в активном сопротивлении непримиримой оппозиции и в пассивном сопротивлении вездесущего «совка» и вместо демократической республики постиндустриального типа соберем мы из привычных деталей знакомый пулемет – азиатскую деспотию, очередную диктатуру с нечеловеческим лицом.

«В молодости я был бесконечно далек от политики»

Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

Июль–август 2000 года, Санкт-Петербург

Опубликовано: частично – в газете «Вечерний Петербург» 26 августа 2000 года, частично – в газете «Петербургский Час Пик» 20 сентября 2000 года

– Борис Натанович, насколько я знаю – Вы достаточно спокойно относитесь к нынешнему президенту, несмотря на его, так скажем, специфическое «социальное происхождение». И несмотря на то, что Путин и по сей день искренне считает, что все в своем прошлом делал правильно, что система была замечательная, что КГБ не преследовал инакомыслящих, а защищал государство, был не тайной полицией и вооруженным отрядом партии, а благонамеренной структурой, нужной и полезной для общества. Почему?

– Многим, в том числе и вам, не нравится, что Путин – бывший полковник КГБ. Но, согласитесь, он сегодня произносит слова за которые полковника КГБ в прежние времена надо было бы немедленно гнать вон из органов и никогда больше ни его самого, ни потомков его до четырнадцатого колена туда не пускать! Он говорит о свободе слова, как обязательном условии развития общества, он говорит о неизбежности в России демократии, о рынке… Он говорит так, что под его высказываниями готовы подписаться самые отъявленные либералы. Это, конечно, еще не позволяет мне относиться к нему как к либералу, но уже позволяет мне относиться к нему не как к полковнику КГБ.

– О свободе слова, собраний, совести и так далее было записано и в сталинской конституции, и наши вожди коммунистических времен тоже умели при необходимости произносить соответствующие слова. Вы лучше посмотрите на то, какая «свобода слова» на государственном ТВ, подконтрольном правительству, – скажем, на РТР…

– Я при Ельцине это говорил, и при Путине это повторяю: я откажу президенту и правительству в доверии в тот момент, когда они покусятся на свободу слова. Пока еще даже самые ярые антипутинцы не могут предъявить ему такого обвинения. Пока еще только сохраняется возможность такого развития событий, сгущается некая смутная угроза, но – не более того.

– Не слишком ли Вы оптимистичны – были при Ельцине и остаетесь при Путине? Мне-то кажется, что никакой свободы слова на самом деле не было при Ельцине и нет при Путине. Для примера напишите статью с критикой Путина и направьте ее, например, в «Российскую газету». Или в «Петербургский Час Пик». И сразу увидите, какая у нас свобода слова…

– Вполне возможно, что вы правы. Но если я пошлю антипутинскую статью в «Общую газету» или, скажем, в «Завтра», ее там, скорее всего, возьмут. Конечно, многое зависит от того, как и за что именно я буду в этой статье разносить президента, но вероятность того, что такую статью возьмут, близка к единице. Так что, по-моему, настоящего, серьезного наступления на свободу слова нет. И до тех пор, пока его не будет, – я это правительство буду поддерживать.

– Боюсь, что Вы давно не читали газету «Завтра» (что, впрочем, глубоко понятно): эта газета сегодня поддерживает Путина столь же яростно, как ругала Ельцина… Но почему Вы понимаете под наступлением на свободу слова только «лобовые» акции? Закрыли газету, отняли лицензию у телеканала, посадили ведущего… Сейчас все делается гораздо тоньше, ведь на свободу слова можно наступать силовыми методами, а можно – административными. Раньше в газету или на телевидение звонили из обкома – теперь звонят из областной администрации, тем паче что здание и кабинеты – как правило, те же. Посмотрите на питерское ТВ, во главе которого – вице-губернатор Александр Потехин. Неужели от такого ТВ можно ждать объективности по тем вопросам, где интересы администрации и ее политических оппонентов отличаются?

– Когда я увижу, что по какому-то вопросу я не могу получить интересующей меня информации, потому что все доступные мне СМИ талдычат одно и то же, – вот это и будет конец свободы слова. Пока у свободы слова есть еще три линии обороны. Сперва в СМИ исчезнет многомыслие по поводу президента – это будет первый звонок. Потом – по поводу армии. Потом – по поводу иностранных дел. И это будет все, финиш…

– Вам не кажется, что нынешнее многомыслие правительству совершенно не мешает, поскольку оно прекрасно научилось не обращать никакого внимания ни на какую критику? Уж сколько было публикаций о том, что Михаил Касьянов имел в свое время в Минфине прозвище «Миша Два Процента». Ну и что? Когда у него в Думе при утверждении в должности премьера спросили, не хочет ли он подать в суд, если все это неправда, – знаете, что он ответил? Что не видит в этих публикациях ничего себя компрометирующего…

– Я с Вами согласен на 112%! Но где было сказано, что свобода слова оказывает на политику прямое воздействие? Это было бы слишком просто.

– Мы с Вами спорим о том, покушается ли власть на свободу слова, не первый год. Но давайте договоримся о дефинициях. Если понимать под свободой слова только то, что в обществе теоретически являются доступными разные точки зрения, – тогда Вы правы. Есть у нас свобода слова, и никто на нее не покушается. Но взглянем на проблему с другой стороны: какова доступность разных точек зрения? Да, формально они существуют. Но одна «озвучивается» по каналу ОРТ для 100 миллионов человек, а другая – в районной многотиражке для 100 человек. Это Вы живете в Петербурге, имеете Интернет, читаете газеты, слушаете «Свободу» и смотрите все ТВ-каналы, тем самым получая реальный доступ к разным точкам зрения. А человек, живущий где-нибудь в Нарьян-Маре? Где есть только ОРТ и газета, которую выпускает или содержит местная администрация? Конечно, при такой «свободе слова» власть прекрасно себя чувствует: в критические дни – скажем, во время предвыборных кампаний – она обеспечивает нужную интенсивность нужной для себя точки зрения. И получает результат…

– По поводу дефиниций. Примем самую примитивную: будем называть «свободой слова» такую ситуацию, когда каждый гражданин может сказать: «Существует и легко доступно одно или несколько СМИ, выражающих мою (или близкую к моей) точку зрения». Это – необходимое условие. Если оно не выполняется – свободы слова нет. Что же касается упомянутого вами питерского ТВ, то и по этому каналу я вижу иногда, как критикуют губернатора. Тот же господин Чернядьев приглашает к себе на ковер каких-нибудь либералов, которые говорят о губернаторе то, что они считают нужным, и никто этих кадров не вырезает. Впрочем, пока существует ОРТ, НТВ и РТР, меня совершенно не интересует питерское ТВ. Его ведь никто не смотрит. Ни я, ни мои знакомые, во всяком случае. Вряд ли оно само по себе может обеспечить нужный для властей результат каких-нибудь выборов.

– К сожалению, может. Как показывают опросы – многие смотрят питерское ТВ. А как показывают результаты выборов – не только смотрят, но и поддаются соответствующему воздействию. Кроме этого, помимо административных рычагов влияния на СМИ у властей есть и экономические, и действуют они безотказно. Не раз редакторы газет откровенно говорили мне: такой-то материал мы напечатать не можем, а такой-то, напротив, должны, потому что иначе нам не выжить экономически.

– А кто сказал, что жизнь у редакторов должна быть легкой? Понимаете, Боря, меня мало волнует существование и питерского ТВ, и газет, зависящих от администрации, и всяких фашистских и полуфашистских газетенок, вроде какого-нибудь «Нового русского порядка», или как ее там… Я совершенно уверен, что эти газетенки мало кто читает. Так же как мало кто смотрит питерское ТВ, которое, на мой взгляд, откровенно скучно и дьявольски провинциально. Когда я случайно на него попадаю, я морщусь не оттого, что там хвалят Яковлева или превозносят Путина, а потому что мне скучно и неловко: Петербург ведь все-таки, а не Большие Тараканы какие-нибудь…

– Оставим питерское ТВ и поговорим об НТВ, существование которого Вас наверняка волнует. Трудно не заметить, что тон комментариев этого канала серьезно изменился в последние недели: «антипутинский» настрой практически исчез, и теперь уже близкую, по крайней мере, мне точку зрения на президента нельзя услышать ни по одному из общероссийских ТВ-каналов. Многие полагают, что это – «плата» за то, что Гусинского выпустили из Бутырской тюрьмы и позволили ему уехать за границу. Вы с этим согласны? И еще: недавно Дмитрий Фурман в «Общей газете» заметил, что НТВ сегодня пожинает плоды собственных усилий образца 1996 года, когда канал стал, по сути, отделом избирательного штаба Ельцина, вложив весьма существенную лепту в тот фарс (так его квалифицирует Фурман), который был разыгран для нас всех под видом президентских выборов. И, сожалея сегодня о нападках на НТВ, хорошо бы об этом помнить. Ваше мнение?

– Я не заметил изменения тона передач НТВ. Может быть, потому что три недели был в отпуске, в Финляндии, а как только приехал, у нас в очередной раз украли домовую телеантенну, и НТВ мне пока недоступно. Возможно, вы правы. Но может быть, дело в том, что президента пока не за что ругать? Я не заметил никаких сколько-нибудь серьезных промахов в его работе за последние полгода. А что касается перспектив, о которых пишут в газетах, то они вообще вдохновляют: на носу вменяемый земельный кодекс, разумный бюджет, снижение инфляции и все такое прочее. Да и тот факт, что от Гусинского, кажется, отстали, выглядит обнадеживающе. Нет-нет, ухо, конечно, надо держать востро, но пока тревожных симптомов не наблюдается. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

Примечание: эти ответы Бориса Натановича были записаны в начале августа – до катастрофы с «Курском». Готовя материал к публикации, нельзя было не задать еще один естественный

вопрос:

– После гибели подводной лодки «Курск» Ваше мнение об «отсутствии серьезных промахов в работе Путина» и об «отсутствии тревожных симптомов» не изменилось? Я-то считаю реакцию президента на случившееся – начиная с отказа от немедленной западной помощи и заканчивая хладнокровным пребыванием в Сочи – и серьезным промахом, и тревожным симптомом одновременно…

– Здесь два принципиально разных вопроса. То, что президент не прервал немедленно отпуск и не отбыл в Москву, на свое рабочее место, как минимум, – это нарушение некоего неписаного (а может быть, и писаного, не знаю) протокола, ритуала, если угодно. Может быть, он был неправильно информирован (насколько серьезно происходящее), может быть, по неопытности своей пренебрег протоколом, – не знаю. Я сам великий нелюбитель всевозможных формальностей, протоколов и ритуалов, а потому мне трудно в этом случае кого-либо судить и осуждать. Да и большинство наших сограждан, видимо, отнеслись к этому проколу вполне снисходительно: рейтинг президента, как известно, сколько-нибудь серьезно не изменился. И совсем другое дело: срочное обращение за помощью – к Западу, к Востоку, к черту, к дьяволу, к кому угодно. Если сохранялся хотя бы малейший шанс спасти хоть одного подводника, надо было для этого сделать ВСЕ – в том числе и пренебречь соображениями престижа, секретности, чести мундира и прочими громкими бессмысленностями. Немедленного обращения не последовало, а значит, либо изначально ничего нельзя было сделать (есть и такая версия: экипаж погиб в первые же часы, если не минуты, после катастрофы), либо было совершено величайшее преступление против нравственности (в лучших советских традициях), и можно только гадать, кто виновник этого преступления – то ли военные консультанты, утаившие от президента истинное положение вещей, то ли сам президент, растерявшийся и не сумевший или не захотевший принять единственно верного и мгновенного решения. Мы вряд ли узнаем правду об этом – по крайней мере в ближайшее время. Но признаюсь, что беспокоит меня сейчас уже совсем другое: какие выводы будут сделаны из происшедшего? С ужасом и отвращением слушаю я сейчас записных наших горлопанов и хрипунов, с радостью ухватившихся за случай снова и снова лоббировать милитаризацию экономики и обострить отношения с Западом. Вот это уже не только аморально – это по-настоящему опасно. И если президент пойдет на поводу у наших «ястребов» –

вот тогда это уже будет Ошибка с большой буквы, ошибка стратегическая. Потому что даже мне, глубоко штатскому белобилетнику, ясно, что беда наша не в том вовсе, что денег на оборону выделяется мало, а в том, что тратятся эти деньги нерационально, бездарно, а зачастую и просто преступно.

– Обратимся от времен нынешних – к прошлым. Через два года после того, как Вы закончили Университет, был Двадцатый съезд КПСС. Речь Хрущева, первые разоблачения культа Сталина, первые официальные упоминания о массовых репрессиях… Были ли у Вас до того, как все это сказал Хрущев, какие-то сомнения в правильности «сталинского пути»?

– Нет, Боря, никогда никаких сомнений у меня не было. И не только у меня: и я, и Аркадий Натанович были настоящими сталинцами. Не ленинцами, заметьте, а именно сталинцами! Мы считали, что все происходящее – правильно, если и встречаются какие-то недостатки и неприятности – это неизбежно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Лес рубят – щепки летят, а в остальном все совершенно правильно, коммунисты – настоящие люди, большевики – замечательные, дело наше правое, мы обязательно победим… Случаются, конечно, отдельные негодяи, которые мешают нам трудиться и побеждать: вот, вчера Берия был великий человек, а сегодня Берия – английский шпион, резидент пяти разведок и агент семи держав. Я прекрасно помню, как мы с ребятами по этому поводу хихикали, но относились к этому прискорбному происшествию скорее юмористически. Отнюдь не как к какой-то трагедии и вовсе не делая из этого никаких далеко идущих выводов. У нас была компания школьных друзей, сохранившихся и в Университете, теперь я понимаю, что кое-кто из них был гораздо более умен, чем я, и куда лучше меня разбирался в ситуации, понимая, где правда, а где пропаганда, что можно, а чего нельзя. Но я-то был полный идиот!

– Вы не слишком резко себя оцениваете?

– Нет, не слишком. Мой полный идиотизм длился до самого Двадцатого съезда партии. Впрочем, кажется, нет – избавление от идиотизма началось несколько раньше, когда Аркадий Натанович женился на своей второй жене. Она была из семьи старинных русских интеллигентов, принявших русскую революцию от всего сердца, и по которым эта революция проехалась всеми колесами и гусеницами. Лена все знала, все понимала с самых ранних лет, во всем прекрасно разбиралась, всему знала цену. И она была первым человеком, который как-то поколебал мою идиотическую убежденность – еще до Двадцатого съезда. Я помню бешеные споры, которые у нас с ней происходили, с криками, с произнесением сильных слов и чуть ли не с дракой. Помню, как

Аркадий стоял между нами белый как бумага и уговаривал: ребята, опомнитесь, бросьте, все это чепуха, ерунда, не обращайте внимания, давайте лучше выпьем… Но мы с Ленкой продолжали бешено орать друг на друга: Ленка кричала, что все они (большевики то есть, молотовы эти твои, кагановичи, ворошиловы) кровавые бандиты, а я кричал, что все они великие люди, народные герои… А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей – все-таки именно кровавые бандиты. И это был, конечно, первый страшный удар по моему самосознанию. Да и венгерские события были в том же самом году и тоже оказали свое воздействие.

– Сейчас, через сорок с лишним лет, подавление советскими войсками венгерского мятежа – общеизвестный факт. Но тогда это, видимо, воспринималось совсем иначе – тем более что источников альтернативной информации практически не было. Как Вы это воспринимали?

– Эти события я еще отказывался анализировать, и мне казалось, что все там, в общем, правильно: контрреволюция, надо ее давить и отстаивать социализм. Дело в том, что веру в социализм и коммунизм мы сохраняли еще на протяжении многих лет! Мы довольно быстро – примерно к Двадцать второму съезду партии – поняли, что имеем дело с бандой жлобов и негодяев во главе страны. Но вера в правоту дела социализма и коммунизма сохранялась у нас очень долго. Она постепенно таяла, растрачивалась на протяжении многих лет. «Оттепель» способствовала сохранению этой веры – нам казалось, что наконец наступило такое время, когда можно говорить правду, и многие уже говорят правду, и ничего им за это не бывает, страна становится честной, чистой… Этот процесс «эрозии убеждений» длился, наверное, до самых чешских событий 1968-го. Вот тогда и наступил конец всех иллюзий.

– Интересно, какие иллюзии к моменту ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию у Вас еще оставались?

– Какие-то оставались. В частности, я до самого последнего момента был убежден, что чехам удастся сохранить свободу. Я был в этом уверен на 99 процентов! Я считал, что какие у нас сидят ни идиоты, какие они ни кровавые дураки, но и они же должны понимать, что идея превыше всего, идею задавить танками нельзя…

– Как выяснилось – очень даже можно…

– Да, выяснилось. Мы говорили тогда друг другу: «Не посмеют!» А самые умные из нас говорили: «Еще как посмеют!» И оказались правы. И это было для нас полным и окончательным

прощанием с иллюзиями. Для нас – и для подавляющего большинства наших друзей и знакомых.

– Я и сам хорошо помню эти события – мне было тринадцать лет, я перешел в седьмой класс, и именно тогда у меня начался тот процесс, который у Вас закончился, – расставания с иллюзиями. Было лето, мы с родителями отдыхали на даче, время от времени родители слушали «Голос Америки» и «Би-би-си», где почти круглые сутки говорили о чешских событиях. И для меня было потрясением то, что по радио, оказывается, могут говорить прямо противоположное тому, что пишут в газетах!

– К тому, что такие противоположности могут быть, еще во время венгерских событий я относился достаточно спокойно. Я тогда вообще мало интересовался политикой. И выслушав очередную порцию вранья по советскому радио, мы с Аркадием Натановичем говорили друг другу: все врут, да ну их к черту, давай не будем никогда впутываться в эти дела. У нас свои проблемы, помощнее этих: Вселенная, Космос, Разум, вечное движение к истине… Я очень хорошо помню наш разговор на эту тему, мы были тогда еще очень далеки от текущей политики. Политизированность наступила позднее, где-то во времена Двадцать второго съезда и выноса Сталина из Мавзолея. К тому времени я был уже вполне политизированным человеком. Появились друзья, которых раньше не было, наладился контакт с молодыми писателями – совершенно другими людьми, с другим идеологическим багажом. В моей жизни появились Миша Хейфец, Владлен Травинский (тогдашний ответственный секретарь журнала «Звезда»), великолепно ядовитый Илья Иосифович Варшавский, историк Вадим Борисович Вилинбахов и многие другие. Захватывающие беседы на политические темы сделали меня человеком политическим, чего раньше совсем не было. Вот вы заинтересовались какими-то политическими событиями в седьмом классе – а меня в седьмом классе такие вещи вообще не могли бы заинтересовать! Я был бесконечно далек от политики, она меня совершенно не интересовала, для меня худшего наказания, чем взять в руки газету, и представить было невозможно…

– Ну я-то тоже до чешских событий в газетах читал только спортивные новости…

– А я и спортивных не читал! Вспоминаю вот сейчас замечательную историю о том, как я поступал в аспирантуру. Это очень хорошо характеризует мою прямо-таки патологическую аполитичность. Это был 55-й год, я сдавал экзамен по марксизму-ленинизму (всего экзаменов полагалось три). Теорию марксизма-ленинизма я знал блистательно, ответил так, что от зубов

отскакивало, все было замечательно, экзаменаторы были очень довольны… Но вдруг одному из них пришло в голову задать вопрос, который касался политики – текущей политики. Я уже не помню, какой был первый вопрос. Но что-то я, видимо, не так сказал, потому что мне задали второй вопрос – крайне легкий, по их мнению: скажите, пожалуйста, кто у нас первый секретарь ЦК КПСС?

– Неужели Вы этого не знали?

– Ответ мой полностью характеризует мое знание современной политики. «Ну, там их несколько, – сказал я. – Один из них, например, Микоян…» – «Ах там их несколько? – сказали мне. – А кто же еще?» – «Ну, Ворошилов, по-моему, один из них», – ответил я. – «Так-так…» – сказали мне… Потом был задан еще какой-то вопрос, на который я ответил примерно в том же духе, после чего один из экзаменаторов заявил: «Ну, знаете, товарищи, я просто не знаю, что и сказать». Меня попросили выйти, я с ужасным предчувствием вышел и думал, что вообще все завалил. Но все-таки они поставили мне трояк – я получил первую тройку в своей студенческой жизни…

– Сразу вспоминается анекдот – «Бросить бы все к чертовой матери и уехать в этот Урюпинск…»

– Теперь-то я понимаю, как я выглядел тогда! Человек, который блестяще, «от сих до сих» и вдоль-поперек знает все основы марксизма-ленинизма, с цитатами из Ленина и всеми прочими онерами – и, оказывается, не знает, кто у нас первый секретарь!

– Это было характерно для вашего поколения?

– Да! Мы все были такие. Я вспоминаю студенческие годы, и мы все были совершенно аполитичны. Если мы и говорили о политике – то только со смехом. Это было совершенно специфическое отношение. Классическое оруэлловское «двоемыслие» (double-think). Понимаете, мы могли смеяться над какими-нибудь политическими лидерами, например, над их походкой, или выговором, или дурацким пенсне, – и в то же время я был готов умереть за них, если понадобится. Ибо они олицетворяли Идею. Это было типичное отношение холопа к своему барину. Холоп может смеяться над барином у себя в холопьей избе и перемывать ему косточки, но, когда дойдет до дела, он за барина встанет стеной: возьмет острогу, топор и будет колоть, рубить и жизнь свою отдаст за барина… А точно так же, как холопа, высокая политика интересовала нас чрезвычайно мало.

– С чем это было связано – с недостатком информации?

– Не то что с недостатком информации – скорее, со способом

ее подачи. Информации как раз было навалом, нас пичкали ею в школе, в университете, она непрерывно передавалась по радио, по телевидению, когда оно появилось, в газетах… И – никакой разноголосицы! Вот в чем фокус. Великая вещь: тотальность информации.

– Однако в 70–80-е годы тотальность информации была такой же, между тем значительно большее число людей стало интересоваться политикой. Почему?

– Я же говорю об очень молодых людях. Совершенно уверен: нынешняя молодежь точно так же аполитична. И это нормально: что, в конце концов, интересного в политике для молодого человека? Есть куда более привлекательные занятия. Зачем говорить о политике, если гораздо интереснее рассказывать анекдоты или травить истории из жизни. Или трепаться о новых кино. Или, скажем, о музыке.

– Вы не пытались заниматься музыкой?

– Никогда. Вместе с друзьями я пережил увлечение джазом – это было единственное, что у нас не глушили. О этот знаменитый «Час джаза» Виллиса Конновера! Джаз нам нравился страшно – и сам по себе, а к тому же в нем ощущался лакомый душок запретности. Немножко запрещать надо обязательно, особенно если хотите завлечь молодежь. Если бы сейчас у нас под запретом – формальным, по крайней мере – оказалась, скажем, некая газета, ее бы начали читать и раскупать гигантскими тиражами…

– А что Вы в молодые годы любили читать? Я понимаю, что это нестандартный вопрос к писателю…

– С юных лет я был довольно квалифицированным читателем. Я любил не только читать, но и перечитывать – а это верный признак квалифицированного читателя, получающего от чтения не просто заряд информации, эмоциональной или рациональной, но еще и некоторое эстетическое наслаждение. Это – специфическое наслаждение, его нельзя получить ни от музыки, ни от кино, ни от созерцания красот природы – только от чтения книги! У меня был очень широкий диапазон чтения. Во-первых, к счастью, сохранилась почти полностью отцовская библиотека. Часть книг, правда, мы с мамой в голодные времена продали, но значительная часть уцелела – два шкафа книг, которые я прочел все, от корки до корки. Я знал таких писателей, о которых нынче в России, наверное, мало кто слышал, – скажем, Верхарна, или Пьера Мак-Орлана, или Анри де Ренье, или Андре Жида. Там был полный Мопассан, почти полный Достоевский, разрозненные тома Салтыкова-Щедрина. И, разумеется, Дюма, Рабле, Шарль де Костер. Были даже разрозненные тома Луи Буссенара и Луи Жаколио – в те времена их было не достать ни в каких

библиотеках.

– Из всего Буссенара в «застойные» времена, кажется, издавали только две книги – чуть позднее «Похитители бриллиантов» (она шла в обмен на 20 килограммов макулатуры), чуть раньше – «Капитан Сорви-Голова»…

– Кстати, «Капитан» – одна из самых плохих книг у Буссенара. У него надобно читать «Туги-душители» и «Факиры-очарователи». А у Жаколио – «Грабители морей». Вот это было чтение для настоящего мужчины! К счастью, я очень рано прочел «Войну и мир» – и таким образом спас ее для себя, потому что потом мы начали ее «проходить» в школе и для половины моих сверстников эта книга навсегда перестала существовать. А вот «Отцы и дети» я прочесть не успел. Я прочитал «Накануне» до того, как мы начали ее изучать в школе, и эта книга до сих пор остается одной из моих любимых у Тургенева. А вот «Отцы и дети» – вещь гораздо более глубокая и гораздо более достойная внимания, так и осталась для меня чужой. Так же, как и «Евгений Онегин». Зато «Повести Белкина», которые мы в школе не проходили, я люблю с детства и до сих пор. Так что у меня изначально был очень широкий диапазон любимых книг, хотя, будучи человеком молодым, я предпочитал, естественно, фантастику и приключения.

– Какая тогда была фантастика?

– Только старая. Можно было достать старые журналы «Мир приключений» или «Вокруг света», или издания Джека Лондона в библиотеке «Всемирный следопыт», или Конан Дойля… Из новых изданий были только Немцов, Охотников, Адамов, Казанцев – чей «Пылающий остров» я на протяжении многих (школьных) лет считал лучшей фантастической книгой на свете. Но основная масса советской фантастики была просто ужасна. Мы читали ее, потому что больше ничего не было. Если на книжке стоял значок «Библиотека фантастики и приключений» – мы были обязаны прочитать эту книгу с интересом. И вот мы брали какой-нибудь «Огненный шар» или «Тень под землей» и жевали ее, как сухое сукно. И с отвращением – но дожевывали до конца… Я много раз говорил о том, что именно отсутствие хорошей фантастики прежде всего и толкнуло нас с Аркадием Натановичем попытаться написать что-нибудь такое, о чем бы стоило говорить.

– В «типовом» фантастическом произведении того времени – скажем, в каком-нибудь «Изгнании владыки» – обязательно присутствовал иностранный шпион, вредящий советским инженерам или ученым, и майор или полковник государственной безопасности, который вставал у него на пути. И если даже в книге забывали об этой конструкции, в фильме все вставало на

свои места: так, когда поставили фильм по «Тайне двух океанов» Адамова, старшина Скворешня, который доблестно ловит шпиона под водой, в итоге оказался переодетым старшим лейтенантом госбезопасности…

– В любом фантастическом произведении того времени обязательно присутствовала страшная тайна, которая на поверку оказывалась такой лабудой, что не стоило тратить время на ее разгадку. Например, таинственный человек, которого считали шпионом (пришельцев из космоса тогда не было), оказывался просто профессором со странными манерами. В общем, это была очень плохая литература, и, если бы не старая иностранная фантастика – очень хорошая, – было бы совсем нечем насладиться бедному читателю.

– Но ведь иностранную фантастику тогда, кажется, еще не переводили. Где же ее брали?

– Да, ее не переводили, но были книжные развалы, очень богатые, на которых можно было найти почти все что угодно. У меня до сих пор в библиотеке хранятся купленные в те времена книжки Уэллса, Киплинга, Конан Дойля. Было чем насладиться, было…

– Массовый перевод зарубежной фантастики начался где-то в середине 60-х годов – когда вышла знаменитая «красно-серая» библиотека современной фантастики (БСФ)?

– Первым с западной фантастикой нас начало знакомить издательство «Мир» – оно издавало маленькие аккуратные «покетбуки» серии «Зарубежная фантастика». И в этой серии вышли практически все лучшие вещи из западной фантастики. Это была огромная работа, и спасибо людям, которые ею занимались. Ну а библиотека фантастики, которую Вы упоминаете, была уже позднее.

– Хорошо помню, что 7-й том БСФ, где были «Понедельник» и «Трудно быть богом», было не достать ни в одной библиотеке, не говоря о магазинах. Примерно в 1971–72 году мне удалось купить его с рук за очень большие для меня деньги, и я был страшно горд этим событием…

– А я вспоминаю случай, когда мы с мамой шли по Литейному проспекту, и вдруг в витрине магазина, который сейчас называется «Академкнига», я увидел свежий, только что изданный томик «Затерянного мира» Конан Дойля. Это был редчайший случай выпуска зарубежной фантастики. Мы с мамой были очень бедными людьми, но я ее умолил зайти в магазин и купить все-таки эту книгу. Боже, какое это было наслаждение и какое это было счастье! А вот появившуюся где-то в начале 50-х годов книжку «220 дней на звездолете» Александра Ивановича

Шалимова я так и не смог достать. Теперь я понимаю, что книжка эта вполне посредственная, но тогда я ее так и не достал, не прочитал и, наверное, потерял некий кусочек удовольствия, который потом уже получить стало невозможно: я изменился, а книжка осталась прежней…

– У Шалимова я помню разве что «Охотников за динозаврами». И еще в подростковом возрасте я прочел несколько книг упомянутого Вами Немцова – и не без удовольствия…

– Ни одной книжки Немцова я не прочитал с удовольствием, хотя читал их все! Или почти все. Когда вышла его книга «Семь цветов радуги», я, конечно же, купил ее, но быстро понял, что прочесть не смогу. Ни за какие коврижки. Это была первая фантастическая книга в моей жизни, которую я не смог прочесть. Больше я Немцова не покупал… Но почему мы говорим только о фантастике? Я читал не только фантастику, я прочел практически всего Джека Лондона, и очень много читал ныне совершенно забытого Кэрвуда. Конечно, я прочел всего Фенимора Купера, хотя и не очень его любил – за «старообразность». Так же, между прочим, как и Жюля Верна, хотя Жюль Верн был все-таки на голову выше. И разумеется, был Дюма, и был Алексей Толстой, и даже Понсон дю Террайль ходил некоторое время в моих любимцах…

– Если бы Вам тогда рассказали, что возможно нынешнее разнообразие в книжной торговле – Вы бы поверили?

– Это невозможно было себе представить. Книжный голод был просто неимоверный.

– У Вас нет ощущения, что все лучшее из мировой фантастики мы прочли именно в те годы, когда был этот самый книжный голод? А подавляющее большинство того, что сегодня издается под видом фантастики (да еще под вымышленными именами или в «соавторстве» с Гаррисоном или Шекли, о чем они, наверное, и не подозревают), вообще говоря, издавать бы не стоило?

– Вы, безусловно, правы. Но закон Старджона живет и работает ежедневно и ежеминутно: «90 процентов всего на свете – дерьмо». Это полностью относится и к фантастике. Во времена советской власти книжная политика была чудовищной, в том числе – в части переводов западной фантастики. Но один плюс у этой политики был: книг издавалось настолько мало, что в их число, воленс-ноленс, попадали только самые лучшие. Поэтому так мало открытий мы сделали в последние десять лет в области иностранной фантастики: все лучшее уже было переведено и опубликовано раньше. А что касается «издавать – не издавать», то это неверная постановка вопроса. Все, что покупается, надо

издавать. И всегда 90% того, что вы издали, будет дерьмом…

Жить трудно, но интересно

На вопросы Бориса Вишневского отвечает Борис Стругацкий. Сентябрь 2000 года

– Борис Натанович, в прежние годы Вы были среди тех, кто мечтал о том, что наступит новое время, среди тех, кто боролся за это новое время и приближал его. Теперь это время наступило. Довольны ли Вы им?

– Один из наших героев (писатель, между прочим) исповедует идею, что жить надо ради будущего, сражаться надо во имя будущего, но умирать все-таки предпочтительнее в настоящем. Впрочем, столкнувшись с будущим, так сказать, воочию, он отнюдь не отказывается заглянуть в него, хотя бы одним глазком. Очень хорошо его понимаю, со всеми его идеями и предпочтениями согласен, сам дрожу от сквозняков на нынешнем перекрестке истории, проклинаю (в соответствии с древней пословицей) судьбу свою, которая угораздила меня родиться, чтобы жить в эпоху перемен, и – в то же самое время – представьте себе, доволен. Ведь я убежден был, что всю жизнь проживу да так и помру в прошлом. Это была уютная (хоть и бесславная) мысль, она обещала как минимум спокойную старость и какую-никакую, но стабильность: старики – любят стабильность, они самые консервативные люди на земле, что, согласитесь, вполне естественно. А я все равно доволен. Я дожил до конца великой и страшной Империи (которая казалась вечной и горделиво обещала быть вечной), я увидел, как ЭТО происходит, я оказался свидетелем того, как, пройдя своими тайными неисповедимыми путями, Необходимость вырывается вдруг из недр истории и обрушивает то, что обветшало. Я, как и все мы, стою на руинах в некоторой растерянности и с неуверенной улыбкой на устах пытаюсь убедить себя, что произошло лишь то, что должно было произойти, что хуже теперь уже не будет, что дальше впереди все может стать только лучше… Мне страшновато, и я сражаюсь внутри себя с подступающим разочарованием («Так вот ты какое, новое тысячелетие моей страны!»), и при всем при том – я доволен! Потому что разочарование разочарованием, а ведь, если поразмыслить, ничего другого с нами произойти и не могло. Хуже – да, могло бы стать (гражданская война, кровавый развал и новый передел державы при помощи армии, голод, диктатура), но лучше – сомнительно. Чего это ради? С нашим-то прошлым, с нашей холопской ментальностью, с нашим насквозь милитаризованным

хозяйством и проспиртованным модус вивенди? Нет уж: без большой крови обошлось, и слава богу! Остается надеяться, что обойдется и впредь. А жить – интересно. Трудно, но интересно. И для меня это, признаюсь, главное. Да и кто нам, собственно, сказал, что жить должно быть легко? Товарищ Сталин? «Жить стало легче, жить стало веселее» – 1938 годик, если не ошибаюсь. Нет, я предпочитаю другие максимы: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой» – это, по крайней мере, справедливо. И честно. И по-настоящему вечно. Другое дело, я заметил, что последнее время мелкие хлопоты быта занимают меня все больше, а политические перипетии все меньше – верный признак стабилизации ситуации. Сейчас уже каждому человеку (кроме совсем уж далеких от) ясно, что именно надлежит делать в экономике да и в политике тоже. Роль конкретной властной личности становится все меньше – в том смысле, что любой человек у власти (если он не полный идиот) вынужден будет сейчас совершать одни и те же, запрограммированные необходимостью действия. Вероятность отклонений от разумного курса становится все меньше, прогнозы – определеннее, неуверенность в завтрашнем дне – не такой уж и острой. Соответственно, интерес к происходящему в исторических масштабах – падает, а интерес к проблемам (проблемкам) личного бытия возрастает. Что ж, это тоже не самый плохой вариант развития событий. Хотя и не такой интересный.

– Вы не раз говорили, что не беретесь строить прогнозы на 3–4 года, зато на 100 лет – пожалуйста. Что же, каков Ваш прогноз на двадцать первый век? Или, по крайней мере, на первую его половину?

– Собственно, я выражался, помнится, исключительно в марктвеновском смысле. Великий насмешник с ядовитой уверенностью утверждал, что (вопреки, казалось бы, очевидности) любому ясновидцу несравненно легче реализовать свой дар по поводу персоны, находящейся за тысячу миль от него, нежели по поводу того, кто стоит рядом, завел руку за спину и спрашивает: а сколько пальцев я вам сейчас показываю? Если предсказывать, то уж лет на сто: современники никак не проверят, а потомки как-нибудь да простят. Я давно уже понял, что предсказывать имеет смысл только самые общие тенденции: Россия вернет себе статус великой державы (какой ценой – вот вопрос!); разрыв между «сытым миллиардом» и прочим человечеством будет расти; глобальной войны не будет, а локальных – сколько угодно, на любой вкус… Конкретности непредсказуемы. Будет продолжаться работа с геномом человека – это очевидно. Но создадут ли в результате новые (победоносные) технологии борьбы с раком,

СПИДом, гриппом – совершенно неизвестно. Будет идти глобальная борьба с терроризмом – это очевидно. Но сумеют ли найти результативную методику (вместо нынешней борьбы с каждым шершнем поодиночке) – никто предсказать не решится. И так далее. Думаю, впрочем, что братьев по разуму найти не удастся и в XXI веке тоже, и уж совершенно точно не удастся создать Великую теорию воспитания, которая одна только и способна «прервать цепь времен» и совершить коренной переворот в судьбе человечества.

– Не утратила ли фантастика в нынешние времена свое значение? Если нет, то каково оно, на Ваш взгляд, сегодня? И чем отличается роль фантастики сегодня от той ее роли, которая была вчера?

– Я не стал бы отделять роль фантастики от роли всей прочей литературы. Потрясать души, «глаголом жечь сердца людей», «сеять разумное, доброе, вечное» – все, как и раньше, все, как всегда, ничего нового. И так же трудно…

– Но нужна ли в сегодняшнем мире та фантастика, которую создавали Вы с братом? Много лет Вы писали «эзоповым языком» для понимающего этот язык читателя, старательно маскировали то, что хотели сказать, под то, что сказать было разрешено. Но теперь этот «эзопов язык» не нужен – можно говорить и писать все что хочешь. Может быть, сегодняшнему читателю нужна какая-то другая фантастика, более соответствующая сегодняшней реальности? Если это так – Вам не грустно?

– Грустно не то, что эзопов язык перестал быть нужен. Это как раз прекрасно. Грустно совсем другое. Десяток лет назад, когда все еще только начиналось и когда стало совершенно ясно, что «поэт в России» теперь уж не «больше, чем поэт» (хотя и не меньше, разумеется, он просто наконец стал равен самому себе – «царь, раб, бог и червь» одновременно), – уже тогда я, помнится, пророчил, что жду-де появления новой фантастики, что она, мол, созрела и вот-вот прорвется к читателю: новая, непривычная, невиданная у нас раньше… И напророчил. Она возникла. И прорвалась. И оказалась пресловутой «фэнтези» – эскапистской сказкой, норовящей увести читателя из мира реальности в мир грез и выдумки, где поминутно происходят никого ни к чему не обязывающие события и можно радостно погрузиться в омуты этих событий и совсем ни о чем при этом не думать. Поток фэнтези оказался могуч и неиссякаем, почтеннейшая публика жадно и с наслаждением поглощает его, а социальная, философская и даже просто научная фантастика вдруг оказались на обочине литературно-издательского процесса. Массовое чтение перестало быть источником рациональной и

эмоциональной информации о мире. Вселенной, обществе. Человеке. Массовое чтение сделалось разновидностью духовного наркотика – этаким болеутоляющим, отупляющим и отвлекающим средством. Тем, чем оно и было всегда для массового читателя.

И здесь сыграли роль два наложивших друг на друга обстоятельства. Во-первых, нагрянувшая свобода вызвала растерянность: писатели потеряли привычные ориентиры – многолетний враг (тоталитаризм) исчез из поля зрения, обессилел, расточился; добрый же светлый друг (демократия) на глазах трансформировался в «чудище обло, озорно, стозевно» и самьм неожиданным образом потребовал (этот бывший друг) беспощадной борьбы за выживание от людей, к такой борьбе в массе своей не приспособленных. А во-вторых (и в-главных, я бы сказал), обнаружилось вдруг, что за многомудрую и неприятно корявую правду жизни платят сегодня гораздо хуже, чем за безмозглые, гладкие, позолоченные сказочки. Литература стала у нас наконец товаром – со всеми вытекающими из этого последствиями.

Строго говоря, ничего страшного не произошло. Никакой беды и никакой катастрофы. Все у нас сделалось как у людей. Как было всегда и везде. В конце концов, Микки Спиллэйн всегда побеждал (тиражами своими) Фолкнера, а Фаддей Булгарин – Пушкина, и это нисколько не мешало ни славе Фолкнера, ни славе Пушкина. (Ни, впрочем, и славе Спиллэйна с Булгариным – у них ведь тоже была слава, своеобразная и отнюдь не маленькая.) Мы испытываем сейчас смутное недовольство и непривычные опасения просто потому, что «тайное» стало явным: отношение пресловутого большинства к литературе не скрывается более за праздничными лозунгами «Мы – самая читающая нация в мире», «Лучшему в себе я обязан книге» и прочими заклинаниями эпохи перезрелого феодализма. Каждый сверчок познал приличествующий ему шесток, и каждый писатель получил конгениального читателя и соответствующие тиражи с подобающими гонорарами. И стоит теперь каждый писатель перед древними, как само книгоиздание, вопросами. Для «многих» ли писать или для «избранных»? «Вдохновение» или «точный расчет»? «Слава» или «деньги»? Причем и то и другое – дается трудно. И того и другого всегда – «либо не хватает, либо нет совсем». И никуда не уйти от недовольства собой и своими делами.

Впрочем, никаких оснований для какого-то особенного пессимизма я не вижу. До гибели культуры далеко, как до конца света. Я, например, давно уже решил (собственного успокоения

для): если появляется в год дюжина хороших книг, значит, литература вообще и фантастика в частности – живы. И пока – слава богу! – все в порядке. «Пациент скорее жив, чем мертв». Жив, курилка.

«Мы выкарабкаемся обязательно»

На вопросы Бориса Вишневского отвечает писатель Борис Стругацкий

Записано: 27 июня 2001 года

Опубликовано (в сокращении) в газете «Санкт-Петербургский курьер» 19 июля 2001 года

– Наступил двадцать первый век – каким Вы его себе представляли? И насколько происходящее сейчас совпадает с Вашими ожиданиями?

– В конце восьмидесятых мы написали целый роман на эту тему – «Отягощенные злом», – действие там происходит в 20-х годах XXI века. То, что мы наблюдаем сейчас, очень мало совпадает с описанным в романе, но я иногда с ужасом думаю, что к 20-м годам века совпадение вполне может и увеличиться. Помните? В романе описана Россия, в которой слабо теплится рыночная экономика, власть принадлежит одной партии, в городе, где происходит действие, есть горком и «первый» этого горкома… Так вот, сегодня я наблюдаю определенные тенденции к авторитаризму, которые внушают мне опасения.

– Разве раньше таких тенденций не наблюдалось?

– Во времена Бориса Николаевича ничего подобного, на мой взгляд, не было. Существовало очень жесткое разделение властей, исполнительная и законодательная власти не просто были разделены – они противостояли друг другу, и ни о каком авторитаризме не могло быть и речи. Свобода слова была в полной безопасности – Борис Николаевич, при всех своих недостатках, безукоризненно вел себя в отношении свободы слова и СМИ…

– В том смысле, что ему было наплевать, что скажут в средствах массовой информации, – на действиях правительства это никак не отражалось…

– Во-первых, может быть, и отражалось. А во-вторых, меня удовлетворяет такая ситуация – я был бы счастлив, если бы исполнительной власти было бы «наплевать на СМИ».

– А зачем тогда вообще нужны СМИ, если общественное мнение, транслируемое через них, не оказывает никакого воздействия? Собака лает, а караван идет…

– Общественное мнение обладает самостоятельной ценностью – совершенно независимо от того, оказывает оно непосредственное влияние на действия властей или нет. Если в стране есть общественное мнение – считайте, что полдела

сделано. Рано или поздно это общественное мнение начнет оказывать влияние на исполнительную власть – просто потому, что рано или поздно носители этого общественного мнения начнут в исполнительную власть приходить. Так «шестидесятники», придя… нет, не придя, а только прикоснувшись к власти в начале перестройки, уже сыграли большую роль в том, что Россия пошла тем, а не иным путем. Хотя власти у них было мало, хотя к их мнению не очень-то прислушивались – все равно без них все могло бы быть иначе, мы могли пойти по китайскому пути уже в конце 80-х годов. Это не произошло в том числе и потому, что около власти оказались отдельные «шестидесятники». Поэтому я, в отличие от многих, не склонен рассуждать сугубо прагматично: мол, роль средств массовой информации должна быть такой, чтобы «сегодня в газете, а завтра в указе». Этого не будет никогда, такого влияния СМИ не имеют ни в одной стране мира. Максимум, что они могут, – это свалить какого-нибудь министра. Но влияние на кадровую политику явно не исчерпывает всех сложностей темы… А вот то, что СМИ воспитывают определенную точку зрения у читающей и слушающей публики, мне представляется гораздо более важным. Эта ситуация возможна только в условиях свободы информации. Если ее не будет – воспитание масс, разнообразие общественного мнения станет невозможно. Ничего страшного, что влияние на текущую политику оказывается СМИ не прямо, а опосредованно. Лишь бы оказывалось. А в конечном итоге – оказывается.

– Вы полагаете, что сейчас ситуация со свободой слова отличается от «ельцинской» в худшую сторону?

– Ситуация несколько изменилась, конечно, но все же не на 180 градусов, не коренным образом. В обществе наметился некоторый поворот в сторону авторитарности. То, что происходит со СМИ, – это лишь часть общего поворота. Новый президент хочет выстроить свою «исполнительную вертикаль», и она, естественно, должна распространяться и на средства массовой информации. Смешно было бы рассчитывать на бесперебойную работу «исполнительной вертикали», если СМИ при этом абсолютно бесконтрольны. В этом смысле – да, появились некоторые неприятные тенденции. Но все же те точки зрения, которые преподносят нам СМИ, пока еще достаточно разнообразны. И особенной угрозы свободе слова я не вижу. Так, туманные намеки, а не реальные угрозы.

– Достаточно много людей, однако, полагают, что, например, ситуация с НТВ – это уже не туманные намеки, а вполне конкретные действия, предпринятые в определенных

политических целях. Мало кто сомневается: будь политическая позиция канала не оппозиционной, а такой же, как у РТР или ОРТ, – с них бы никто не требовал долгов, не заводил уголовные дела, не проводил бы обыски и аресты… Да Вы сами подписывали письмо, опубликованное в «Общей газете» на эту тему! И там Вы вполне разделяли все эти оценки…

– Я их и сейчас разделяю. С той только разницей, что, откровенно говоря, мне не кажется, что акция против НТВ была направлена против свободы слова. Она была направлена против определенной информационной группировки, которой я лично симпатизировал, а президент, видимо, нет. Что же касается оппозиционности НТВ – она и после смены собственника и смены руководства никуда, на мой взгляд, не исчезла. Я очень внимательно смотрю передачи и не вижу принципиальной разницы между «информационной атмосферой» три-четыре месяца назад – и сейчас. Профессионализм упал – вот это заметно. Дикторы стали похуже. Передачи стали не такие сочные и яркие. Но все приметы оппозиционности остались, никуда не делись. Иногда мне даже кажется, что они нарочно разыгрывают оппозиционность в тех ситуациях, когда для нее нет особенной причины. Может быть, для того чтобы не дать повода для обвинений в излишней лояльности? И это убеждает меня в том, что борьба, которая имела место, – это была борьба с кадрами, а не с идеологией. Цель была не поменять идеологию, а убрать конкретных личностей. Теперь – кого выгнали за границу, кого уволили, – и все довольны. Нет проблем. Власть доказала, что связываться с ней опасно. Что она не простит выпадов против нее. Что СМИ, конечно, обладают определенной свободой – но контроль принадлежит властям, и забывать об этом нельзя. Урок преподан и, надо думать, усвоен.

– Если, как Вы говорите (и с чем я согласен), выпады против власти «не прощаются» и с властью «опасно связываться» – о какой свободе слова можно говорить? Вы полагаете, что все нормально и так и должно быть?

– Я не полагаю, что это нормально. Я просто не считаю это настоящей борьбой со свободой слова.

– В таком случае, что бы Вы считали этой «настоящей борьбой»?

– Вот если бы сегодня идеология НТВ ни по форме, ни по сути не отличалась бы от идеологии РТР – я бы сказал: да, это была борьба против свободы слова, борьба против оппозиции. Но этого, на мой взгляд, нет. Если сближение позиций каналов и есть – то очень малозаметное. Впрочем, не исключено, что прошло еще слишком мало времени. Нынешняя власть предпочитает

постепенность во всем.

– На мой взгляд, признак свободы слова – в том, что в СМИ могут свободно высказываться неприятные для властей точки зрения и могут выступать люди, серьезно оппонирующие власти. Обратите внимание: точно так же, как в последние полтора года на ОРТ и РТР (там это началось перед президентскими выборами), сейчас для НТВ стали персонами нон грата большинство представителей «Яблока» – и в первую очередь Явлинский. Если надо показать оппозицию – показывают Зюганова или Харитонова…

– Это опять борьба не с политическими позициями, а с конкретными людьми. Не с оппозиционностью вообще, а именно с той оппозиционностью, которую демонстрирует конкретно Явлинский. Не с оппозицией, а с ним лично. И уверяю вас, все было бы не так, если бы он не вызывал у высокого начальства персонального раздражения – точно так же, как в свое время господин Гусинский…

– Конечно, Явлинский вызывает это раздражение, более того, он его вызвал куда раньше, чем Гусинский, который, если помните, и в 1993 году, и в 1996 году имел с властями прекрасные отношения. И не кажется ли Вам, что если основанием для отлучения какого-либо политика от национального телеэфира является тот факт, что он вызывает у властей раздражение, – значит, о свободе слова говорить, мягко говоря, сложно?

– Если ту же позицию выражает просто кто-то другой – тогда свобода слова, согласитесь, все же есть. А та позиция, которую выражает Явлинский, хорошо известна. Пусть и не по его выступлениям. И пусть даже без упоминания, что это именно его позиция. Но – известна. Как, скажем, позиция против введения повременной оплаты за телефон или против ввоза ОЯТ в Россию. Эти позиции представлены в СМИ – значит, борются не с идеями, а с конкретными людьми. Вот если бы идея о борьбе, скажем, против «повременки» была вычеркнута из общественной жизни вообще – это была бы борьба против свободы слова. А сейчас вычеркиваются не конкретные идеи, а конкретные личности. Это плохо, я согласен с вами, но это все-таки не безнадежно плохо.

– Десять лет назад был августовский путч, с провалом которого у многих были связаны самые различные надежды. Они оправдались – у Вас в том числе?

– Десять лет назад в стране произошла «бархатная революция». Смена общественного строя. А путч – это была попытка остановить эту революцию. Или убыстренную эволюцию. Провалившаяся попытка. Провалившаяся потому, что активная

часть народа не хотела старого, а пассивная часть была равнодушна к попытке это старое сохранить. Сейчас ситуация несколько иная. Сейчас вектор народной воли – к сожалению – поворачивает в другую сторону. Миллионы воль направлены на то, чтобы был «порядок». А тогда – они были направлены на то, чтобы существующий порядок упразднить. Этот порядок ни к черту ни годен, говорили люди, хватит! Надоело! Такой была точка зрения даже самых пассивных. Гори оно все огнем – палец о палец не ударим, чтобы вам помочь. Вы все испортили, все разворовали, все захватили, все прогадили – туда вам и дорога. Сейчас же – другое: сейчас – порядка хотим! А что такое в России порядок – исторически? Прежде всего это – полицейская, державная, авторитарная система. Система, при которой все изменения в обществе могут происходить только под жестким контролем исполнительной власти. Что же касается моих надежд десятилетней давности – я отношусь к небольшому проценту людей, которые не жаловались и не жалуются на то, что происходило все эти десять лет. Я даже доволен! По очень простой причине: я всегда, все это время, ожидал гораздо худшего. Я и сейчас ожидаю худшего. Поэтому история, происшедшая с НТВ, для меня – не трагедия, а лишь неприятная ситуация, которая, слава богу, обошлась, как говорится, «малой кровью».

– Какого «худшего» Вы ждете сегодня?

– Существенного усиления авторитаризма. Я допускаю, что соблазненное общим желанием порядка начальство начнет очень жестко контролировать происходящие в стране процессы. И когда появится единомыслие в СМИ – это будет началом конца. Это будет означать многолетнее торжество авторитаризма и тоталитаризма. И поэтому я подписываю все письма, направленные против нарождающегося авторитаризма во всех его формах. Не потому, что я так уж действительно боюсь, – когда я подписывал письмо в защиту НТВ, я не верил, что произойдет какая-то страшная трагедия. И правильно делал, что не верил, – ведь трагедии и не произошло. Но я буду подписывать все письма аналогичного содержания потому, что за свободу СМИ надо бороться, пока эта свобода есть. Когда ее не будет – бороться будет уже поздно. И потому начальство должно хорошо себе представлять: каждый его шаг в этом направлении вызовет отчаянный вопль протеста. Пусть даже эти акты протеста кажутся кому-то смешными, пусть они вызывают раздражение у исполнительной власти – мол, чего вы разорались? – кричать надо! Кричать, пока слышно. В полный голос.

– Вопрос, вставший во время все того же конфликта вокруг

НТВ: что важнее – свобода или собственность?

– Этот вопрос очень непростой. Право собственности священно – но и свобода слова тоже священна. И когда два этих священных права сталкиваются, я не знаю, кто должен побеждать. Честно говоря, скорее должен побеждать все-таки собственник. Потому что только в обществе, где есть священное и неприкосновенное право частной собственности, может быть свобода слова. Там, где свобода слова выше, чем право частной собственности, все это обязательно кончится термидором. Потому что свобода слова будет использована для уничтожения права частной собственности и всех других прав.

– Вам не кажется, что все наоборот: если есть свобода (не свобода слова, а свобода вообще) – собственность появится. А если нет свободы – собственность в любой момент могут отнять. И так, что жаловаться будет некому и никто не услышит.

– Свобода вообще возможна только тогда, когда есть частная собственность! Свобода без собственности – это анархия…

– А собственность без свободы?

– Собственность без свободы – тоже плохо, конечно… Должна быть свобода частной собственности. Свобода управления частной собственностью.

– Разве понятие свободы не шире, чем понятие свободы управления частной собственностью?

– Свобода вообще – я не знаю, что это такое. Чем она отличается от пресловутой «воли»? Свобода есть воля, ограниченная законами, и важнейший из них – закон, гарантирующий право частной собственности. Собственность не может быть всеобщей, собственность должна быть частной. Только тогда она будет использоваться эффективно и с максимальной пользой для общества. И только тогда будет эффективно использоваться свобода информации.

– Давайте вернемся к двадцать первому веку: он ведь изображен у Вас не только в «Отягощенных злом». Если взять «быковский цикл» – СБТ, ПА, «Стажеры», кусочек от «Возвращения», наконец, ХВВ – там ведь действие происходит в конце двадцатого – начале двадцать первого века. Помните, в «Стажерах» у генерального инспектора Владимира Юрковского был роскошный бювар с золотой пластиной с надписью «IV Всемирный конгресс планетологов, 20.12.02, Конакри», а с Михаилом Крутиковым они спорили по поводу того, когда они ходили на «Хиусе-8» к Урану исследовать бомбозондами аморфное поле на его северном полюсе – то ли в 2001-м, то ли в 1999-м… Что же, вот и настали указанные времена – но где же предсказанные полеты на фотонных ракетах, где путешествия на

Венеру и Марс (не говоря об Уране или Юпитере), где безгравитационное литье и прочие технические достижения цивилизации? Двадцать пять лет назад была последняя высадка на Луну, до Марса и Венеры кое-как добираются отдельные беспилотные аппараты, о более дальнем Космосе и речи нет. К сожалению. Ваши с братом предсказания оказались излишне оптимистичными…

– Почему, собственно, «к сожалению»? Все вполне естественно и очень просто объясняется. Вспомните конец 50-х – начало 60-х годов, когда писались все эти вещи, – это же был «штурм унд дранг» мировой космонавтики! Первый спутник, через пять лет – первый человек, еще через пять лет – пилотируемый облет Луны… Представлялось совершенно очевидным: еще 20–30 лет – и мы будем на Марсе, Венере, чуть позднее – на спутниках Юпитера и Сатурна… И лишь потом, когда эйфория спала, выяснилось: все это занимает гораздо больше времени, потому что все это гораздо дороже и гораздо технически сложнее. Мы тогда дружно ошиблись все – я не помню ни одного пессимистического текста по этому поводу.

– А чего вы все не учли? Почему все оказалось настолько сложно?

– Космические полеты – и у нас, и в США – преследовали две цели. Во-первых, военную, а во-вторых, пропагандистскую. Так вот, обе эти цели уже давно себя исчерпали. Выяснилось, что планеты для войны не нужны, что Луна для войны не нужна, что все военные проблемы можно решать иными методами. Исчез главный движитель космического прогресса – а между тем деньги требовались чудовищные, ни с чем не соизмеримые…

– Если обратиться к ХВВ – когда-то Вы говорили мне, что описанный там мир, по зрелому размышлению, не так и плох…

– По зрелому размышлению, этот мир, прямо скажем, не хуже многих. Я знаю миры, которые гораздо хуже. Например, Северная Корея. Но, что самое интересное, этот мир «хищных вещей» действительно реализуется! Пожалуй, это единственное сбывшееся (точнее, наиболее реалистическое) предсказание из тех, которые делали братья Стругацкие. Хотим мы этого или не хотим, нравится нам это или не нравится – мир идет по этому пути. Мир ХВВ – это мир «сытого миллиарда», который возник на наших глазах и почти уже реализовался во всей своей красе.

– А какие предсказания братьев Стругацких относятся к несбывшимся?

– В первую очередь не сбылось предсказание о процессе освоения космоса. Оно оказалось совершенно ошибочным. Как и то, что Советский Союз сохранится на протяжении всех этих

десятилетий и что именно тот Советский Союз, который существовал в конце 50-х годов, будет процветать и достигнет неописуемых высот и в освоении космоса, и в решении социальных проблем. Нам тогда и в голову не могло прийти, как на самом деле развернутся события истории.

– Вы не раз говорили: предсказывать будущее на 3–4 года не беретесь, лет на пятьдесят – кое-как, вот лет на 100–200 – пожалуйста.

– Да, это известный парадокс.

– Вы бы могли попытаться сформулировать прогноз на 100 лет вперед, на начало Вашего любимого – XXII – века? УСЛОВНО говоря, на начало «Мира Полудня»?

– Сформулировать можно все что угодно, но на самом деле все зависит от двух ключевых факторов. Как человечество решит проблему энергетического кризиса и как оно решит проблему кризиса экологического. С ними человечество столкнется в нынешнем веке неминуемо. Конечно, все это решаемые проблемы, и речь идет не о том, «выкарабкаемся» мы или нет. Мы «выкарабкаемся» обязательно. Речь о том, будет ли у нас светлое будущее или мы получим будущее мрачное, «Стальные пещеры». Перенаселенную, нищую, тоталитарную, убогую Землю. В стиле даже не Азимова, а скорее Пола и Корнблата. Так что, вообще, выбор невелик. Но однозначное предсказание сделать невозможно, потому что отсутствуют конкретные данные. Важно другое: катастрофы не будет. Не будет гибели человечества, эсхатологии, конца света. И прогресс не остановится. Просто в одном варианте темпы развития человечества, темпы прогресса человечества, темпы развития качества жизни будут сохраняться нынешними, а в другом варианте они резко упадут, и мы будем бороться уже не за процветание свое, а за элементарное выживание.

– Если говорить об экологических проблемах – трудно не затронуть тему ввоза ядерных отходов в Россию, которая сейчас стала крайне актуальной… Какова Ваша точка зрения?

– У меня ее нет, и вот почему. Я не могу понять – кто же все-таки там прав, не политически, а экономически. Я не могу понять, действительно ли это выгодно нашей стране? Можем мы без этого обойтись или не можем? И главное – я не могу понять: опасно это или нет? Никто до сих пор связного ответа на этот вопрос мне не дал. Но общее мое отношение, естественно, отрицательное. Ничего хорошего в том, что тысячи тонн сильно радиоактивных веществ поедут в нашу страну и будут здесь храниться, я не вижу. Правда, с другой стороны, я не такой паникер, чтобы заранее кричать: «Нельзя! Ни в коем случае!» Может быть, и можно.

Только объясните мне, нужно ли это, во-первых, и справитесь ли вы с этим потоком радиоактивных веществ, во-вторых. Я вполне допускаю, что с этим потоком справиться можно. Что можно заготовить хранилища, можно сделать их безопасными, и так далее. Но будет ли это сделано и, главное, нужно ли это? Или мы таким путем просто удовлетворяем политические и финансовые амбиции сравнительно узкого круга лиц из Минатома?

– У меня, как и у 90% граждан, даже и без всех этих объяснений такое мнение: держаться от ввоза ядерных отходов подальше, сколь бы большие экономические выгоды это ни принесло. Что также сомнительно – слишком хорошо известно, как разворовываются деньги в России… Но даже если бы не разворовывались – рисковать я не готов. Чего и Вам желаю…

– Я все же допускаю, что проблема имеет техническое решение. Тогда глупо отказываться от выгодной сделки. Масса рабочих мест, деньги, драгоценное горючее… Я хотел бы в этом разобраться, но одни говорят одно, другие – противоположное, и никто ничего не способен доказать. В конечном итоге отношение мое – резко отрицательное, хотя и не основанное на понимании сути дела. И каковы бы ни были разумные аргументы в пользу ввоза ОЯТ, если в нынешней ситуации меня спросят, я «за» или «против» – я, конечно, отвечу, что я против. Мне не хватает информации, мне страшно, мне никто не доказал, что это принесет пользу, – я считаю, что уровень риска слишком велик. Если будет проведен референдум – я буду голосовать против ввоза ядерных отходов.

– Несколько лет назад – летом 1997 года – мы с Вами говорили о тенденциях в современной фантастике, и Вы говорили, что широко распространилась фантастика такого типа, которую Вы не принимаете, – «Fantasy», фантастика, не «сцепленная с реальностью», фантастика иллюзорного мира. Произошли ли какие-либо изменения за эти годы – в той мере, в какой Вы следите за выходящим?

– Я слежу очень внимательно – я член жюри нескольких литературных премий, поэтому вынужден читать почти все. Или, по крайней мере, очень многое. Только для АБС-премии я прочел более семидесяти произведений, отобранных номинационной комиссией. А еще были книжки для «Интерпресскона», для «Бронзовой улитки», для премии «Странник», которая будет присуждаться в сентябре… И я полон оптимизма! Хотя ситуация с тех пор, как мы ее обсуждали, нисколько не изменилась. По-прежнему 90% выходящей фантастики составляет плохая фантастика. Но это железный закон, который относится не только к фантастике, – закон Старджона: «Девяносто процентов всего на

свете – дерьмо». А поскольку каждый год появляются новые авторы, да и старые добрые авторы тоже пишут хорошие книжки – все идет путем, как сейчас принято говорить. Много хороших книг, есть новые имена – чего же Вам еще надо?

– Что бы Вы отметили за последний год?

– Обнаружилась любопытная картина: появилось очень много авторов-реалистов, которые принялись писать фантастику, и фантастику интересную, необычную, очень разнообразную. Тут и Борис Акунин, и Татьяна Толстая, и Павел Крусанов, и Всеволод Петров, и Александр Кабаков…

– Разве симпатичный мне Акунин (он же Григорий Чхартишвили) пишет не только детективы про Эраста Фандорина и его потомков?

– Почитайте «Сказки для идиотов», написанные в манере Салтыкова-Щедрина или Гоголя. Маленькие сказочки о вполне щедринских градоначальниках, но – на сегодняшнем материале. Очень любопытно. Я уже не говорю о тех, кто фантастику пишет давно, – здесь и Вячеслав Рыбаков, и Михаил Веллер, и Евгений Лукин, и многие другие.

– А на Западе появляется что-нибудь интересное?

– Вот здесь я мало что знаю, поскольку сейчас западной фантастикой почти не интересуюсь. В свое время я ее «переел». В том, что я читаю, – в журнале «Если», например, где много западной фантастики, – ничего сколько-нибудь заметного не встречается. Даже если пишут те из великих, кто остались, – я читал новые вещи Шекли, и они не произвели на меня особого впечатления.

– Алексей Герман на вручении АБС-премии говорил, что идут съемки фильма по «Трудно быть богом». Вам известно, как там дела и в какой стадии процесс? Вас держат в курсе дела?

– Я знаю лишь то, что рассказывает Герман в своих интервью. Знаю, что примерно треть фильма снята в Чехии. Знаю, что сейчас он переехал в Питер и уже снимает в павильонах. Знаю, что работа идет очень тяжело…

– Планировалось, что Румату должен был играть Леонид Ярмольник. Это осуществилось?

– Да, конечно, он и снимается. Я к нему очень хорошо отношусь, хотя Румата в его исполнении совсем не такой, как мы все себе его всегда представляли. Мы ведь представляли его в виде статного красавца двухметрового роста – эдакую «белокурую бестию»…

– А с экранизацией «Обитаемого острова» к Вам никто не обращался? Вот уже какая вещь просто создана для экрана…

– Господи, двадцать раз обращались! Даже заключали

договора и платили хорошие авансы. Что-то начинали снимать, какие-то сцены в Крыму… А потом все это исчезало бесследно.

– Почему?

– Не знаю. Я имею дело с киношниками тридцать лет и должен признаться, что ничего не понимаю в этих людях…

Наступило разочарование в будущем

На вопросы Бориса Вишневского отвечает писатель Борис Стругацкий

Записано: 2 февраля 2002 года

Опубликовано: частично – «Новая газета», 14 февраля 2002, частично – «Санкт-Петербургский курьер», 28 февраля 2002

В конце прошлой недели были присуждены государственные (нынче они, что характерно, называются президентскими) премии в области литературы и искусства за 2001 год. Среди лауреатов – Михаил Жванецкий и Валерий Гергиев, Глеб Панфилов и Нонна Мордюкова, Галина Волчек и Виктор Розов. И – знаменитый петербургский писатель-фантаст Борис Стругацкий.

– Прежде Вы не получали никаких государственных наград?

– Это не совсем так. Если вы помните, в 1986 году вышел фильм «Письма мертвого человека», за который дали Государственную премию. Поскольку я был участником написания сценария, мне премию тоже вручили. Я ужасно отбивался, поскольку считал свою роль очень маленькой, даже пытался отказываться, но мне объяснили, что ежели я откажусь, то будет грандиозный скандал и премии за фильм не получит вообще никто. «Дают – бери, бьют – беги». Так что эту премию я никогда не считал своей, поэтому будем считать, что президентская премия – первая, которая отмечает творчество Стругацких. Всякий знающий положение дел человек понимает, что это премия не Б. Стругацкому, а писателю по имени «Аркадий и Борис Стругацкие», которого давно уже принято сокращенно называть АБС. Этого писателя государство наконец отметило – чего раньше никогда не было. Если не считать третьей премии за «Страну багровых туч», которую вручило нам Министерство просвещения РСФСР в 1960, кажется, году.

– Как Вы думаете, президент читал Ваши книги?

– У меня есть подозрение – лестное для меня, – что читал. Потому что вряд ли президент уж так «вслепую» подмахивает указы о награждениях. Наверное, все-таки смотрит список, задает какие-то вопросы. Так что я вполне допускаю, что он наши книги читал, и, видимо, даже благосклонно.

– Как всякий ленинградский мальчишка 60-х годов?

– Если он вообще в те годы читал – то читал фантастику. А если читал фантастику – то уж наверняка читал Стругацких. Это мне приятно – не каждый писатель может похвастаться таким читателем, как президент. Премии вообще приятно получать – а

президентские приятно вдвойне. Сейчас я очень интересуюсь, каково же денежное содержание этой премии. И не потому, что нужда заела. Просто я хочу всю соответствующую сумму вложить в АБС-фонд, который занимается всеми организационными делами, связанными с присуждением ежегодной АБС-премии за лучшее художественное и лучшее критико-публицистическое произведение в области серьезной фантастики. Премия вручается 21 июня – в условный день рождения писателя «братья Стругацкие», расположенный ровно посередине между днями рождения моим (15 апреля) и Аркадия Натановича (28 августа). Каждый год фонд занимается сбором соответствующих «премиальных» средств, и теперь я надеюсь, что в 2002 году эта задача облегчится…

– Вы не ощущаете себя классиком жанра, сокращающегося, как шагреневая кожа? Чем дальше – тем больше и «чистая» научная фантастика в стиле Жюля Верна и Герберта Уэллса, Артура Кларка и Айзека Азимова, предсказывавшая технический прогресс человечества, и, если так можно выразиться, «научно-социальная», рисующая человека нашей эпохи в фантастических обстоятельствах будущего (многие произведения АБС – тому пример, как и произведения, скажем, Рэя Бредбери или Клиффорда Саймака), вытесняются либо «фэнтези» с магами, эльфами, троллями и гоблинами, либо мистической фантастикой в стиле Стивена Кинга, либо «космической оперой», причем в далеко не лучшем исполнении… Почему так происходит? Дело в массовом желании убежать от реальности в иллюзорный мир? Может быть, на фоне «героев нашего времени» гоблины кажутся симпатичными?

– Все это происходит именно потому, что у читателя наших дней особенно сильна тяга уйти от реального мира. Такая тяга вообще характерна для молодого поколения – недаром именно молодежь всегда любила романтику. В мое время «убегали» в Александра Грина, Густава Эмара, Кэрвуда, Жаколио, Буссенара… Все это был уход от реальности, которая была скучна, однообразна, уныла. Телевизора не было, кино – почти не было, компьютерных игр не было совсем, а так хотелось яркого, красивого, сказочного, необычайного. Вот это стремление к необычному и необычайному и является «локомотивом», благодаря которому «фэнтези» так популярна. Та фантастика, о которой вы начали говорить, – научная, социальная, философская, и та, которую я называю «реалистической», – отражение реального мира, искаженного фантастическим допущением, – все это предназначено читателю более серьезному и зрелому. Это не 12–15-летние подростки, а 20–25-летние

студенты. Пресловутые «младшие научные сотрудники», которым уже под тридцать…

– Но ведь эти категории читателей и сейчас существуют – и не в меньшем количестве, чем раньше. В чем же дело?

– Да, существуют. Но народ сейчас вообще читает гораздо меньше. Прежде всего потому, что появилась масса новых развлечений. Телевизор в первую очередь. Компьютерные игры. Интернет. Зарубежное кино. Огромное количество разнообразной, яркой, развлекающей информации.

– Нет ли противоречия? Все отмечают происшедший в последние годы «книжный бум». Книгами торгуют на каждом углу, соответствующий бизнес, видимо, достаточно выгоден – выходит, читать стали не меньше, а больше?

– Читают, как мне кажется, все-таки меньше. Выпускается ведь не больше книг, а больше названий. Это – разные вещи. Тиражи-то снизились в десятки раз по сравнению с советскими! Сейчас пять тысяч – это вполне добротный тираж, а десять тысяч считается большим. Но зато названий ежегодно появляется сотни и тысячи – ситуация совершенно невозможная в советские времена, В результате создается впечатление, что книг очень много, что их больше, чем было, но это – иллюзия. Как и то, что аудитория читателей стала огромной. Количество раскупаемых (и читаемых) томиков стало, на мой взгляд, меньше. Хотя точных подсчетов, насколько я знаю, нет – во всяком случае, мне они неизвестны.

– Знаменитый «Гарри Поттер» Вам в руки не попадал?

– Не попадал. Я про него, конечно, слышал, но читать мне его не доводилось, да и совсем не хочется. Хотя из профессионального любопытства, наверное, следовало бы.

– Мой московский коллега говорит, что «Поттер» совершил чудо – оторвал его 12-летнего сына от телевизора и компьютерных игр…

– За это – уже спасибо. Хотя я, честно говоря, не верю, что на нынешнего подростка эта книга способна произвести впечатление более сильное, чем на нас в свое время производил, скажем, «Старик Хоттабыч» или «Волшебник Изумрудного города».

– Но почему все-таки так сокращается жанр научной фантастики? Нет спроса? Никому не интересно читать книги, где предсказывается будущее?

– Да потому, что вообще интерес к науке упал. Совершенно «к нулю» свелись научно-популярные издания и журналы. Никто не читает «Природу», уничтожены старые тиражи «Знание – сила» и «Химии и жизни», которыми все раньше зачитывались… Это – падение интереса к науке вообще. И связано оно с тем, что в

обществе исчезли массовые надежды на науку. Надежды на то, что она осчастливит человечество. Было время, когда мы надеялись, что наука все решит. Помните, у Ильфа: «Все говорили: радио, радио… Вот, радио есть, а счастья нет». Это же произошло и с наукой. Казалось бы, есть множество научных достижений: расшифровка генома, замечательные открытия математиков, физиков, астрономов, биологов. А счастья нет! Жизнь не становится лучше – безопаснее, безмятежнее, спокойнее…

– И у писателей не стало стимула пытаться выдумать такие фантастические изобретения, которые осчастливят человечество?

– Такие «благородно мыслящие дурачки», каким был, например, бесконечно уважаемый и чтимый мной Жюль Верн, исчезли совсем. Они встречаются только среди графоманов. Уже Герберт Уэллс сильно сомневался в том, что наука осчастливит человечество. Уже он понимал, что наука никаких подлинных благ человеку не принесет. Скорее наоборот…

– А Кларк или Азимов?

– Оба они безусловные последователи Жюля Верна. Они творили в те времена, когда еще казалось, что наука вот-вот станет всемогущей. Ученые возьмут в руки власть и сделают нашу жизнь прекрасной. А теперь уже никто не надеется, что только с помощью развития науки можно серьезно улучшить жизнь. Более того, наступило разочарование в Будущем! Сейчас преобладает тенденция считать, что вообще ничто не может улучшить жизнь. Ни социологические изыски, ни экономика, ни наука. Всеобщий пессимизм. Потому что перепробовано уже, кажется, все – а результата все нет. И совсем нет новых идей – а если они и есть, то носят характер скорее пессимистический. Нас ждет демографический кризис, экологический кризис, экономический провал… Оптимистических же идей нет вообще. Будущее несет в себе либо шок, либо угрозу, либо возврат в тоталитарное прошлое. Нет сегодня такой идеи будущего, которую можно было бы назвать светлой.

– А раньше были?

– Конечно. Например, та же идея коммунизма. Или «Мир Полудня» у Стругацких. Который, как всем сегодня ясно, невозможен. Это красиво, заманчиво – но невозможно. Сейчас пытаются создавать какие-то новые утопии. Я этого не умею, но с интересом наблюдаю за попытками. Например, Вячеслав Рыбаков под именем Хольм Ван Зайчик создает образ «Ордуси» – империи, в которой живут счастливые люди. Империи, возникшей когда-то как некий симбиоз Древней Руси и Золотой Орды и дожившей до наших дней. Ван Зайчик строит модель государства, очень

самодостаточную, очень ловко и даже изощренно построенную, красочно расписанную, и многие готовы считать ее новой утопией. А я – не могу. Ведь утопия это модель пусть невозможного, но желанного будущего. Но как может быть желанным будущим – империя? Всякая империя есть по сути своей подавление, подавление всего: внешнего врага, собственных подданных, новых идей, всего нового вообще. Никакая империя невозможна без бюрократии, и чем мощнее империя, тем толще и непроворотней слой бюрократов. А там, где бюрократия, там конец свободе, свободомыслию, прогрессу вообще. Хольм Ван Зайчик очень ловко обходит все эти острые углы, и у него все сводится к тому, что империей правят умные, интеллигентные и благородные люди, которые низменных желаний не имеют и плохих поступков не совершают…

– Помните, у того же Рыбакова был рассказ «Давние потери» в похожем стиле?

– Типичная альтернативная история, рассказывающая, каково было бы в нашем государстве, если бы товарищ Сталин был умный и добрый человек, по вечерам гонял чаи с Бухариным и одалживал у знакомых сборники Мандельштама… Ордусь в этом смысле – аналог, потому что она так же исторически невозможна, как невозможен умный и благородный Сталин.

– Вы не допускаете, что Сталин мог таким родиться или стать?

– В этом случае он не был бы Сталиным. Он бы просто не удержался у власти. Его бы сожрали соратники. Умный и добрый глава империи невозможен в принципе, как невозможен летающий человек. И так же невозможна благородная, честная, терпимая и интеллигентная империя. Она неминуемо погибла бы под ударами жестоких, свирепых и беспощадных окружающих ее государств! Но идея империи, где правят хорошие люди, чрезвычайно занимает Рыбакова. Он ее развивал еще в повести «Гравилет „Цесаревич“», где изображена альтернативная Россия конца двадцатого века, которой правит умный и добрый император, окруженный столь же умными и добрыми князьями и генералами… Недаром вся эта трилогия Рыбакова о стране Ордусь (пока что трилогия, потому что он обещает и продолжение) выпущена под общим слоганом-эпиграфом: то ли «Все люди – хорошие», то ли «Плохих людей нет», не помню точно.

– К вопросу об империи, где правят хорошие люди: не знаю насчет всех, но то, что подавляющее большинство граждан нашей страны уверено, что у них – замечательный президент, есть медицинский факт. Что ни делает – рейтинг растет или, по

крайней мере, не падает. Жизнь не улучшается – а рейтингу хоть бы хны. То 70%, то 80%… Чем можно объяснить феномен такой массовой поддержки?

– Не ручаюсь, что мое объяснение будет исчерпывающим и тем более верным. Но дать его – могу: в глазах огромного числа людей Путин – последняя надежда.

– На что?

– На то, что у нас все наконец «устаканится». Что все проблемы решатся. Что зарплаты будут выдаваться вовремя, и они будут большими. Что пенсии будут не ниже прожиточного минимума. Что воры будут сидеть в тюрьме. Что по улице вечером можно будет пройти, ничего не опасаясь. Что Россия возродится как великая держава. И так далее. Это – последняя надежда миллионов людей, которые сперва изуверились в коммунистах, потом – в демократах, во всех этих Жириновских, в Зюгановых – во всех. Осталась последняя надежда – добрый царь. Добрый, сильный, властный и здравомыслящий. И вся эта надежда сосредоточена в Путине. Тем более что он часто дает «посылки», укрепляющие такую надежду. И пока надежды и добрые ожидания превалируют – рейтинг остается высоким.

– Представляется, что феномен такой массовой поддержки должен опираться на что-то рациональное и осязаемое. Но как ни спросишь у любого из этих 80% сторонников президента – что же он хорошего-то для вас сделал? – никакого вразумительного ответа. Мизерный рост зарплат и пенсий давно съеден инфляцией, пенсия в три раза ниже прожиточного минимума…

– Рейтинг Путина держится не на этом. Он молодой, энергичный, скромный, хорошо и доступно говорящий, абсолютно непьющий, ведущий здоровый образ жизни, тихий на вид и одновременно вполне по-начальнически жесткий. Это идеальный образ руководителя, каким представлял его себе нынешний средний человек. Особенно – по контрасту с Борисом Николаевичем, который, безусловно, тоже имел свои достоинства. Настоящий русский царь, как кто-то его назвал. И значительно более характерный, чем Путин, который скорее похож на аккуратного, спокойного, хорошо образованного немца на российском престоле.

– Россией немцы и их потомки и правили почти двести лет…

– Причем быстро обретали специфически русские черты – если оставались живы… Так вот, Ельцин, конечно, был типичный царь – но он надоел! Царь должен улучшать жизнь – а он ее не улучшил. Если бы Борису Николаевичу удалось хоть что-то сделать – миновать дефолт, создать действительно мощное правительство, да хотя бы зарплаты повысить и сделать так,

чтобы их платили вовремя, – у него была бы не меньшая народная поддержка, потому что имидж у него был как раз такой, как надо. А он не смог. Вообще ничего не смог сделать и – главное! – никакого порядка не сумел установить. А Путин – такой противоположный ему – смог. Кстати – сотрудник КГБ. А у нас к «органам» всегда относились со смешанным чувством страха и уважения. Да еще и считали, что из всех других-прочих эта организация наименее коррумпирована. «Око государево» – служат самой идее государства, не берут взяток … Легенда, конечно, миф – но миф устойчивый, культивировавшийся десятилетиями, как и миф об особенных свойствах и качествах военного человека, особенно – генерала. Я всегда говорил, что в нынешней России высший пост может занимать либо бывший партайгеноссе, либо силовик. Так что же удивляться высокому рейтингу Владимира Владимировича? Срывов, провалов и социальных катастроф, слава богу, нет, и на том – большое спасибо. Причем, заметьте, он очень точно лавирует между Сциллой старого и Харибдой нового. Вот принимается старый гимн – удовлетворяются желания большого числа людей, ностальгирующих по старому. А вот устанавливаются дружеские контакты с Западом – удовлетворена другая, меньшая, но тоже значительная и влиятельная социальная группа…

– Означает ли сказанное Вами, что, когда выяснится, что и перечисленные «последние надежды» не сбудутся, – наступит разочарование?

– Да, конечно. И тогда останется только один способ удержать рейтинг. Распроститься с народной любовью и сосредоточиться на старой доброй смеси «страх и уважение в одном флаконе». Это – самое опасное. Именно потому я очень боюсь провалов во внешней и особенно во внутренней политике. Если рейтинг начнет катастрофически падать – наступит очень сильный соблазн возместить его потерю страхом. Тогда рейтинг останется высоким, но держаться он будет не на симпатии, а на страхе. Как рейтинг Сталина, когда всенародная любовь росла из всенародного ужаса.

– Летом прошлого года мы с Вами обсуждали ситуацию с НТВ. И тогда Вы говорили: не считаю борьбу с НТВ борьбой со свободой слова, это была борьба с кадрами, а не с идеологией. Цель была не поменять идеологию канала, а убрать конкретных личностей. Кроме того, Вы надеялись, что команде Киселева удастся что-то сделать на ТВ-6. Сегодня уничтожено и ТВ-6 – Вы по-прежнему не считаете это борьбой со свободой слова?

– Я и сейчас считаю, что борются с личностями. Мне и тогда было ясно, что пока не добьют олигархов – дело не остановится.

Добьют Березовского – и кампания закончится.

– Добивают-то вовсе не Березовского – с ним все в порядке, и я не очень волнуюсь за его будущее. Добивают последний национальный телеканал, где давалась хоть какая-то критическая оценка действий власти. ОРТ и РТР совершенно сервильны, НТВ к ним успешно приближается…

– То, что я слышал по ТВ-6 (изображение на этом канале мой телевизор не берет), вовсе не свидетельствовало о какой-то там исключительной оппозиционности. Ничего там не было особенного и ничего чрезмерного. И прикрывают их не потому, что они ведут другую политику и исповедуют другую идеологию. А потому, что там главный человек – Березовский. Я уверен, что именно эта команда получит лицензию на вещание, – но при одном, очень болезненном, условии: никто из «ставленников» Березовского не будет участвовать в работе канала. Например, Евгений Киселев. Это – логика войны в политике. Противник должен быть политически уничтожен.

– Что же, это вполне укладывается в концепцию сохранения любым путем высокого рейтинга президента! Если нет каналов информации, находящихся под контролем «противников», а есть лишь государственные или контролируемые «подданными» – гражданам не будет доступна никакая несанкционированная (сиречь критическая) точка зрения на то, что делает президент и его правительство. Что же тут удивляться сохранению рейтинга?

– При советской власти ее не просто хвалили по телевизору – ее восхваляли и воспевали, а рейтинг (который, впрочем, никто не измерял и судить о котором можно было только по анекдотам) был крайне низок! Пик всего этого – 1985 год, когда уже само начальство поняло, что оно никому не нужно. Восхваление способно некоторое время поддерживать рейтинг, но, как было сказано у нас в «Обитаемом острове», невозможно длительное время говорить по телевизору и радио то, что никак не соответствует действительности. Люди начнут сходить с ума – сравнивая то, что они слышат из «ящика», с тем, что они видят вокруг. Я думаю, такого в нашей стране уже никогда не будет. Мы никогда не станем снова «империей лжи». Не те времена. Это так же неэкономично и даже антиэкономично, как сталинские лагеря, использование рабского труда. Создание «империи лжи» осталось в прошлом.

– А что – в настоящем?

– Полуправда. Много разнообразной полуправды, когда допускаются самые разные точки зрения, но им при этом положены некие достаточно широкие и мягкие, но пределы.

– Кто их будет устанавливать?

– Кто-кто… Тот, кто их устанавливает обычно. Правящая бюрократия. Например, администрация президента.

– И это состояние Вы называете свободой слова?

– Это состояние следовало бы называть реальной свободой слова. Ибо идеальной свободы слова, строго говоря, вообще не существует, как не существует добрых империй. Реальная же возможна только в том случае, когда имеют место разные и, желательно, разнообразные владельцы разных и, соответственно, разнообразных телеканалов. Короче, если не все каналы принадлежат государству.

– Именно этого Кремль и стремится не допустить – последовательно уничтожаются каналы, у которых разные (точнее, негосударственные или нелояльные государству) владельцы.

– Уничтожаются два совершенно конкретных владельца. А вот, скажем, канал «Московия», принадлежащий Сергею Пугачеву, никто не уничтожает. Потому что он говорит то, что не раздражает. Хотя Пугачев – супердержавник с уклоном в национализм. Но он, по крайней мере, не выступает против святынь! Не выступает против Главных Лиц… И никоим образом не входит с ними в личный конфликт.

– Вот Вы сами и подтверждаете мою точку зрения: уничтожают тех, кто говорит «не то, что надо». Кто может позволять себе, как Вы говорите, «покушение на святыни». А остаются только те каналы, которые уже не могут себе этого позволить. Чем, собственно, это отличается от советских времен? Точно так же, как и сегодня, «выпады против власти не прощаются» (Ваше прошлогоднее выражение). И точно так же, как и сегодня, у тех, кто говорил то, «что надо», и тогда была полная свобода слова…

– Уничтожаются те, которые позволили считать себя равными власти. Но сказано же им, что власть в этом государстве принадлежит президенту и его администрации, и более никому. Можете говорить все что хотите, – но не претендуйте на власть. И Гусинский, и Березовский вошли в личные неприязненные отношения с президентом и его администрацией. Видимо, где-то кому-то из Кремля было сказано: а пошел ты туда-то и туда-то! Ты мне не начальник – в гробу я тебя видел! На что им было отвечено: не ты меня, а я тебя видел в гробу. И ничего ты не сделаешь такого, что мне неугодно. Это – тоже разновидность борьбы за власть.

– И после всего этого многие считают президента поборником демократии и свободы?

– Это очень сложный вопрос. Демократические убеждения

вовсе не противоречат борьбе за власть. Или, по-вашему, демократ никогда не борется за власть?

– Конечно, борется. Все дело в методах борьбы. Уничтожение нелояльных СМИ – метод абсолютно недопустимый. Вряд ли это надо доказывать.

– За власть приходится бороться всеми методами. Потому что, если ты будешь бороться за власть только некоторыми методами, только «интеллигентными», только в перчатках – тебя уничтожат. Ты не только у власти не удержишься – ты вообще потеряешь все политические позиции. Борьба за власть обладает собственной логикой. И эффективность этой борьбы определяется волей, а не этикой. Другое дело – в борьбе за власть успешно может участвовать только человек, для которого эта власть играет большую роль, чем его представления о собственной порядочности. Иначе он обязательно проиграет. Хотя и сохранит в себе порядочного человека.

– Вы одобряете такие методы? Когда во имя власти допустимо все?

– Я вообще не одобряю борьбы за власть. Когда во имя власти убивают – это отвратительно. Когда во имя власти предают – это мерзко. Естественно, я не одобряю этого и одобрить не могу. Но когда во имя власти идут на интриги, на подкуп, на ложь и так далее – я это не то чтобы одобряю или не одобряю, я это понимаю. Я считаю это естественным. Я понимаю, что эта жизнь, жизнь политика, протекает вне рамок обычной этики и по особенным, специфическим правилам. Это – как бокс. Нельзя бить ниже пояса, но можно и даже желательно бить по лицу. Вы подумайте только: бить по лицу, в зеркало души, изо всей силы, чтобы сбить с ног, чтобы человек потерял сознание… Вы одобряете это? Вряд ли. Но вы понимаете, что таковы правила игры. А если говорить о борьбе за власть, то в ней разрешено все, практически все. Это может нравиться или не нравиться – но это существующий порядок вещей. Существующий не один век и не одно тысячелетие. И потому, когда я наблюдаю за политической борьбой, я стараюсь подавить в себе естественные человеческие эмоции вроде отвращения или ужаса и давно уж не пытаюсь искать благородство или, наоборот, низость в поступках политиков. При другом подходе ты никогда ничего не поймешь в политике. Если хочешь понять, что происходит, – надо отказаться от этих терминов. Или, если уж хочешь пользоваться этическими категориями, – заранее отказаться от мысли, что ты в этой малоаппетитной каше поступков и заявлений хоть что-нибудь поймешь…

– Несколько лет назад Вы говорили нечто похожее: «Политика

не бывает нравственной или безнравственной, политика бывает результативной или безрезультатной. И любая политика строится по принципу „цель оправдывает средства“. Значит ли это, что ЛЮБЫЕ средства хороши для достижения благородной цели? Нет. Политические средства допустимы, если они идут на пользу делу, но не переходят простого и ясного предела: не нарушают прав человека». Но разве уничтожение «неугодных», «покушающихся на святыни» (то есть критикующих власть) СМИ не есть нарушение прав человека на достоверную информацию? Или, если говорить иначе, «удар ниже пояса»?

– Давайте все-таки признаем очевидное. Свобода слова является абсолютной ценностью для нас с вами, но отнюдь не для рационально мыслящего политика. Для него она – лишь орудие, средство, «разменная монета» в Большой Игре. Иногда это – полезное орудие (как это было во время борьбы Ельцина за контроль над ситуацией), и тогда ее надлежит защищать и всячески лелеять. Но если, скажем, положение в стране резко ухудшается, стабильность власти оказывается под угрозой – тогда свобода слова может оказаться (не обязательно, но может) серьезной помехой власть имущим, и тогда она будет беспощадно раздавлена или как минимум загнана в определенные рамки. И не надо ссылаться на опыт либеральных стран Запада. Там историческая традиция за десятилетия и века сложилась так, что преследование свободного слова есть дурной тон в политике, зажимая прессу, авторитарный политик всегда больше теряет, чем приобретает, именно этим обстоятельством и объясняется невообразимый с точки зрения россиянина либерализм положения тамошних СМИ. Именно поэтому серьезное наступление на СМИ может позволить себе только тот политик, который решился на установление в стране тоталитарного порядка. Такого политика на Западе представить себе трудно, хотя и возможно. У нас же такой политик до сих пор смотрится (с некоторой точки зрения) даже предпочтительнее.

– Последняя тема, которую хотелось бы затронуть, – «мир после 11 сентября». Сейчас достаточно часто говорят и пишут, что это – отражение конфликта цивилизаций Запада и Востока, столкновение цивилизованного мира с диким средневековьем, гуманистических западных религий – с жестоким исламским фундаментализмом, ни в грош не ставящим человеческие жизни… Ваше мнение?

– Очень многое зависит от правильно выбранной терминологии. Когда говорят о «конфликте цивилизаций», мне кажется, что этот термин лучше не использовать вообще, потому что он сам по себе конфликтен. Объявляя происходящее

конфликтом цивилизаций, мы ставим крест на возможности мира и согласия. Потому что цивилизации – это объективная реальность, не зависящая от нашего сознания. И если они действительно вошли в конфликт – ничто этого конфликта не остановит, потому что цивилизации никогда не помирятся друг с другом. На мой взгляд, происходящее – попытка средневекового элемента исламской цивилизации (который, надо признать, оказался достаточно силен) остановить течение истории. Но история сама по себе уже сформулировала, кто прав и кто не прав.

– В какой форме?

– В самой простой: всегда прав богатый и сильный и всегда не прав бедный и больной. Так называемая западная цивилизация победила в экономическом, идеологическом да и политическом соревновании со средневековьем. А средневековье не хочет с этим согласиться! То, что мы наблюдаем, – попытка вернуть мир в средневековье, заставить мир жить по законам средневековья, наказать более передовую, более прогрессивную часть мира – силами средневековья, более отсталого и регрессивного. Это не борьба цивилизаций, потому что исламская цивилизация имеет свои положительные качества, свою великую историю и свое великое будущее – которое ничем не хуже, чем будущее западных стран. Это демонстрируют нам богатые исламские страны, которых уже немало. Но тот ядовитый «червяк», который сидит внутри, – червяк задержавшегося средневековья – грозит разрушением и бедой. Так я это представляю, и этот подход дает, мне кажется, некую надежду на мирное решение проблемы. Идейных сторонников прошлого на самом деле сравнительно мало, они сосредоточены в самых бедных, невежественных, отсталых государствах. Они составляют меньшинство даже в исламских странах. Поэтому можно надеяться, что разумное большинство будет на стороне прогресса. И сумеет успокоить, умиротворить меньшинство.

– Существует течение, называемое антиглобализмом, сторонники которого утверждают: если богатые и сильные страны добровольно не поделятся с бедными и слабыми – мир ждут глобальные потрясения…

– Если они исходят именно из этого, то это выглядит вполне разумно. Повторяется как бы история с капитализмом. В начале двадцатого века капиталистам стало ясно, что не будет им покоя в стране, где бедные брошены на произвол судьбы. И капитализм (вопреки Марксу) выжил, в частности, и потому, что богатые отказались от абсолютной власти над обществом и стали делиться с бедными.

– А теперь выясняется, что делиться надо не только в пределах какой-либо одной страны, а в пределах всей планеты?

– Да. Сильно подозреваю, что именно этим все и закончится.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Кончилась целая эпоха

Писатели и критики – об Аркадии Натановиче Стругацком
Вечер 13 октября 1991 года

Андрей Балабуха (писатель, критик, Санкт-Петербург):

– Когда я получил в свои руки первую книгу Стругацких – а мне было 13 лет, – я сразу понял, что для меня вся наша фантастика – это прежде всего Стругацкие. Все мы – мое поколение, по крайней мере, – вышли из творчества братьев Стругацких и стали писателями благодаря им…

Александр Щербаков (писатель, переводчик, Санкт-Петербург):

– Стругацкие – это альфа и омега нашей фантастики. Это люди, которые сделали мою жизнь. Это была крыша, под которой мы могли приходить и жить. Это была часть моего существа, которая была больше, чем я сам. А теперь этой части не стало. Как будто обвалился целый материк…

Ольга Ларионова (писать, Санкт-Петербург):

– Что-то случилось с фантастами – уходят один за другим, все быстрее и быстрее, корифеи и начинающие, знаменитые и бесталанные. Но вот ушел Аркадий Стругацкий – и разом появилось ощущение, что не осталось больше никого…

Владимир Гопман (критик, Москва):

– Наше поколение (и не только, конечно, наше) выросло на книгах Аркадия и Бориса Стругацких. Мы знали эти книги буквально наизусть, говорили цитатами из Стругацких – эти фразы были нашим паролем, по которому мы узнавали друг друга, как члены какого-нибудь тайного ордена, – узнаем и сейчас. Быков, Юрковский, Горбовский, дон Румата – как много мы, школьники начала 60-х, взяли из их опыта, жизненной философии, взглядов и пристрастий, оценки людей и событий…

Андрей Столяров (писатель, Санкт-Петербург):

– Кончилась целая эпоха…

Краткая шуточная биография Аркадия Стругацкого

(с комментариями Бориса Стругацкого)

Армия

В лихой своей армейской юности Аркадий Натанович с товарищами офицерами был любитель ездить на базар (другие версии – в винно-водочный и книжный магазины) на танке (другая версия – на бронетранспортере), вызывая у глубоко штатских окружающих, у кого – недоумение, у кого – неудержимое веселье.

Бескомпромиссность

1976 год. В Союзе писателей СССР идет заседание комиссии по фантастике. Обсуждается издательская политика издательства «Молодая гвардия» и лично заведующего редакцией фантастики Ю. Медведева, делавшего все возможное и невозможное, чтобы в «Молодой гвардии» Стругацкие не печатались.

Слово берет Аркадий Натанович. Это буря в пустыне. Он бросается в атаку, как бесстрашный бультерьер из рассказа Сетон-Томпсона.

После заседания критик Владимир Гопман спрашивает Стругацкого:

– Аркадий Натанович, ну что вы на них полезли, у вас же в «Молодой гвардии» книжка должна выйти!

– Не могу. Суку надо бить. Обязательно надо бить суку!

Блокада

Говорить о блокаде Аркадий Натанович очень не любил. Иногда говорил только, что там было слишком страшно, чтобы об этом рассказывать.

После блокады – он был вывезен из осажденного Ленинграда в самом ее конце – Аркадий Натанович потерял почти все зубы. И знаменитые усы он отпустил не столько для красоты, сколько для того, чтобы замаскировать отсутствие передних зубов. Однако лишь близкие знали об этом. Аркадий Натанович сумел научиться говорить так, что нечасто видящие его ни о чем не догадывались.

Благородство

Середина 70-х. Денег нет ни у Аркадия Стругацкого – его с братом прозу не печатают совсем, ни у его друга, переводчика с вьетнамского Мариана Ткачева, – его печатают очень и очень редко. Тем не менее, всегда, когда Мариан Ткачев уезжает из Москвы, Аркадий Натанович звонит его жене и спрашивает:

– Инна, скажи честно: деньги еще есть или уже кончились?

И надо было не просто ответить, что деньги есть, а ответить не задумываясь. Иначе Аркадий Натанович мог привезти последние, а домой возвращаться через весь город пешком – мелочи на обратную дорогу у него могло не оказаться.

Внуки

Дочь Аркадия Натановича Мария ждала ребенка. Аркадий Натанович после долгих уговоров позвонил Мариану Ткачеву:

– Марик, ты знаешь. Маша скоро должна родить… а у тебя жена работает в Институте акушерства и гинекологии… может быть, можно Машу туда устроить?..

– О чем ты говоришь, Натаныч?! Конечно!

Родился внук. Инна Ткачева позвонила Стругацкому:

– Аркадий, у тебя внук. Можешь приехать посмотреть.

Жена Ткачева вынесла в приемный покой запеленутого мальчика.

Аркадий Натанович взглянул на внука – и побледнел.

С воплем: «Он какой-то красный! Он, наверное, больной! Не жилец!» Аркадий Натанович бросился прочь из приемного покоя. За ним бежала Инна Ткачева с внуком и кричала: «Аркадий, остановись! Они все такие! Они все красные!» – а за ней – врачи с книжками, которые кричали: «Аркадий Натанович, дайте, пожалуйста, автограф!»

Встречи с читателями

Вопрос из зала:

– Вы над чем-нибудь сейчас работаете?

А.Н. Стругацкий, сердито:

– Конечно, работаю. Не могу же я 24 часа в сутки водку пить.

Вопрос из зала:

– Скажите, как вы относитесь к постановлению партии и правительства об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом?

А.Н. Стругацкий начинает бормотать что-то невнятное, что, конечно, дело нужное, правильное… Потом, вздохнув:

– Вообще-то вопрос не по адресу. Я же – потребитель этой гадости…

Вопрос из зала:

– Говорят, вы встречались с Лемом. Расскажите об этой встрече.

– Да, когда я был в Чехословакии на Чапековском конгрессе, я встречался и разговаривал с Лемом. Скажу вам честно: ничего особенного…

Шум в зале, смех, возглас: «Так ему!»

– Нет, вы меня неправильно поняли. Разговор был заурядный. А писатель он, конечно, гениальный…

Галстук

Аркадий Натанович Стругацкий в галстуке – это просто фантастика. Никто и никогда не видел его в галстуке. Рубашка летом, свитер под пиджак зимой – вот высшая степень светскости, которую он себе позволял. Иногда, когда действия его врагов были особенно вопиющими, он приходил в бешенство и кричал на весь дом: «Я этого так не оставлю! Я в ЦК пойду! Где мой галстук?!»

В ЦК – действительно ходил. Но галстука в доме не было.

Гауптвахта

Аркадий Натанович Стругацкий был не самым дисциплинированным курсантом. Иногда он попадал на «губу». Однажды сквозь окно камеры на гауптвахте он увидел: к зданию подрулило два американских «доджа-три-четверти», и из машин веселые офицеры начали выгружать диковинки: пиво, редкие грузинские вина, сыры, колбасы, копченую рыбу, дичь… Вскоре дверь камеры открылась, и все это великолепие внесли к арестантам. Оказалось, Стругацкий сидел на «губе» вместе с сыном маршала Конева. Мать чада тайком от отца решила подкормить отпрыска. Начался пир. Когда провизия кончалась, «доджи» подвозили новую. Когда же кончился срок отсидки, курсанты не хотели покидать гауптвахту.

В следующий раз Аркадий Натанович опять попал сюда вместе с сыном маршала. Предвкушая новый пир, он поглядывал в окно, но «доджи» запаздывали. Было обидно: специально попал на «губу» – и сидит голодным.

На следующее утро выяснилось: маршалу стало известно о мягкосердечии жены, он рассердился и запретил ей баловать сына. Офицеры-порученцы получили по выговору. А Стругацкий и

сын маршала больше не пировали.

Деньги

Конец семидесятых. Один из приятелей Аркадия Натановича позвонил ему по телефону: «Я недалеко от тебя, хотел зайти. Можно?»

– Заходи, конечно. Правда, у меня есть почти нечего. Ты бы хлеба купил и немного масла.

– Аркадий, может, у тебя денег нет? – догадался приятель.

– Да в общем, есть, но… Короче, приходи – увидишь.

Приятель пришел с двумя батонами хлеба и килограммом масла. Выставили на стол бутылочку коньяка…

– Погоди, – сказал Аркадий Натанович. И открыл холодильник. В совершенно пустом холодильнике стояла килограммовая банка черной икры.

Денег у Аркадий Натановича действительно не было. Советских. А вот чеки Внешпосылторга водились. В СССР Стругацких действительно не публиковали. А в США, Германии, Японии, Чехословакии, Польше, Болгарии, Англии, Франции – многотомники и отдельные издания. Стругацкие в те годы были самыми публикуемыми на Западе советскими авторами.

Дети

Одна из дочерей Аркадия Натановича – Наталья – училась в Московском Институте стран Азии и Африки. Однажды она шла по коридору ИССА и услышала шепот за спиной:

– Мужики, гляньте: вон идет дочь братьев Стругацких!

Комментарий Бориса Стругацкого: Видимо, это – абсолютно достоверно. В точности то же произошло в ДТ «Гагры» – моя жена услышала о себе краем уха: «Вот идет жена братьев Стругацких».

Аркадий Натанович был хорошо знаком с Владимиром Высоцким. Аркадий Натанович восхищался песнями Высоцкого и особенно обожал «В далеком созвездии Тау-Кита», которую как-то заставил петь Высоцкого четыре раза подряд. А Высоцкому очень нравились повести Стругацких. Особенно «Гадкие лебеди». Одного из своих сыновей Высоцкий назвал Аркадием – в честь Стругацкого.

Дружба

Как-то раз Мариану Ткачеву было очень плохо. Он сидел у

себя дома и пытался работать. Зазвонил телефон. Это был Аркадий Стругацкий.

– Марик, ты чем занят?

– Работаю.

– Приезжай ко мне.

– Я усталый, небритый, не в форме…

– Ты что, Марик? Не знаешь, какой сегодня день?

– А какой?

– Сегодня же 28 мая, твой день рождения! Бросай все, брейся, бери такси и приезжай. Я уже стол приготовил, подарок припас…

С деньгами у Аркадия Натановича в тот день было, как всегда, плохо. Денег хватило только на стол. Но подарок все равно был царский – рукопись «Гадких лебедей».

Когда кардинал Ришелье из «Трех мушкетеров» Дюма предложил д'Артаньяну чин лейтенанта в своей гвардии, то д'Артаньян готов уже был согласиться, но понял, что в этом случае Атос не подаст ему руки, – и отказался. В этой же ситуации оказался друг Аркадия Натановича – Мариан Ткачев, когда его приняли на работу в иностранную комиссию Союза писателей СССР. Он подал заявление «по собственному желанию», поняв, что, если он этого не сделает, вполне возможно повторение истории Атоса и д'Артаньяна.

Женщины

Аркадий Натанович всегда был мужчиной привлекательным. Женщинам он нравился.

Однако относился он к ним настороженно. «Женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами на Земле, – говорил он. – Они знают что-то, чего не знаем мы, – тут он делал паузу, – люди».

На вопросы о том, почему так мало в их произведениях женских образов, Аркадий Натанович отвечал так: «Толстой говорил, что можно выдумать все, кроме психологии. А я отказываюсь понимать мотивы женских поступков. Писать же о том, чего я не понимаю, я не умею».

Известность

Писатель-фантаст Кир Булычев был как-то в Польше. Его друг, польский фантаст, решил сводить его в Варшаве в специализированный книжный магазин, где продавали только фантастику.

Пока Булычев смотрел книги на полках, его друг шепнул

хозяину магазина: «Этот пан – фантаст из России».

Хозяин вышел из-за стойки, подошел к Булычеву, низко поклонился ему и сказал по-русски:

– Здравствуйте, пан Стругацкий!

Кино

Аркадий Натанович был, по свидетельству людей, хорошо его знавших, неплохим актером. Когда он писал, то на разные лады и разными голосами «опробовал» те или иные реплики персонажей, отбирая наиболее подходящие. В годы армейской юности его даже приглашали сниматься в кино, да дивизионное начальство не отпустило. Он говорил, что ему было бы очень интересно сыграть роли Снегового из «Миллиарда лет до конца света» и Феликса Сорокина из «Хромой судьбы». Аркадий Натанович очень хотел, чтобы была экранизована его любимая повесть «Трудно быть богом». Ее хотели ставить в кино такие известные режиссеры, как Алексей Герман и Карен Шахназаров, но и ту и другую постановку запретило Госкино. Председатель Госкино Ермаш объяснял свою позицию так:

– Нельзя, потому что в повести идет речь об экспорте революции.

Ему возражали: а как же «Аэлита» Алексея Толстого?

– Ну и что? – невозмутимо отвечал Ермаш. – «Аэлита» – книга, ее тираж – от силы 200 тысяч экземпляров. А тут кино, миллионы зрителей.

В итоге фильм по «Трудно быть богом» снял немец Петер Фляйшман. О его работе Аркадий Натанович высказался кратко: «Профессионально».

Книжная лавка писателей

В этот книжный магазин на Кузнецком мосту в Москве, обслуживающий членов Союза писателей СССР, Аркадий Натанович как-то зашел, чтобы купить свой только что вышедший двухтомник. Ажиотаж был страшный. Больше одного экземпляра продавщица никому не давала. Аркадий Натанович робко попросил хотя бы два: «Видите ли, я – автор».

– Знаю я вас, авторов, – грубо ответила продавщица. – Вы сегодня уже пятый или шестой. – И больше одного экземпляра не дала.

Аркадий Натанович очень обиделся. И больше в Книжную лавку писателей вообще не ходил. Вместо него приходил Мариан Ткачев, смотрел, какие книги есть в продаже, и звонил Аркадию

Натановичу из автомата на улице, чтобы узнать, что покупать.

Костюм

Вопрос о новом костюме возник примерно за месяц до премьеры «Сталкера» в московском Доме кино. От похода в ателье Литфонда Аркадий Натанович отказался категорически. Тогда ему купили отрез и нашли частного портного, который согласился прийти снять мерку на дом. «Только чтобы без всяких примерок!» – поставил условие Стругацкий.

Это, наверное, был самый удивительный клиент в жизни портного. Он никак не хотел стоять на месте. Он без спроса то поднимал руки, то опускал их. Когда портной прикладывал сантиметр, Аркадий Натанович то порывался взять книгу с полки, то подойти к телефону, то начинал искать сигареты. Портной матерился, но обмерял.

Премьера. Появление Аркадия Натановича в новом костюмчике стало не меньшим событием, чем сам «Сталкер». Если на его старый костюм нельзя было смотреть без слез, то на новый – без смеха. Одна штанина была короче другой, лацканы разные, рукава – тоже. В итоге он надел его в первый и в последний раз в жизни. И остались от нового костюма тряпка в прихожей его квартиры на проспекте Вернадского в Москве и песенка из телевизионного фильма «Чародеи» по сценарию Стругацких с припевом: «Главное, чтобы костюмчик сидел».

Крепость

Середина семидесятых. В письменном столе Аркадия Натановича лежит несколько совершенно готовых неопубликованных вещей. Однако печатать их никто в СССР не спешит – опала. В гостях у Аркадия Натановича один из его друзей.

– Ну хоть бы кто-нибудь явился, – говорит Стругацкий. – Так нет, сидят по норам, никто не высовывается. Боятся. А ведь отдал бы «Гадких лебедей»… ну хоть какому-нибудь «Мелиоратору Подмосковья» или «Химику Приамурья»: плевать на гонорар – только чтоб без купюр печатали…

Помолчали.

– А ведь лет через десять в очереди будут стоять, на коленях просить: Аркадий Натанович, ну хоть что-нибудь дайте, рассказик какой или набросок… – продолжил Стругацкий зло. – На пузе будут ползти. А я ничего не дам! Мой стол – моя крепость. А крепость – 40 градусов, без стоимости посуды…

Легенды

ЛЕГЕНДУ ПЕРВУЮ, сам того не желая, создал сам Аркадий Натанович. Отвечая корреспонденту рижской газеты «Советская молодежь» на вопрос, где братья Стругацкие пишут свои произведения, Аркадий Натанович пошутил: «Съезжаемся между Москвой и Ленинградом, в Бологом, сидим в станционном буфете, пьем чай и пишем». Интервью было опубликовано в 1974 году. А через два года два корреспондента «Комсомольской правды» в тексте интервью с Аркадием Натановичем совершенно серьезно написали про кафе «У Бори и Аркаши» в Бологом, где, по их мнению, «были написаны книги „Трудно быть богом“, „Понедельник начинается в субботу“, „Пикник на обочине“, „Улитка на склоне“». После этой публикации в редакцию «Комсомольской правды» пришло разгневанное письмо из Бологовского райисполкома, где власти требовали опровержения, так как фэны всей страны завалили райисполком письмами с просьбами дать адрес этого несуществующего кафе.

Комментарий Бориса Стругацкого: Шутка про Стругацких и Бологое (довольно-таки плоская) вовсе не принадлежит АН. Эту шутку сочинил (и приписал АН) тот журналист, который брал у АН интервью, появившееся впоследствии в «Комсомольской правде» под названием «Послушная стрелка часов».

Источник ВТОРОЙ ЛЕГЕНДЫ – тоже шутка Аркадия Натановича. Он очень не любил отвечать на самый распространенный у корреспондентов вопрос: как они с братом пишут? Поэтому отшучивался. Однажды отшутился неудачно: «Водки выпьем – и пишем». Вот так и возникла легенда о том, что Стругацкие съезжаются на подмосковной правительственной даче, до одурения накачиваются наркотиками – и только потом садятся за машинку.

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА возникла в годы непечатания на родине и безденежья – семидесятые. Тогда в Москве начали появляться видеокассеты с американскими кинобоевиками. В титрах очередного боевика кто-то из фэнов случайно углядел сценариста – им был американский журналист Барри Стругль. Фантазия у фэна работала, и он выдумал легенду о том, что под псевдонимами Арчи и Барри Стругль Стругацкие зарабатывают «зеленые», мастеря сценарии для американских фильмов. Разумеется, это было неправдой. По словам Аркадия Натановича, «когда с деньгами плохо, Борис продает марки, а я устраиваюсь на работу».

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕГЕНДА – о псевдонимах. Псевдоним «С. Бережков», которым Аркадий Натанович подписывал свои переводы, возник оттого, что много лет Аркадий Натанович жил в Москве на Бережковской набережной. Аналогичным образом возник и один из псевдонимов Бориса Натановича – «С. Победин». Борис Натанович в Ленинграде жил и живет по сей день на улице Победы. Происхождение его второго псевдонима тоже не составляет тайны. «С. Витицкий» был образован от перевода слова «победа» на английский – «виктория». Но вот со вторым псевдонимом Аркадия Натановича далеко не все ясно. Легенда гласит, что один из его друзей, встречая Аркадия Натановича из Ленинграда, задал ему вопрос о происхождении псевдонима «С. Ярославцев», когда они вышли из здания Ленинградского вокзала в Москве на Комсомольскую площадь.

– Неужели не ясно? – поморщился Аркадий Натанович. – Вот Ярославский вокзал, – показал он рукой, – напротив – Казанцев, тьфу, Казанский вокзал.

ПЯТАЯ ЛЕГЕНДА утверждает, что Аркадий Натанович сидел в лагере на Колыме. На самом деле он в лагере недолгое время работал. В лагере для японских военнопленных. Переводчиком.

Комментарий Бориса Стругацкого: Дело происходило не на Колыме, а в Татарии, в 1946-м. АН был тогда курсантом ВИИЯка (Военный Институт Иностранных Языков), и начальство откомандировало его в распоряжение МГБ Татарии – переводчиком на допросах японских военных преступников: шла подготовка к Токийскому процессу – полному аналогу Нюрнбергского, но менее знаменитому. В командировке этой АН пробыл недолго, несколько месяцев, рассказывал о ней довольно скупо, но все-таки рассказывал. Полковник Маки (упомянутый в «Граде обреченном») – реально сидел в том лагере, и АН участвовал в его допросах.

ШЕСТАЯ ЛЕГЕНДА очень похожа на правду. Она гласит: Аркадий Натанович был пришельцем. Доподлинно утверждать это сложно, однако много раз в присутствии Аркадия Натановича у берущих у него интервью журналистов отказывалась работать совершенно исправная звукозаписывающая аппаратура. Лампочка контроля записи горела, пленка на кассетах исправно крутилась, однако при попытке воспроизвести текст интервью корреспондент обнаруживал только негромкое шипение.

На берегу

Заехал однажды Аркадий Натанович Стругацкий с друзьями на Дальний Восток. Вышли они на берег океана, выбрали место в тихой бухточке, развели костер и сидели, разговаривали, смотрели вдаль. А мимо проплывал катер Дальневосточного отделения АН СССР «Гайдар».

– Эй, на берегу! – вдруг раздался усиленный мегафоном голос капитана с «Гайдара». – Есть среди вас Аркадий Стругацкий?

Сопровождающие Аркадия Натановича вскочили, замахали руками, мол, есть, но сам Аркадий Натанович сидел, не шелохнувшись. Тут же два человека прыгнули с борта советского научного флагмана в море и поплыли к берегу. Причем один поплыл прямо к берегу, а второй почему-то сначала развернулся и взял курс на Японию и только потом повернул к бухте. Оказалось, будущий посол России в США Владимир Лукин прыгнул за борт без очков. Пока на корабле и берегу суетились, пока смельчаки под азартные крики публики плыли к берегу, где находился обожаемый ими автор, сам мэтр невозмутимо сидел на камне и, щурясь от солнца, невозмутимо глядел вдаль.

Наивность

Когда в семидесятые годы Стругацких никак не хотели печатать на родине, редакторы в издательствах говорили в свое оправдание, что они и даже их начальство сделали бы это с радостью, да вот ЦК КПСС не рекомендует.

Услышав эту версию в очередной раз, Аркадий Натанович пошел на прием к тогдашнему министру культуры Демичеву. И задал вопрос впрямую.

– Ну что вы, Аркадий Натанович, – услышал он в ответ. – В ЦК у вас врагов нет. Ищите врагов в других местах.

И Аркадий Натанович поверил. Кто бы ему после этого визита ни говорил, что руководители издательств никогда не решают подобных вопросов самостоятельно, а ориентируются на «мнение» Центрального Комитета партии, Аркадий Натанович всегда отвечал:

– Неправда. Мне Демичев сказал, что в ЦК у меня врагов нет.

Национальность

Дядя Аркадия Натановича был очень колоритной фигурой. И этот дядя решил Аркадия Натановича сосватать. Курсант Стругацкий сопротивлялся, но дядя сопротивление довольно быстро сломил. «Жениться совершенно не обязательно, – сказал он. – Хоть девушка и славная, но отказаться ты всегда успеешь. А

так хоть выпьем задаром, поедим…» Выпивка и закуска были потрясающие. Много лет спустя Аркадий Натанович рассказывал друзьям о роскошных винах, о телятине, салатах, ветчинах, колбасах, которые обливали спиртом и жарили в спиртовом огне… Посидели они с дядей славно – с вечера до утра. Девушке Аркадий Натанович очень понравился. А вот родственникам – не подошел. По одной версии, слишком много он со своим дядей в тот раз истребил продуктов и алкоголя. По второй – не устроила наполовину иудейская национальность Аркадия Натановича.

Обаяние

Июнь 1987 года. В Москве проходит международный конгресс «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». В рамках конгресса организована дискуссия «Фантастика и ядерная война». В зале – советские фантасты Владимир Михайлов, Вячеслав Рыбаков, Виталий Бабенко, Эдуард Геворкян, чех Йозеф Несвадба, критики, журналисты. Все ждут гвоздя вечера – выступления Аркадия Натановича.

Аркадий Натанович в тот раз был не в настроении. Сказал он коротко. О том, что рассуждать о ядерной войне, в сущности, нечего. Относиться к ее угрозе надо философски. Если случится, то все мы погибнем и некому будет о войне рассуждать. Если не случится, то тем более – о чем говорить? Засим классик откланялся. У организатора дискуссии критика Вл. Гакова было очень большое желание пнуть Аркадия Натановича под столом президиума ботинком. Полный провал.

И каково же было удивление Гакова, когда в очередном номере американского фантастического журнала «Локус» он прочел буквально следующее: «Самым ярким событием дискуссии было выступление Аркадия Стругацкого. Оно было афористично, коротко, в хорошем смысле провокационно, философски глубоко и парадоксально. Аркадий Стругацкий своей речью произвел колоссальное впечатление на собравшихся».

Оружие

Аркадий Натанович обожал оружие и разбирался в нем, как никто другой.

В одном из вариантов «Отеля „У погибшего альпиниста“» фигурировал люгер с оптическим прицелом. Именно этот вариант рукописи и дал почитать Аркадий Натанович еще одному признанному знатоку оружия среди писателей – Теодору Гладкову, автору политических детективов.

Гладков сказал:

– Знаешь, Аркадий, ты ошибся. У люгера не бывает оптического прицела.

Стругацкий не поверил.

Через несколько дней Теодор Гладков снова пришел к Аркадию Натановичу, на сей раз с кучей книг и справочников. Он показал Аркадию Натановичу перечень всех люгеров, которые когда-либо выпускались, он рисовал схемы и в конце концов доказал, что люгера с оптическим прицелом в природе не существует.

– Исправляй, Натаныч! – торжествовал Гладков.

– Пусть останется, – буркнул Стругацкий. – Фантаст я – или кто?

Писатели

– Скажите, Аркадий Натанович, книги каких писателей вы любите читать?

– Тут до края сцены далеко, даже с первых рядов не доплюнуть. Поэтому отвечу честно: Пикуля люблю.

– Как вы относитесь к последним романам Александра Казанцева?

– Никак. У меня нет к ним отношения. Я не могу читать Казанцева – слишком много бумаги он занимает. А я человек пожилой, мне волноваться вредно.

Ребро

Из поездки в Таганрог критик Всеволод Ревич и его жена Татьяна Чеховская, сотрудник журнала «Знание – сила», привезли хорошее пиво и раков. Возвращение решено было отпраздновать в узком кругу – Ревичи и писатели-фантасты Кир Булычев и Аркадий Стругацкий. Начали у Ревичей вечером, а закончили у Булычева уже под утро. В 5 часов утра Всеволод Ревич от полноты чувств решил поднять писателя Аркадия Стругацкого. И поднял. Что-то отчетливо хрустнуло. «Похоже, ты мне, Сева, часы сломал», – озабоченно сказал Стругацкий.

Разъехались. К вечеру Аркадий Натанович позвонил Ревичу:

– Странно, – сказал он, – часы ходят, а вот бок почему-то болит.

На утро следующего дня в рентгеновском кабинете районной поликлиники выяснилось: от полноты чувств критик Всеволод Ревич действительно сломал писателю-фантасту Стругацкому ребро. Потом Ревич говорил, что ломать писателям ребра – это

тоже один из видов литературной критики.

Рецензент

70-е годы, пора непечатания. Неприятности с «Гадкими лебедями» и «Улиткой на склоне». Критика злобствует. В издательствах отказывают.

Денег совсем нет.

В этот момент издательство «Мир» решило помочь братьям Стругацким. Рассуждали в издательстве так: «Есть у нас книги иностранных фантастов, которые мы печатать не собираемся. Но чтобы иметь возможность от них отказаться, необходимо иметь отрицательную рецензию, желательно от видного советского фантаста. Дадим-ка мы их на отзыв Аркадию Стругацкому. Скажем ему: пусть не читает – чего себя утруждать, – а сразу пишет отрицательную рецензию на две-три странички. Нам – рецензии. Ему – деньги, пригодятся». Привезли Аркадию Натановичу из издательства стопку книг. Стали ждать рецензий.

Но Аркадий Натанович утруждать себя стал. Он все прочел. И в каждой попытался найти золотое зерно. И в каждой нашел. И написал несколько обстоятельных рецензий. Смысл рецензий: немедленно печатать.

Издательство было в панике. Срывались все редакционные планы. В конце концов некоторые рецензии А.Н. Стругацкого положили «под сукно», и издательство «Мир» сделало вид, что их как бы и не было. Некоторые книжки отправили на повторный отзыв более покладистым рецензентам. Но были и такие, которые напечатать пришлось-таки. Например, роман Андре Нортон «Саргассы в космосе».

Стихи

Хороший знакомый А.Н. Стругацкого – Александр Городницкий – задумал познакомить Аркадия Натановича еще с одним своим другом – поэтом Александром Кушнером. Но знакомства не получилось. Кушнер не нашел ничего лучшего, как заявить в начале знакомства, что фантастику он терпеть не может. Аркадий Натанович в долгу не остался – сказал в ответ, что он совершенно равнодушен к поэзии. После этого Городницкий несколько раз пытался их помирить, но, как ни растолковывал Городницкий Аркадию Натановичу, что Кушнер – человек хороший, Аркадий Натанович мириться с Кушнером никак не хотел.

Талант

В середине семидесятых, в пору славы Стругацких и одновременно в пору их жестокой опалы, будущий критик Вл. Гаков, а тогда еще просто Михаил Ковальчук, был удостоен чести сопровождать мэтра на обед, проходивший в ресторане Московского дома журналиста. Обед проходил в обществе приятеля Аркадий Натановича, режиссера одного из областных театров, задумавшего ставить прозу Стругацких, – человека столь же талантливого, сколь и любящего алкоголь. В отличие от мэтра и, конечно, от недавнего студента, ловившего каждое слово Аркадия Натановича, режиссер быстро напился, а напившись, стал вести себя соответственно. Аркадий Натанович сориентировался быстро: очень ловко он закрыл своим громадным телом безобразную картину запачканного стола от взоров посетителей ресторана, быстро сунул обслуживающей их стол официантке 25 рублей и поволок почти уже бездыханное тело своего театрального приятеля на воздух.

На немой вопрос Ковальчука Аркадий Натанович развел руками и тепло ответил:

– Понимаешь – очень талантливый человек.

Устные рассказы

Аркадий Натанович Стругацкий был одним из лучших рассказчиков Москвы. Когда он был в составе писательской бригады на Дальнем Востоке, начальник Дальневосточной железной дороги дал прием в честь писателей, и там разыгрывался приз – ящик роскошного японского пива, который должен был достаться тому, кто расскажет самую смешную историю. Записным острословом Аркадий Натанович не был, но приз все равно получил, рассказав с десяток своих «фирменных» баек одна другой замечательнее.

Вот одна из таких историй.

Аркадий Натанович – дежурный по школе военных переводчиков в Канске.

Только что приказом по армии офицерам было велено носить шашки. В обязанности дежурного входило приветствовать при построении школы ее начальника – низенького, небольшого роста полковника.

И вот утро, плац. Через плац неспешным шагом шествует полковник.

– Школа, смирно! – рявкает длинный, как жердь, офицер Стругацкий и, согласно уставу, выхватывает шашку из ножен,

одновременно делая широкий шаг по направлению к командиру – шаг, больше похожий на выпад фехтовальщика.

Начальство в растерянности пятится, стараясь не попасть под шашку на вымахе.

Стругацкий делает еще один широкий шаг вперед – и командир, чтобы не быть зарубленным на месте, делает три мелких шажка назад, почти пускаясь в бегство.

Стругацкий в растерянности приостанавливает движение своей шашки, оставляя ее в каком-то незавершенном фехтовальном положении, но по инерции совершает следующий шаг, который оказывается роковым. Пятящийся в испуге начальник школы плюхается в пыль плаца.

Стругацкий наконец-то спохватывается, вспоминая о своих обязанностях дежурного, и, как будто ничего не произошло, берет шашку к ноге и начинает рапортовать лежащему в пыли полковнику:

– Товарищ командир! Канская школа военных переводчиков построена!..

А товарищ командир как-то боком поднимается, зло роняет: «Столько-то суток без увольнения!» – и с позором исчезает с плаца. Тут Аркадий Натанович догадывается оглянуться на военных переводчиков у себя за спиной – шеренга в величайшем восторге стоит по стойке «смирно», и кто-то, давясь хохотом, говорит шепотом Стругацкому:

– Скомандуй «вольно», идиот!

Фантастика

Начало 60-х. Уже написаны «Страна багровых туч», «Извне», «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Поддень, XXII век», «Далекая Радуга». Стругацкие – один из лидеров советской фантастики. Но Аркадий Натанович не удовлетворен написанным. Он говорит одному из своих друзей:

– Научно-техническая фантастика мне не интересна. Она как собака на цепи. Лаю много, а укусить нельзя.

– Что же тогда тебе интересно?

– Мне интересна собака дикая!

Фэны

Два отчаянных поклонника фантастики вообще и фантастики Стругацких в особенности, Борис Завгородний и Владимир Борисов, давно хотели приехать в Москву, хотя бы на минутку зайти к Аркадию Натановичу, сказать, как они его любят и его с

братом книги, – а там вдруг он скажет им что-нибудь? Вдруг не откажется на книжках расписаться, а их – целый рюкзак? Вдруг не сразу спустит с лестницы?

Решились фэны на отчаянный поступок в 1982 году. Раздобыли телефон и адрес. Страшно волнуясь, позвонили с вокзала: мы такие-то, ваши поклонники, нельзя ли в любой день, в любой час, на одну только минуту зайти? Мы специально к вам. Один – из Волгограда, другой – из Абакана…

– Конечно, ребята, приезжайте. Когда вам удобно?

Фэны долго покупали подарок. Знали, что мэтр любит хороший коньяк. Купили самого дорогого. Приехали. В подъезде, не решаясь позвонить в дверь, выкурили по две сигареты подряд.

Дверь им открыл очень высокий человек в домашних стоптанных тапках, в стареньких тренировочных штанах и клетчатой рубашке.

– Здравствуйте, Аркадий Натанович! Это мы вам утром звонили! Это вам от чистого сердца! – И бутылку марочного коньяка впереди себя, вместо пропуска.

– Ну что вы, ребята! Бутылочку-то свою уберите, она вам еще пригодится. Я, пока вы от вокзала так долго ехали, уже в магазин сходил, еды кое-какой приготовил, опять же коньяку купил, чайник на плиту поставил. Заходите, раздевайтесь, сейчас посидим, поговорим… Вы не очень спешите?

Комментарий Владимира Борисова: Источник этой истории – тоже я. Здесь год перепутан: дело было в 1984 году. Если убрать некоторые красивости, то примерно так все и было…

Хобби

В последние годы жизни у Аркадия Натановича журналисты взяли очень много интервью. И все почему-то интересовались, какое у него хобби. Он отшучивался.

От него не отставали. Он разозлился как-то и сказал:

– Мое хобби – лежать на диване и спать!

Цензура

Мало кто попортил Стругацким столько крови, сколько цензура.

Вот эволюция одной только фразы из «Отеля „у Погибшего Альпиниста“»: «…И тут подсаживается ко мне в дрезину бухой инспектор полиции…» – так в «Юности», 1970 год. Отдельное издание 1982 года: «…И тут подсаживается ко мне пьяный инспектор полиции…» Через год «Отель» издала «Детская

литература» – там был просто «инспектор полиции».

Пьянству бой объявили и в журнале «Знание – сила», где печатался в 1984 году рассказ Аркадия Натановича «Подробности жизни Никиты Воронцова». Если в рукописи «после первой об этом поговорили», то в журнале – «об этом поговорили». Если в рукописи «после второй, опустошив наполовину банку чего-то в томате и обмазывая маслом картофелину, Алексей Т. объявил…», то в журнальном варианте Алексей Т. «объявляет» не только ничего не выпив, но даже ничего и не съев. Так уродовали каждую вторую фразу рассказа.

Подобная история происходила и с публикацией «Хромой судьбы» в журнале «Нева»: «водку» там редактор менял на «пиво», «пиво» – на «пепси», «вино» – на «минеральную воду „Бжни“», а «Салют» – почему-то на «Ойло Союзное», каковое напитком вообще не является.

Страдал у Стругацких от редакторов и цензоров не только алкоголь. В «Хромой судьбе» «сцена совращения» стала «сценой возвращения», «порнографические фантасмагории» – «фантасмагориями», «какой-то еврей» – «каким-то жуком», «антисемитский выпад» заменен на «антинаучный», «унитаз» стал «ванной», журнал «Советиш Геймланд» – журналом «Научный транслятор», «партком» – «канцелярией», «Тарковский» – «Феллини», «Есенин» – «Тургеневым», а лозунг «Любовь ленинградцев к товарищу Сталину безгранична» стал читаться как «Пятую пятилетку досрочно!». Где тут цензор, где тут редактор – бог разберет…

Комментарий Бориса Стругацкого: Все изменения в «Хромой судьбе» авторы делали «своею собственной рукой». Другое дело, что редакция (собственно, главный редактор) выдвигала определенные требования. Все они сводились к: А. Не будем дразнить гусей и, в частности, Б. Никакого алкоголя!

При подготовке к печати «Обитаемого острова» в издательстве «Детская литература» уже после того, как рукопись прошла редактуру разных уровней, цензура потребовала внести в книжку около 300 разнообразных исправлений. С чем-то Стругацкие решили согласиться, что-то попытались оставить, но был эпизод, когда они ничего не поняли. Речь шла о сценах полицейских налетов. «Органам» планеты Саракш, как и на Земле, помогает дворник. Дворника, разумеется, потребовали заменить на привратника. А вот кошку, которая метнулась из-под ног легионеров, цензура потребовала убрать вообще. Аркадию Натановичу стало интересно, что же криминального нашла цензура в кошке. И он услышал:

– Чего тут непонятного? Это же аллюзия!

– То есть? – опять не понял Стругацкий.

– А то, что какая же на другой планете кошка!

Аркадий Натанович долго потом смеялся. И любил рассказывать приятелям, что, по мнению цензуры, аллюзия – это то место в рукописи, начиная с которого мысль читателя может пойти по неправильному руслу и привести к неправильным выводам.

Иногда редакторы принимали на себя удар цензуры по рукописи Стругацких. Так случилось с «Хищными вещами века». Редактора книги Бэллу Клюеву вызвал в свой кабинет главный редактор издательства «Молодая гвардия» Осипов и с гневом отдал ей для ознакомления сверку, уже подписанную в печать, которая вся была исчеркана красным карандашом цензора.

Редактор стала думать, что ей предпринять. Вернуть сверку Осипову? Это значило угробить книжку.

Когда Осипов потребовал сверку обратно, она ответила: «Сверки нет. Я послала ее в ЦК КПСС». Это был блеф. Сверка лежала в ее рабочем столе. Зачем она это сделала, спросил Осипов.

– Посоветоваться. Пусть нас рассудят сотрудники ЦК, – и назвала очень «высокую» фамилию.

Спустя несколько дней на вопрос Осипова, не возвратилась ли сверка из ЦК, Клюева ответила:

«Возвратилась. У товарищей из ЦК КПСС нет к ней претензий».

Удалось отделаться «малой кровью». Стругацким пришлось написать небезызвестное предисловие к повести («…Мы не ставим перед собой задачи показать капиталистическое государство с его полюсами богатства и нищеты… Мы ограничиваемся одним… очень важным аспектом: духовная смерть, которую несет человеку буржуазная идеология…») и внести в нее несколько мелких поправок, после чего книга вышла в свет.

Комментарий Бориса Стругацкого: Не знаю, имел ли место описанный здесь эпизод, – скорее всего, имел, но вне связи с ХВВ. История остановки ХВВ в производстве гораздо сложнее. Я хорошо знаю все перипетии ее, потому что занимался этой проблемой лично (АН как раз в это время уехал в отпуск на юг).

Однако рассказывать об этом сейчас и здесь мне, честно говоря, лень, да и недосуг. Отложим на потом, тем более что сохранилось мое письмо к АН, где я об этом деле довольно подробно ему докладываю.

Шутки

Аркадий Стругацкий и Мариан Ткачев решили провести вечер в обществе друга, физика, впоследствии эмигрировавшего в США. Физик опаздывал. Ткачев со Стругацким потихоньку пили водку. Когда физик наконец пришел, он, не раздеваясь, направился к телефону: надо позвонить.

Он набрал номер:

– Валечка, установка работает? Значит, так: первый, третий и четвертый выключайте, а второй пусть до завтра работает на холостом ходу. И слейте рассол!

Аркадий Натанович откликнулся:

– Рассол не сливай. Пригодится.

Мариан Ткачев и Аркадий Стругацкий в составе бригады писателей на Камчатке. Комната местной гостиницы. Ночь. Оба спят. Начинается землетрясение.

Стругацкий, не просыпаясь:

– Ткачев, прекрати раскачивать дом!

1976 год. Владивосток. Дом ученых. Вечер встречи с А.Н. Стругацким. Зал набит до отказа молодыми учеными вперемешку с кагэбешниками. Вопрос из зала:

«Скажите, Аркадий Натанович, где можно прочесть вашу „Сказку о Тройке“?»

Аркадий Натанович, совершенно серьезно:

– Она опубликована в эмигрантском журнале «Грани» издательства «Посев». В вашей библиотеке этого журнала наверняка нет, но я с собой привез несколько десятков экземпляров, можете взять…

Стругацкий открыл портфель, вынул стопку каких-то журналов, пошел с ними к краю сцены…

И публика начала разбегаться.

Середина 80-х. Не только советские, но и зарубежные издательства стремятся заполучить права на публикацию прозы братьев Стругацких. В один и тот же день, в один и тот же час в квартире Аркадия Натановича объявляются два иностранца. Один – японец, другой – то ли испанец, то ли итальянец. Оба почти одновременно говорят, что хотели бы издать у себя на родине трилогию, состоящую из повестей «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер». Аркадий Натанович решает пошутить.

– Что же это вы – пришли вместе, а договориться не можете? Шли бы вы лучше на улицу, выяснили, кому что издавать, а потом – приходите…

По легенде, японец с то ли испанцем, то ли итальянцем шуток не понимали.

Они вышли на улицу и начали драться.

Ь

С романом «Ур, сын Шама» у писателей-фантастов Евгения Войскунского и Исая Лукодьянова были неприятности. На роман набросились рецензенты. Историю о шумерском мальчике, который после странствий в чужих мирах возвращается на Землю, деятели из Госкомиздата РСФСР, известные своими шовинистическими взглядами, и их подручные критики оболгали: они пытались представить шумерскую линию романа как сионистскую. Авторы приуныли.

Аркадий Натанович так кричал на одного из авторов романа Евгения Войскунского:

– Ты же моряк, боевой офицер, ты под обстрелом ходил! Прояви твердость! Приди к ним, грохни кулаком по столу! Или садись и пиши письмо в ЦК!

– Да без толку…

– А ты напиши! Есть вещи, которых нельзя спускать! Надо устроить скандал. А скандалов в ЦК не любят.

Он был прав. ЦК мог санкционировать любую мерзость, но если возникал скандал, то ЦК всеми силами пытался скандал замять. И хотя Аркадий Натанович терпеть не мог составлять письма в высокие инстанции, копий этих писем у него накопилась целая папка, а в особой тетрадке он помечал, когда письмо послано, когда пришел ответ, куда письмо переслали и что в результате получилось. Так что твердость он в необходимых случаях проявить умел. И других этому учил.

Ь

А вообще-то он был человек мягкий. До того мягкий, что если Стругацкие отдавали в какой-нибудь московский журнал свою новую вещь для публикации, то редакторам приходилось иметь дело не с Аркадием, а с Борисом Натановичем, звонить по междугородному телефону в Ленинград или даже туда специально ехать. Аркадий Натанович говорил о поправках к рукописям: «Этим у нас занимается Борис, все вопросы к нему». Он боялся, что будет недостаточно тверд и уступит то, чего уступать никак не следует.

Комментарий Бориса Стругацкого: АН действительно был довольно уступчив при деловых переговорах, однако, тем не

менее, прекрасно их проводил на протяжении многих лет. Он вел все дела, связанные с Москвой и ВААПом, а дела эти в интервале 1955–1970 гг. составляли большую часть всех наших дел. Бывали, конечно, у него проколы, но у кого их не бывает? Так что ни мягкость его, ни уступчивость никогда делам сколько-нибудь значительно не мешали. Однако во второй половине 80-х ситуация действительно переменилась: началась перестройка, нас стали печатать много и часто, уследить за всем становилось все труднее, а у меня как раз появился наконец компьютер, достаточно мощный, чтобы можно было создать базу данных. Таковая была создана, и основная масса деловых переговоров естественным образом переместилась в Питер, ко мне. Если же говорить собственно о редакторской работе, то мы оба с удовольствием пользовались приемом «сваливания ответственности»: «Да, – говорил кто-нибудь из нас дураку-редактору, требующему идиотских поправок. – Вы совершенно правы. Я полностью с вами согласен. Но вот ОН – решительно возражает! Так что давайте, может быть, оставим все как есть, а?»

Эмиграция

На одном из выступлений на прямой вопрос, собираются ли Стругацкие уезжать из страны, Аркадий Натанович ответил так:

– Мы с братом уедем отсюда только связанные и на танке!

И тем не менее по Москве время от времени начинали циркулировать «абсолютно проверенные» слухи.

Одна знакомая позвонила Аркадию Натановичу, спросила, можно ли ей зайти к нему в ближайшее время.

– Никак не получится, – ответил Аркадий Натанович. – Я уезжаю на следующей неделе.

На следующий день она разговаривала со своей подругой.

– Как Аркадий? – спросила подруга.

– Уезжает.

К вечеру об этом знала вся Москва и пол-Ленинграда: уезжают Стругацкие. Эмигрируют.

Жена Всеволода Ревича Татьяна Чеховская позвонила Аркадию Натановичу:

– Аркадий, куда ты уезжаешь?

– В Душанбе. Буду там для денег писать сценарий. Про рабочий класс.

– А ты знаешь, что в Москве второй день только и говорят о том, что вы с Борисом эмигрируете?

– Можете быть спокойны. Мы никуда никогда не уедем.

В следующий раз, когда Всеволоду Ревичу кто-то из

сослуживцев безапелляционно заявил, что «ваши Стругацкие точно-таки уезжают, у меня сведения из Госкино», то Ревич обозлился и поспорил с сослуживцем на бутылку коньяка. И выиграл. И распил ее с Аркадием Натановичем, приговаривая: «Дай бог, не последняя».

Материалы биографии подготовлены Михаилом ДУБРОВСКИМ

по устным воспоминаниям Романа АРБИТМАНА, Нины БЕРКОВОЙ, Владимира БОРИСОВА, Евгения ВОЙСКУНСКОГО, Владимира ГОПМАНА, Александра ГОРОДНИЦКОГО, Вадима КАЗАКОВА, Михаила КОВАЛЬЧУКА, Бэллы КЛЮЕВОЙ, Александра МИРЕРА, Игоря МОЖЕЙКО, Михаила РАЛЛЯ, Всеволода РЕВИЧА, Мариана ТКАЧЕВА, Татьяны ЧЕХОВСКОЙ.

И последнее – Завещание Аркадия Натановича Стругацкого. То, которое не раз публиковалось, и каждый раз видится все более и более злободневным…

ЗАВЕЩАНИЕ

Не может же быть, что все мы – сплошные идиоты!

Не убивайте.

Почитайте отца и мать, чтобы продлились дни ваши на земле.

Не пляшите с утра и до утра.

Возымейте иную цель жизни, нежели накладывать руку на чужое богатство и на женскую красоту.

Тысячелетия глядят на нас с надеждой, что мы не озвереем, не станем сволочью, рабами паханов и фюреров.

Из предисловия А.Н. Стругацкого к 1-му выпуску альманаха «Завтра».

Москва, 1991 г.

notes

Примечания

1

Позволю себе напомнить: эвакуация шла в дачных, неотопляемых вагонах, температура же в те дни не поднималась выше 25 градусов мороза. – БН.

2

Правильнее – математико-механический, «мат-мех». – БН.

3

Разгон демонстрации коммунистов. – Прим. авт.